

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

2

**Материалы грузино-абхазской
конференции**

Конобеево (Московская область)

Август 1999

Ирвайн
2000

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhazian Conflict

Editors: Paula Garb
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili

This publication was made possible by a grant from
The William and Flora Hewlett Foundation.

Copyright © 2000 University of California, Irvine

Social Science Plaza A 3151
Irvine, California 92697-5100
(949) 824-1227
(949) 824-1544 fax

Светлой памяти Мартина Шумера посвящается

Содержание

Пола Гарб. Предисловие	7
Нателла Акаба. О некоторых популярных мифах (к истории грузино-абхазских взаимоотношений)	9
Георгий Анчабадзе. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта	20
Марина Барциц. Культурно-психологические традиции абхазов и конфликт	41
Торнике Гордадзе. Морально-идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта	51
Аслан Гуажба. Народная дипломатия и ораторство на Кавказе (абхазы и адыги)	66
Олег Дамениа. Абхазо-грузинский конфликт: Проблемы и перспективы урегулирования	83
Роман Дбар. Ресурсы и трудности экологической темы в гражданской дипломатии (на примере абхазо-грузинских поствоенных отношений)	100
Паата Закареишвили. Успехи и проблемы неформальной дипломатии в общем процессе разрешения грузино-абхазского конфликта	110
Арда Инал-Ипа. Вопрос о земле и другие проблемы абхазо-грузинского урегулирования	117
Марина Никурдзе. В чем видит грузинская народная дипломатия причины грузино-абхазского конфликта	126
Нодар Сарджвеладзе. Опыт фасилитации диалога старейшин Грузии и Абхазии	135
Марина Элбакидзе. Военные о роли народной дипломатии в трансформации абхазского конфликта (результаты социологического исследования)	143

Предисловие

Предлагаемый сборник является результатом исследовательских работ и конференций, организованных Калифорнийским университетом, г. Ирвайн. Задачами двухгодичного проекта являются:

- (1) содействие конструктивному диалогу и сотрудничеству между представителями обеих сторон грузино-абхазского конфликта;
- (2) внесение вклада в теорию конфликтологии путём использования методологий, позволяющих проследить влияние неофициальной дипломатии на общественное мнение;
- (3) распространение результатов проекта как в регионе, так и среди международных организаций и специалистов, занимающихся разрешением конфликтов.

Мы провели четырнадцать параллельных встреч: в августе, сентябре и декабре 1998 г., в марте, августе, сентябре и декабре 1999 г. За это время двадцать восемь грузин и абхазов приняли участие по меньшей мере в одной из шести совместных конференций в рамках этого проекта. Двенадцать из них, участвующих в проекте с 1997 г., участвовали во всех шести двусторонних встречах. К тому же под эгидой этого проекта в декабре 1999 г. трое тбилисских участников – Георгий Анчабадзе, Марина Элбакидзе и Георгий Нодия – посетили Сухуми, чтобы встретиться с общественностью: впервые после войны грузины получили возможность обратиться к общественности в столице Абхазии. Все эти встречи были очень интересными и конструктивными.

Предлагаемые исследования раскрывают различные аспекты корней конфликта, возможности и трудности его разрешения, а также отношение к официальной и неофициальной дипломатии среди граждан с обеих сторон.

Мы надеемся, что этот сборник будет широко распространен в регионе и послужит развитию диалога. Чтобы сделать его доступным публике с обеих сторон, публикация производится на русском языке. Краткое изложение статей на английском языке доступно в Интернете: (http://hypatia.ss.uci.edu/gracs/peacemaking/aspects_pub_abstracts.html) для всех занимающихся разрешением конфликтов на международном уровне. Мы приветствуем все ваши комментарии, мнения и предложения для будущего исследования и практи-

ческих мер, способствующих конструктивной трансформации грузино-абхазского конфликта.

Мне хотелось бы выразить благодарность William and Flora Hewlett Foundation за поддержку данного проекта, а также поблагодарить спонсоров предыдущих проектов, на основе которых был разработан настоящий проект – Winston Foundation for World Peace, University of California's Institute on Global Conflict and Cooperation, Global Peace and Conflict Studies и факультеты социальной экологии и общественных наук Калифорнийского Университета г. Ирвайн, а также частных доноров Южной Калифорнии. Этот проект не был бы возможен без неустанных усилий его координаторов Арды Инал-Ипа и Пааты Закареишвили, а также других коллег, которые приняли участие в наших встречах и представили свои статьи. Я благодарю Сьюзен Аллен Нан и Джей Ротман, которые работают со мной по организации проекта, а также Марину Элбакидзе, Тамару Шамиль, Зураба Черкезишвили, Дитера Бодена, Линн Виссон, Кэтрин Дейл и Марджори Фаррар, которые внесли неоценимый вклад в дело продвижения этой работы.

Нателла Акаба

Центр поддержки демократии и прав человека

О некоторых популярных мифах (к истории грузино-абхазских взаимоотношений)

Мирные переговоры, как бы долго они ни длились и какое искусство ни проявляли бы участвующие в них дипломаты и политики, не способны привести стороны к устойчивому миру, если переговорный процесс не сопровождается поиском мира в умах людей. Если социально – психологические установки участников конфликта не претерпевают никаких изменений, а мотивы и побуждения остаются теми же, что и во время столкновения, то трудно рассчитывать на успех переговорного процесса и будущее мирное сосуществование вчерашних противников.

Некоторые исследователи отмечают исключительную вовлеченность общественного мнения как одной, так и другой сторон на всех стадиях грузино-абхазского конфликта. Б. Коппитерс указывает, что из-за высокой степени мобилизации общественного мнения грузинское и абхазское руководства постоянно отслеживают возможные негативные реакции своей ответственности на выдвигаемые ими инициативы.¹

Принимая во внимание данное обстоятельство, мы должны признать, что социально-психологическая составляющая грузино-абхазского конфликта все еще не является объектом серьезного изучения со стороны посредников, вовлеченных в процесс мирного урегулирования, и это способствует отдалению перспективы построения долгосрочного мира.

Знакомясь с публикациями грузинских и абхазских авторов последних (т.е. послевоенных) лет, можно заметить, что взаимное недоверие и подозрительность все еще осложняют поиск общих интересов. Базовые установки сторон в целом очень мало изменились по сравнению с предвоенным периодом, а негативные стереотипы в отношении противоположной стороны все еще сильны, хотя, конечно, заметно, что время несколько смягчило их эмоциональную окраску. Данное обстоятельство, наряду с отсутствием каких-либо правовых гарантий невозобновления военных действий, не может не тревожить, поскольку является еще одним свидетельством хрупкости установившегося мира.

Может показаться неожиданным, но абхазы и грузины, долго жившие рядом, довольно мало знают друг о друге, особенно это касается грузинского сообщества. Встречи на академическом уровне в рамках процесса народ-

¹ Б. Коппитерс, Введение, в сб. Грузины и абхазы: путь к примирению, М., 1998, сс. 11-12

ной дипломатии могли бы до некоторой степени способствовать заполнению информационного вакуума, существующего в грузино-абхазских отношениях. Возможно, во время таких встреч целесообразно было бы начать более откровенный диалог о мифах и стереотипах, прочно укоренившихся в массовом сознании представителей каждого из сообществ. Это был бы первый шаг на пути к более глубокому пониманию мотивов, потребностей и опасений каждой из сторон и исследованию истинных причин взаимной вражды и недоверия, формировавшихся на протяжении веков и по сей день омрачающих отношения абхазов и грузин. По-видимому, без этого невозможно начать процесс восстановления доверия.

Известно, что стереотипы могут быть как позитивными, так и негативными. Последние имеют характер предубеждений и являются неизменными спутниками конфликтов, особенно такого укоренившегося, как грузино-абхазский. Изучение и анализ сложившихся стереотипов и мифологизированных представлений абхазов и грузин друг о друге помогли бы глубже проникнуть в суть проблемы и понять, какие цели оппонентов являются действительно несовместимыми, а какие только кажутся таковыми. И, что существенно, без осознания психосоциальных мотивов и установок сторон невозможно избежать повторения прошлых ошибок.

Многим абхамам и до, и после грузино-абхазского вооруженного противостояния приходилось сталкиваться с определенной системой устоявшихся взглядов и аргументов, характерных для представителей различных слоев грузинского общества. Цель данной статьи – показать, как некоторые из наиболее распространенных утверждений воспринимаются с абхазской стороны. При этом автор отдает себе отчет в том, что было бы полезно серьезно исследовать также и представления абхазов и грузин друг о друге, но осуществление подобного проекта потребует значительной подготовительной работы – проведения социологических и иных исследований. В то же время в данной статье вполне сознательно не рассматриваются наиболее радикальные или одиозные представления наподобие того, что «абхазы спустились с гор» или что «на самом деле абхазы – это грузины, живущие в Абхазии, а сепаратисты – это апсуицы». Полемизировать с людьми, слепо верящими в «теорию» П.Ингороква и иных подобных ему апологетов имперской политики, было бы пустой тратой времени. Совершенно ясно, что такие взгляды весьма удобны для тех, кто хочет стряхнуть со своих плеч груз всякой моральной ответственности за совершенное в отношении народа Абхазии зло. Поэтому ниже речь пойдет лишь о некоторых стереотипах, носителями которых являются представители наиболее образованных и умеренных кругов грузинского общества. Это те предубеждения, с которыми автору лично приходится чаще всего сталкиваться при чтении публикаций грузинских авторов

последних лет и в ходе различных двухсторонних встреч, семинаров и других подобных мероприятий, связанных с анализом причин конфликта и перспективами нормализации абхазо-грузинских отношений.

«Гости и хозяева»

По-видимому, в грузинском массовом сознании довольно прочно укоренилось представление о Грузии как о гостеприимной стране, которая на протяжении своей истории давала приют многим гонимым этническим и религиозным группам. При этом, как правило, делается акцент на особую толерантность грузинского общества, которое, якобы, никогда не знало, что такое дискриминация по этническому или религиозному признаку. Подобные утверждения можно встретить во многих публикациях. Вот только одна цитата: « Несмотря на сложный этнический и религиозный состав Грузии представляла и в настоящее время представляет этническим и религиозным диаспорам благоприятные условия для неограниченного развития их культуры, религии, языка, традиций... В истории Грузии ... зафиксировано очень мало эпизодов межэтнических противостояний».²

Такой взгляд выглядит на наш взгляд несколько упрощенным, особенно в свете событий последнего десятилетия, и вряд ли может объяснить происхождение межэтнических трений и этнополитических конфликтов, которые стали сотрясать Грузию с обретением ею своей независимости. В то же время совершенно очевидно, что проблемы существовали, хотя и в латентной форме, задолго до этого. Когда Грузия была частью империи – вначале царской, затем советской – вряд ли ее политическая и интеллектуальная элита могла вполне свободно декларировать и самостоятельно осуществлять свои цели в отношении меньшинств. Лишь в недолгий период 1918-1921 гг., когда Грузия существовала как независимая республика, она смогла проводить самостоятельную политику. Хорошо известно, что эти годы отнюдь не были годами мира и спокойствия как для меньшинств в собственно Грузии, так и для соседних с ней народов. Объективный исследователь должен признать, что и тогда независимая Грузия оказывала силовое воздействие на Абхазию.³

Прослеживается удивительно много общих закономерностей между событиями того времени и начала 90-х гг. Можно сказать, что межнациональные конфликты 90-х гг. были в значительной степени предсказуемы, хотя их формы и масштабы насилия для многих стали неожиданностью.

² Г. Гогсадзе, Грузия: этнополитические конфликты и вопросы государственного строительства, в сб. Северный Кавказ – Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. М. 1987, с. 98.

³ См. например у Г. Нодиа в работе Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии, в сб. Спорные границы на Кавказе, М., 1996, с. 93.

Реальная картина взаимоотношений титульной и нетитульных наций в Грузии не выглядит столь уж идиллической. До тех пор, пока представитель «некоренного» этноса ведет себя достаточно скромно, т.е. не требует для себя каких-то экономических или политических прав, к нему относятся вполне терпимо. Но как только меньшинство заявляет о своих особых требованиях, то это, как правило, воспринимается доминирующим большинством как проявление неблагодарности. Именно поэтому после начала горбачевской «демократизации и гласности», когда люди получили возможность более откровенно, чем раньше заявить о своих устремлениях и опасениях, в Грузии, как, впрочем, и в ряде других многонациональных республик Союза, обострились межэтнические отношения. Это привело к вооруженным конфликтам в Азербайджане, Молдавии, на Северном Кавказе и в других регионах. Поскольку в Грузинской ССР негрузинское население составляло около трети, а в состав республики входило три автономных образования, Тбилиси пришлось столкнуться с серьезным вызовом, когда влияние националистически настроенной интеллигенции на массы достигло апогея. Толпы митингующих в Тбилиси и Сухуми восторженно слушали ораторов, утверждавших, что меньшинства (или «гости») представляют серьезную угрозу для Грузии и требовавших принять меры по ограничению рождаемости среди негрузинского населения. Печатные издания того периода воспроизводили непозволительно резкие высказывания таких известных людей, как Звиад Гамсахурдиа, Мераб Костава, Нодар Нагадзе, Чабуа Амиреджиби, чье мнение пользовалось тогда непререкаемым авторитетом. Удивительно не столько то, что подобные мнения тиражировались, сколько то, что никто кроме М. Мамардашвили не осуждал их, по крайней мере, публично.

Подтверждений того, что подобные высказывания не были просто всплеском эмоций нескольких экзальтированных интеллектуалов, а являлись и, возможно, продолжают являться довольно стойким и распространенным предрассудком, можно привести достаточно много.

Правда, ряд изданий демократической ориентации и тогда выражали обеспокоенность эскалацией межэтнической напряженности в Грузии, хотя заботились они не столько о правах меньшинств, сколько об имидже Грузии. Так, газета Иберия-спектр писала в 1993г: «Вопреки расчетам, Грузия не стала «витриной демократии» и «островом стабильности». Внутренние конфликты мешают ей играть роль, которую был готов признать за ней Запад – роль строителя региональной безопасности и посредника в спорах между кавказскими народами...».⁴

Страх по отношению к меньшинствам характерен для грузинского общества и, вероятно, тесно переплетен со страхом (возможно, не всегда осоз-

⁴ Газ. Иберия-спектр, 1993, 17 января, на груз. языке.

нанным) перед дезинтеграцией страны. Подтверждение этому можно найти в проекте концепции безопасности Грузии (автор этого документа – директор Центра стратегических исследований Нико Меликадзе), где сказано: «Наличие этнической пестроты в стране представляет собой серьезную угрозу».⁵

Вероятно, пока грузинское общество не преодолеет страх перед иными этническими группами, Грузия вряд ли сможет стать подлинно демократическим сообществом.

Американский конфликтолог С. Кауфман также обращает внимание на значение мифа о толерантности грузин для понимания истоков этнополитических конфликтов в Грузии. Он указывает, что, несмотря на репутацию толерантной нации, а может быть и вследствие этого обстоятельства, грузины испытывают враждебность по отношению к тем, кто выдвигает претензии, которые воспринимаются как необоснованные или опасные. Таким образом, заключает Кауфман, грузинское понимание толерантности заключается в следующей формуле: «Вы поддерживаете нашу власть, а мы великодушно относимся к вам».⁶

В фаворитизме, т.е. стремлении представить свою группу в более благоприятном свете, наделяя ее положительными качествами (в данном случае – толерантность, гостеприимство), нет ничего исключительного, это хорошо известное социологам и психологам явление. Характеризуя свою группу (или свой этнос) положительно, мы повышаем и свою индивидуальную самооценку. С другой стороны любовь к «нам» может порождать и нелюбовь к «ним», т.е. вызывать обесценивание других групп.⁷ Несомненно, такая «необъективность» присуща и абхазам. Хочется надеяться, что эта тема станет объектом дальнейшего исследования.

Миф о неблагодарности

С представлением об особой толерантности грузинской нации вероятно связано и довольно распространенное мнение о том, что абхазы получили от Грузии все блага, но не оценили этого. В публикациях многих авторов, как писателей и ученых, так и политических деятелей, четко прослеживается представление, что абхазы имели в составе Грузинской ССР такие привилегии, о которых жители других советских автономий не могли даже мечтать. Ю. Анчабадзе говорит о существующем в грузинском обще-

⁵ Цитируется по сб. Конфликты и переговоры, Бюллетень Международного Центра конфликтологии и стратегии переговоров, № 1-2, зима-весна 1998г. с.10.

⁶ S.J.Kaufman, Options for Resolution of the Conflict in Abkhazia, Program on new Approaches to Russian Security, Policy Memo Series N 32, Cambridge MA, 1998, p.9.

⁷ Д. Майерс, Социальная психология, Санкт-Петербург, 1999 сс.454-455.

стве мифологизированном представлении о некоей патерналистской роли Грузии по отношению к абхазам. Грузия якобы помогла абхазам получить самые благоприятные условия для социокультурного развития, благодаря чему они смогли сохранить свое этническое лицо в отличие от кавказских народов российских автономий, будто бы подвергшихся тотальной русификации. Таково, считает Ю. Анчабадзе, происхождение стереотипа относительно неблагодарности абхазов.⁸

Миф о привилегированном положении абхазов в Советской Грузии довольно популярен и по сей день. Почти во всех грузинских публикациях, затрагивающих тему Абхазии, подчеркивается, что в составе Грузинской ССР абхазы имели непропорционально высокое представительство в Верховном Совете, за ними были зарезервированы определенные руководящие посты, например, пост первого секретаря Абхазского областного комитета ЦК Компартии Грузии.

Довольно неожиданным может показаться утверждение, что из-за привилегированного положения абхазов многим грузинам – жителям Абхазии не оставалось ничего другого, как записаться абхазами. М. Габашвили пишет о таком «феномене», как ассимиляция грузинского большинства абхазским меньшинством⁹. Но в таком случае остается непонятным, почему же доля абхазского населения в Абхазии неуклонно сокращалась, а не росла.

Известна устойчивость предрассудка, который, однажды сформировавшись, живет отчасти вследствие инерции конформности, отчасти вследствие институциональной поддержки таких социальных структур, как средства массовой информации¹⁰. Это вполне характерно и для данного случая. Незаслуженно привилегированное (по мнению многих грузин) положение абхазов постоянно муссировалось в грузинской прессе, подогревалось и использовалось определенными кругами (как в Тбилиси, так и в Москве) для осуществления своих политических целей. Это стало особенно очевидно в канун августа 1992 года, когда активное участие официального Тбилиси в борьбе за распределение постов в правительстве Абхазии в немалой степени способствовало перерастанию грузино-абхазского конфликта из политического в вооруженный.

В то же время хорошо известно, что отнюдь не только в Абхазии, но и во многих автономиях в составе России титульная нация в результате «мудрой» сталинской национальной политики и произвольного национально –

⁸ Ю. Анчабадзе, Грузия – Абхазия: трудный путь к согласию, в сб. Грузины и Абхазы. Путь к примирению, М., 1998, с. 110.

⁹ М. Габашвили, К психологическому анализу конфликта (На примере вооруженного конфликта в Абхазии), в указанном сборнике, стр. 149.

¹⁰ Д. Майерс, Указ. соч., с. 459.

территориального деления превратилась в меньшинство (к примеру, в Карелии проживало около 11% карелов, а в Башкирии – немногим более 20% башкир). Действительно, с середины 50-х гг. Москва предпринимала какие-то попытки сбалансировать национальную политику и, в частности, стала фактически использовать систему квот, благодаря которой представители титульного этноса были более широко представлены во властных структурах. Трудно судить, преследовала ли Москва при этом какие-либо скрытые цели, однако в грузинском массовом сознании сформировалось стойкое убеждение, что Центр делает все это исключительно для того, чтобы создать проблемы грузинам.

Это же касается Абхазского университета и телестудии, вопрос о которых приобрел особенно острое звучание накануне войны. Если в Тбилиси по сей день считают, что абхазы получили все это благодаря грузинам, то абхазы убеждены, что это результат долгой борьбы, когда люди проводили акции, писали письма в Москву, за что многих представителей абхазской интеллигенции снимали с работы и исключали из компартии. В 1979г. голос абхазов был наконец услышан, и Совет Министров СССР принял соответствующее постановление. В столицах других автономий – скажем, в Уфе или Махачкале, эти вопросы были решены гораздо раньше и совершенно безболезненно.¹¹

Наивно думать, что, имея даже значительное число мандатов в Верховном Совете или занимая кресло первого секретаря обкома, представители абхазского этноса могли оказывать серьезное влияние на политику в своей республике. Совершенно ясно, что все наиболее важные вопросы решались в Москве, а менее важные – в Тбилиси. Согласно советским законам, даже для выделения местному жителю пустующего соседнего участка для огорода или строительства нового сарая необходимо было получить разрешение из Тбилиси. Довольно показательна следующая цитата из выступления одного из участников Абхазской областной партконференции в 1965 г.: «Возьмите к примеру нашу республику: здесь имеются все органы власти и управления, а между тем почти все существующие организации и предприятия являются филиалами или отделениями, участками республиканских организаций... Совет Министров, Госплан по существу не планируют, не контролируют, а могут давать только рекомендации... До сих пор действует закон военного времени 1942г., без разрешения Тбилиси запрещающий командировку работника за пределы Абхазской АССР.»¹²

¹¹ Поэтому Абхазский Университет приобрел значение символа, и попытки грузинской его части выделиться в Сухумский филиал ТГУ привели в 1989г. к первым кровавым столкновениям.

¹² Из речи министра снабжения Абхазской АССР Акаба Н.Р. на партконференции 1965 г. Цитируется по книге Абхазские письма, (составитель И. Марыхуба), Сухум, 1994, с. 151.

Власть абхазской элиты была в высшей степени иллюзорной, т.к. она ничего не решала самостоятельно. В то же время недовольство абхазов вызывал и тот факт, что назначавшиеся на высокие посты абхазы отнюдь не всегда были профессионалами, пользующимися авторитетом в своем сообществе. Чаще это были проверенные партийные кадры, перед этим непременно поработавшие в Тбилиси и доказавшие свою лояльность Грузии.

Был ли апартеид?

Особо негативное отношение у многих грузинских авторов к решению З. Гамсахурдиа (по совету его тогдашнего советника Л. Алексидзе) пойти на предоставление абхазам 28 мандатов в Верховном Совете Абхазии, в то время как грузины получили 26 мест, а остальные этнические группы – только 11. Эта договоренность характеризуется в грузинской литературе как предательство национальных интересов Грузии и апартеид. Вот как оценивает этот факт грузинский автор: «В 1991 г. в Абхазии был осуществлен заговор против неабхазского населения. В нем принимали участие З. Гамсахурдиа, ... абхазское национальное движение Аидгылара и другие *просоветские* (выделено мной -Н.А.) организации Абхазии».¹³

Можно по-разному относиться к упомянутому выше закону о выборах, вероятно, это решение было не самым удачным. Но совершенно ясно, что З. Гамсахурдиа решил пойти на временный компромисс с абхазами, чтобы ускорить уход прокоммунистического Верховного Совета Абхазской АССР со сцены. Надо отметить, что в принципе в такой «позитивной дискриминации» нет ничего исключительного и она применяется в ряде полиэтнических демократических стран с целью защиты реальных прав меньшинств. В Швейцарии и Бельгии, например, в ряде случаев предпочли отступить от формулы «один человек – один голос» ради сохранения межнационального мира и стабильности в своих странах. Вообще упрощенное понимание демократии как правления большинства при наличии миноритарных групп неизбежно приводит к этнократии и, следовательно, несет в себе угрозу разрушительных этнополитических конфликтов, с которыми пришлось столкнуться на постсоветском пространстве и в Восточной Европе.

Устойчивый негативный стереотип по отношению к последнему довоенному парламенту Абхазии является скорее результатом пропагандистской кампании с целью делигитимизации всего «наследия» Гамсахурдиа. Это подтверждается и тем, что самыми резкими критиками этого парламента являются сам автор закона о выборах Л. Алексидзе и бывшие депутаты –члены грузинской фракции довоенного Парламента Абхазии. Но если всерьез по-

¹³ Г. Гогсадзе, Там же, стр. 133.

пытаться рассмотреть формулу «28-26-11», станет ясно, что если кто и был ущемлен этим законом, то это русские, армяне, греки и другие представители т. н. русскоязычного населения, которым досталось всего 11 мест из 65 – ти (т.е. около 15%), хотя эти граждане составляли приблизительно 35 % довоенной численности населения республики. Но критики Закона о выборах об этом умалчивают, акцентируя внимание на «ущемлении прав грузинского большинства абхазским меньшинством». Между тем, на практике этнические грузины (тогда- около 45% населения) получили около 40 % мандатов.

В мусульманском кольце?

Как правило, западные дипломаты приезжают в Абхазию через Тбилиси, уже получив определенную «дозу» информации. Поэтому часто они бывают чрезвычайно удивлены отсутствием в Абхазии каких-либо традиционных атрибутов ислама. Еще большее удивление вызывает празднование жителями Абхазии Рождества и Пасхи. Помнится, как один американский дипломат, приехавший в Абхазию из Грузии накануне Нового года, с улыбкой рассказывал, что знакомая жительница Тбилиси, вполне образованная женщина, посочувствовала ему, что он будет вынужден праздновать новый год в Абхазии, т.е. среди мусульман.

Этот миф, хотя существовал и раньше, получил особое распространение в грузинском обществе в период войны. Возможно, это как-то связано с тем, что в военных действиях 1992-1993 гг. на стороне абхазов сражались добровольцы-мусульмане. Хотя, в то же время, в Грузии не могут не знать, что в рядах абхазского ополчения сражались и православные, и даже католики.

Возможно, корни этого предрассудка более глубоки и уходят в историческое прошлое, когда Грузии приходилось бороться за сохранение христианских ценностей, сопротивляясь наступлению исламской цивилизации. С тех пор грузины склонны рассматривать свою страну как христианский форпост на Кавказе и поэтому все связанное с исламом вызывает в грузинском обществе ощущение чуждого и враждебного. Видимо, как только абхазы стали восприниматься как чуждый и даже враждебный элемент, возникла потребность делать акцент на отличии абхазов от грузин, поскольку, по мнению большинства грузинского населения, понятие «грузинский» равнозначно понятию «православный», сформировался стереотип: абхазы – это мусульмане, т.е. чужие, не-грузины.

Независимо от того, действительно ли большинство грузин склонно верить мифу о доминирующей роли ислама в абхазском обществе, грузинские политики с большим или меньшим успехом старались использовать его

в своих интересах. Летом 1992 г., вскоре после того, как Грузия получила официальное международное признание и незадолго до начала войны, Тбилиси, а затем и Сухум посетила первая миссия СБСЕ. Ее члены встретились с депутатами Верховного Совета Абхазии, представителями всех национальных общин и политических организаций, побеседовали с высшим руководством республики и через несколько часов вернулись в Тбилиси. Когда же вскоре удалось ознакомиться с докладом миссии, многие в Абхазии были просто шокированы: ряд фактов и статистические данные были искажены, но особенно поражало, что авторы доклада утверждали, что подавляющее большинство абхазов исповедует ислам. Видимо с легкой руки членов миссии этот миф еще долго путешествовал из доклада в доклад и в газетные публикации. Можно вспомнить, как осенью 1992г., уже после начала войны, Э. А. Шеварднадзе (тогда еще глава Госсовета Грузии), выступая в Генассамблее ООН, говорил об угрозе фундаментализма от Таджикистана до Боснии, прозрачно намекая на то, что войну в Абхазии развязали именно эти силы. Вряд ли, конечно, сам Шеварднадзе столь сильно заблуждался, скорее он надеялся таким образом привлечь большее внимание к угрозе территориальной целостности своей страны. При этом как-то в тени оставался тот факт, что на самом деле большинство абхазов считают свою Родину страной древнего христианства и убеждены, что история абхазской государственности тесно связана с историей распространения христианства.

«Рука Москвы»

Выше уже упоминалось вскользь о существующей в грузинском обществе склонности к преувеличению роли Москвы в возникновении и эскалации грузино-абхазского конфликта. На сей счет можно привести множество примеров. Так, Шеварднадзе любит повторять историю о том, как Н. Хрущев, будучи главой СССР, угрожал грузинским лидерам «натравить» на них абхазов. Вряд ли теперь представится возможность узнать, действительно ли эксцентричный советский лидер говорил что-то в этом роде и, если говорил, то при каких обстоятельствах, но данный миф служит порой на уровне общественного сознания чуть ли не доказательством того, что Москва спровоцировала абхазский сепаратизм.

Очень много сказано о том, что абхазы пользовались российской военной поддержкой в ходе боевых действий, но в грузинской, да и западной, печати очень мало говорится о той существенной военной помощи, которая оказывалась Россией Грузии. Однако такие сведения при желании можно отыскать без особого труда. Хорошо известны также чрезвычайно тесные отношения, связывавшие российских и грузинских военных. Ни для кого в Грузии не

является секретом, что именно российская поддержка дважды помогла одолеть Гамсахурдиа – в канун 1992г.и осенью 1993г. Министр обороны РФ генерал П.Грачев поддерживал дружеские, скорее даже братские отношения с бывшими министрами обороны Грузии Т.Китовани и В. Надибаидзе.

Известно и то, что накануне начала вторжения в Абхазию Грузия получила от бывшего Закавказского Военного Округа крупную партию вооружения. По свидетельству грузинских военных, русские военные спецы способствовали подготовке десантной операции грузинских отрядов на северном побережье Абхазии в начале войны 1992-1993 гг.¹⁴

Вряд ли кто-то сомневается, что Москва была вовлечена в этот и другие конфликты на Кавказе, однако излишняя демонизация России и стремление объяснить ее происками все беды, постигшие Грузию, представляются не только бесплодными, но и вредными. Известный конфликтолог Й. Гальтунг, который также обращает внимание на существование в грузинском обществе тенденции возлагать ответственность за конфликты на Россию, пишет: «Бесплодно предполагать, что все конфликты зависят от решений, принимаемых в Москве. Такие решения определенно играют важную роль. Но удаление со сцены России не означает удаления конфликтов между грузинами и абхазами».¹⁵

Вряд ли можно рассчитывать на конструктивный абхазо-грузинский диалог, пока стороны видят себя лишь в роли статистов в пьесе, режиссеры которой находятся за пределами региона. Ведь совершенно ясно, что Россия имеет свои политико-стратегические интересы в этом регионе и будет их отстаивать.

Заключение

Восстановление доверия между двумя сообществами представляется ничуть не менее сложной задачей, чем проработка юридических документов, явившихся итогом долгого и непростого переговорного процесса. Доверие между людьми – это очень хрупкая субстанция, которую можно в одночасье разрушить, а воссоздавать приходится годами. Но продвигаясь по пути к миру, приходится избавляться от ненужных, отживших свое представлений, предубеждений и мифов, которые стали уже частью нас самих, нашего тоталитарного прошлого. И хотя это очень трудный и болезненный процесс, мы должны пройти через него для того, чтобы обрести наконец мир в наших душах и мир на Кавказе.

¹⁴ Д. Дарчиашвили, Российское военное присутствие в Грузии – позиции сторон и перспективы, в журнале Кавказские региональные исследования, Выпуск 1, 1997, с.40.

¹⁵ Й. Гальтунг, Некоторые наблюдения на Кавказе, в журнале Кавказские региональные исследования, Выпуск 1, 1997, с.82.

Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта

В этнических конфликтах, как правило, присутствует историческая тема как важная составляющая часть. Противоборствующие стороны стараются исторически обосновать справедливость своих требований и при этом затрагивают проблемы как непосредственно касающиеся генезиса и развития этнополитического противостояния, так и имеющие к ним весьма отдаленное отношение.

Так каждый конфликт имеет длительную предысторию, которая нередко насчитывает десятки, а то и сотни лет, когда между народами или народом и государством с другой этнической основой накопились противоречия, происходили столкновения, приводившие к формированию устойчивой межэтнической розни. Факты этого противостояния, освещаемые с диаметрально противоположных позиций, служат основными материалами в информационной борьбе. В таких случаях вольное обращение с историей и вольная интерпретация исторических фактов – весьма характерное явление. Примечательно также, что со стороны некоторых историков, участвующих в информационном противоборстве, наблюдаются попытки удревить конфликт, искать его истоки и проявления в таких отдаленных исторических периодах, когда объективно не существовало реальных условий для развития этнического противостояния.

Другой круг вопросов, также вызывающий ожесточенную полемику – это проблема этнической принадлежности древнего населения спорных территорий. Конфликтующие стороны стремятся таким путем доказать свои эксклюзивные права на спорные земли, хотя известно, что представители международных организаций, для которых, в первую очередь, предназначена эта информация (на этапе, когда конфликт уже становится предметом внимания ООН и ОБСЕ) мало интересуются проблемами далёкого прошлого. Нам представляется, что “историзм” такого рода особенно характерен для постсоциалистических обществ (бывшего СССР, Югославии и др.), где до недавнего времени вся общественная активность находилась под жёстким идеологическим контролем и лишь в вопросах древней и средневековой истории (т.е. до эпохи возникновения марксизма) допускалась относительная свобода мысли. В таких условиях национально-патриотические идеи находили выражение преимущественно в историографии, а так-

же в искусстве и литературных произведениях на исторические темы. Интеллектуальные элиты народов Советского Союза, лишённые своей государственности и возможности открыто обсуждать и решать национальные задачи, в поисках “народного духа” обращались к истории, что закономерно приводило к ее некоторой мифологизации. Этот момент, пожалуй, особенно заметен на Кавказе, народы которого прошли многовековой исторический путь и где привязанность к родной земле проявляется во всём многообразии духовной жизни. Поэтому на Кавказе для общественного мнения самым действенным аргументом в территориальном споре между народами является не государственная принадлежность спорных земель или современный состав их населения, а ответ на вопрос: какой этнос проживал тут изначально?

Историческая составляющая этнических конфликтов – основной предмет информационной борьбы на ранних стадиях межнационального напряжения, пока собственно конфликт еще находится в латентном состоянии и сохраняет определенную остроту даже в тех случаях, когда противостояние переходит в открытое военно-политическое противоборство.

Грузино-абхазский конфликт в этом отношении можно назвать классическим. Его историческая составляющая настолько чётко выделяется из общего контура, что неискушенному наблюдателю может показаться его основной причиной. Тем более, что исторические проблемы в 50-х-70-х годах несколько раз служили в Абхазии катализатором для небывалых в СССР межнациональных кризисов. В настоящий момент на фоне произошедших военно-политических событий историческая тема, естественно, отошла на задний план. Она далеко уже не играет той роли в формировании общественно-политического климата, как 10-12 лет тому назад. Частично это вызвано и фактическим отделением Абхазии от Грузии, в результате которого между ними прекратился широкий информационный обмен. Сегодня, можно сказать, общественность Абхазии уже не в курсе того, что пишут в Тбилиси, и наоборот. Тем не менее интерес к полемическим вопросам истории Абхазии достаточно велик. Главным предметом этого политизированного научного спора по-прежнему остаётся вопрос этнической характеристики древнего населения Абхазии. Споры ведутся также вокруг этнополитической характеристики Абхазского царства – феодального государства в Западной Грузии VIII-X вв. Мнения грузинских и абхазских ученых по этим вопросам становятся всё более противоречивыми. Надо полагать, что их позиции не станут ближе до тех пор, пока в отношениях между грузинами и абхазами сохраняется конфликтная ситуация. Между тем, когда грузино-абхазские взаимоотношения еще не носили такой напряженный характер, исторические проблемы не вызвали столь острую реакцию. Выводы

грузинских и абхазских ученых часто совпадали. Грузинские специалисты вносили большой вклад в дело изучения языка и истории абхазов. Далее мы предлагаем краткий историографический обзор; рассмотрим основные теории, существующие в научной литературе относительно этнической принадлежности древнего населения Абхазии и происхождения абхазского народа. Размер статьи а также ее характер, не позволяют широко комментировать ту или иную теорию, хотя автор, разумеется, оставляет за собой право в отдельных случаях высказывать своё суждение.

* * *

Проблема происхождения народов является одним из самых сложных вопросов исторической науки. Для его решения необходимо использовать данные разных научных дисциплин: истории, археологии, этнографии, языкознания, антропологии, фольклористики и др.

Важным обстоятельством, которое необходимо учитывать при решении вопроса о происхождении абхазов, является их генетическая принадлежность к кавказской (“палеокавказской”) этнической семье, подразделяющейся на три основные ветви: западную, или абхазо-адыгскую (абхазы, абазинцы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы); восточную, или нахско-дагестанскую (чеченцы, ингуши, аварцы, лакцы, даргинцы, лезгины и др.) и южную, или картвельскую, в которую входят грузины – народ, состоящий из трех основных субэтнических групп: карты, мегрело-чанцы и сваны.

Представители кавказской этно-лингвистической семьи являются древнейшими обитателями Кавказа (отсюда и название “палеокавказские”). Впрочем, здесь следует отметить, что некоторые языковеды отрицают генетическое родство между картвельскими языками, с одной стороны, и языками абхазо-адыгской и нахско-дагестанской групп, объединяя две последние в единую севернокавказскую семью. Таким образом, по мнению этих авторов, на Кавказе в настоящий момент представлены две коренные, но не родственные между собой семьи языков – картвельская и севернокавказская¹. Эта мысль, в частности, проводится в новом учебном пособии “История Абхазии” (1993 г.), однако нам кажется, что пока рано окончательно отбрасывать теорию об этническом родстве всех палеокавказцев. Совершенно прав академик И.Джавахишвили, указывая, что это родство подтверждается не только лингвистическими, но и самыми разнообразными историческими материалами.

Вопрос о раннем этногенезе абхазского народа не раз ставился в специальной литературе XIX – первой пол. XX в. Одной из распространенных в прошлом теорий происхождения абхазов являлась т.н. эфиопско-египетс-

кая теория, согласно которой древние колхи и вместе с ними предки абхазов переселились на Кавказ из Северо-Восточной Африки (Б.Нибур, П.Услар, Д.Гулиа и др.).

Другая теория выводила абхазов с Северного Кавказа. Причем, по мнению одних авторов, это якобы произошло еще в античную эпоху (М.Кислинг, А.Сванидзе и др.), а по мнению других – лишь в период позднего средневековья (А.Дьячков-Тарасов).

Третья миграционная теория происхождения абхазов выводит их предков из Малой Азии и непосредственно примыкающих к ней районов юго-западного Закавказья (А.Глейе, Н.Марр и др.). Ниже увидим, что предположения о древних связях абхазо-адыгов с Малой Азией вовсе не лишены научной обоснованности.

Наконец, существует также гипотеза, согласно которой абхазо-адыгские племена в далёком прошлом пришли из Малой Азии в западное Закавказье, откуда переселились на Северный Кавказ, и лишь в первых веках н.э. предки абхазов снова вернулись в Закавказье и заняли территорию современной Абхазии (И.Джавахишвили)².

Против миграционных теорий высказался ряд ученых, которые настаивали на автохтонности предков абхазского народа (А.Фадеев, Б.Куфтин и др.).

С 1920-х гг. изучение истории Абхазии принимает более систематический характер. Прежде всего тут следует назвать книгу основоположника абхазской литературы и ученого Д.Гулиа “История Абхазии” (1925 г.), являющейся первой попыткой монографического исследования истории Абхазии с древнейших времен по X в. н.э. Общеизвестны также заслуги акад. Н.Марра в абхазоведении. Но на подлинно научную, прочную основу изучение истории Абхазии и абхазского этноса поставили в своих фундаментальных работах выдающиеся грузинские историки И.Джавахишвили и особенно С. Джанашиа.

Еще П.Услар в XIX в., а затем некоторые другие специалисты (А.Глейе, А.Грен), обратили внимание на то, что определенные топонимические реалии из юго-восточного Причерноморья объясняются из абхазо-адыгских языков. Дальнейшие работы по исследованию древней и современной топонимии Западной Грузии, западнокартвельских языков (мегрело-чанского и сванского), а также других историко-филологических источников привели ученых к мысли о том, что некогда значительную часть территории Западной Грузии и прилегающих к ней областей Малой Азии занимали абхазо-адыгские племена (И.Джавахишвили, Н.Марр, С.Джанашиа, А.Чикобава, А.Ушаков и др.). В советской и грузинской историографии эта теория была широко распространена до конца 80-х гг. (И.Дьяконов, О.Джапаридзе и др.).

Сказанное, разумеется, не означает, что этнический состав населения юго-восточного и восточного Причерноморья в древности не менялся. В тесном соседстве с абхазо-адыгами проживали картвельские племена. По мнению С. Джанашиа, картвелы, в частности, мегрело-чанские этнические элементы, в определенный период занимали также и Абхазию, и воспоминания об этом сохранились в абхазском фольклоре в виде мифа о карликах-ацанах – древних насельниках горной Абхазии. И. Джавахишвили, как отмечалось, также полагал, что предки абхазов какое-то время концентрировались на Северном Кавказе и вернулись обратно лишь на рубеже н.э.

Вышеприведенные мнения ученых до середины XX в. не выходили, как и положено, за рамки сугубо академической сферы несмотря на то, что уже некоторое время подспудно накапливались противоречия в грузино-абхазских взаимоотношениях. К сожалению, резкий перелом в этом отношении наступил в середине XX в. Вопросы истории Абхазии за короткий срок политизировались; стали предметом митинговых страстей и “кухонного” разбирательства. Связано это явление, не в последнюю очередь, с именем грузинского ученого П. Ингоркв.

* * *

П. Ингорква, литературовед по своей основной специальности, в начале 50-х гг. выпустил объемистый труд “Георгий Мерчуле – грузинский писатель X в”., в котором выдвинул новую концепцию происхождения абхазов, перечёркивающую фактически всё, что было написано до него на эту тему. Содержание этой теории сводится к тому, что якобы исторические абхазы, хорошо известные по греко-римским, византийским, грузинским, армянским и другим источникам, этнически были грузинами, а современные абхазы – потомки адыгских племен, захвативших во второй половине XVII в. северо-западную часть Грузии – Абхазию. Пришельцы якобы вытеснили или ассимилировали коренных обитателей края – грузин, но при этом восприняли их имя³.

Чтобы понять, каким это было ударом для национального самоощущения абхазов, необходимо знать морально-политическую обстановку, царившую тогда в автономной республике.

В 40-х начале 50-х годов (до смерти Сталина) в Абхазии в административном порядке проводилась грубая политика грузинизации. В 1946 г. были закрыты абхазские школы, и по всем предметам ввели преподавание на грузинском языке, которого многие абхазские дети не знали, оставшись, таким образом, вне школы. В результате целенаправленной переселенчес-

кой политики, а также стихийного наплыва населения из других регионов Грузии и Советского Союза удельный вес абхазов среди населения Абхазии к 50-ым годам упал до 15 процентов. (в 1926 г. абхазы еще составляли 27.8 процента населения республики). Активно проводилась грузинизация топонимии Абхазии. Абхазов вытесняли из руководящих органов. Наметились необоснованные попытки объявления абхазского языка одним из картвельских языков. Д. Гулия заставили отречься от его книги “История Абхазии”. От имени писателя была издана брошюра, в которой проводится мысль о том, что “абхазы, собственно, те же грузины”.

Разумеется, в этих противоправных действиях нельзя обвинять грузинский народ, подавляющая часть которого даже не ведала тогда, что творилось в Абхазии (да и сегодня тоже далеко не все знают об этом). Не обоснованы также попытки провести прямую линию между береговцами, орудовавшими в Абхазии в конце 30-х - начале 50-х гг., и деятелями грузинского национального движения рубежа XIX-XX вв. в лице Я. Гогешвили и других, призывавших грузин переселяться в Абхазию, опустевшую в результате махаджирства 1870-х годов, как это иногда делается в информационных материалах абхазской стороны.

Политика, проводившаяся в Абхазии, формировалась в Москве. В 30-х-40-х годах в СССР многие малочисленные народы подвергались жесткой дискриминации по этническому признаку, вплоть до депортации с исторической родины или формального интегрирования в другие, более крупные этносы. Может быть, “Отец Народов” считал эту меру первым шагом на пути к будущему слиянию всего населения Союза в единую советскую нацию? Но всё же не следует забывать, что ущемление прав абхазов проводилось руками грузинских партийных функционеров и под флагом грузинизации. Открытое и громкое признание этого факта помогло бы грузинской стороне еще раз морально дистанцироваться от проводников кремлевской политики, лучше понять причины некоторых последующих явлений.

Таким образом, книга Ингоркв (публикация ее отдельных частей началась в 1949 г., а целиком весь том вышел в 54-ом) как бы отнимала у абхазов историческое прошлое. Это был своего рода “историографический” удар по народу, переживающему один из самых критических моментов своей истории и особенно болезненный от того, что противопоставить этому удару, фактически, было нечего. Несмотря на уже проделанную определенную работу по изучению древней и средневековой истории Абхазии, еще не существовало монографических исследований или обобщающих трудов на современном научном уровне, посвященных этим важнейшим периодам истории Абхазии.

Думается, что если бы книга Ингорквa вышла в свет в другое, более спокойное время, она стала бы лишь предметом научного разбирательства, и сегодня мало кто помнил бы о ней, как не помнят уже биографию Шота Руставели, сочиненную П.Ингорквa, или “прочитанные” им с помощью грузинского языка письма древних хеттов. Но в тот злополучный период эта публикация стала для абхазов последней каплей, и их возмущение стало принимать неадекватные формы. Теория Ингорквa превратилась в предмет нагнетания страстей.

Грузинскую научную и творческую интеллигенцию тоже волновал этот вопрос. Отношение к работе Ингорквa было неоднозначным. В это время уже не было в живых И.Джавахишвили и С.Джанашиа, которым может быть удалось бы своим огромным авторитетом вернуть всё на круги своя, другие же историки (Н.Бердзенишвили, В.Дондуа) хоть и пытались как-то повлиять на Ингорквa, не смогли ничего добиться. Вообще большинство кавказоведов – историки, этнографы, лингвисты – понимали, что новая теория в корне неверна, и она может негативно отразиться на грузино-абхазских взаимоотношениях. Зато теория Ингорквa была с энтузиазмом подхвачена другой группой интеллигенции; среди них были и видные ученые, однако неспециалисты в области абхазоведения, а также многие писатели (?!). Для них П.Ингорквa стал истинным национальным деятелем.

На точку зрения этих лиц не повлияло и то, что в печати появились негативные рецензии на “Гeоргия Мерчуле”, написанные специалистами – грузинами и абхазами – Н.Бердзенишвили, К.Ломтатидзе, З.Анчабадзе, Х.Бгажба и др., в которых основные положения Ингорквa, касающиеся истории Абхазии, подвергались глубокой и всесторонней критике. Более того, в глазах своих поклонников Ингорквa приобрел ореол мученика, которого наказывали за его патриотическую позицию. При этом обвиняли грузинских историков, которые якобы под давлением властей не поддержали новую теорию. Однако совершенно прав проф. Н.Ломоури, который в своей книге “Симон Каухчишвили” пишет по этому поводу: “Грузинские историки не поддержали Павле Ингорквa не потому, что испытывали давление каких-то сил, а потому, что невозможно было его поддержать с позиции научной объективности”.

Хотя грузинская историография уже в 50-е гг. в принципе отвергла теорию П.Ингорквa, вопросы истории Абхазии и, в частности, проблемы этнической характеристики его древнего населения стали предметом определенной напряженности в грузино-абхазских взаимоотношениях. Не случайно в массовых выступлениях абхазов в 1967 и 1978 гг. четко прослеживается “историографическая” тема.

* * *

С конца 50-х годов начинается новый этап в разработке проблем истории древней и средневековой Абхазии. В 1959 г. была опубликована монография З.Анчабадзе “Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.)” – первая фундаментальная работа, в которой доказывается автохтонность абхазского народа, изучены вопросы образования абхазской феодальной народности и проблемы этнического состояния абхазского народа в средние века. Спустя несколько лет вышла другая книга того же автора “История и культура древней Абхазии”, где также впервые в историографии были обобщены “материалы разнообразных источников и достижения смежных исторических наук по истории и культуре Абхазии с древнейших времен до V в н.э. В работе особое внимание уделяется вопросам происхождения древнеабхазских племен, обосновывается глубокая древность абхазского этноса на территории исторической Абхазии” (А.Куправа). Важным вкладом в развитие абхазоведения явилась книга Ш.Инал-ипа “Абхазы (историко-этнографические очерки)”, вышедшая первым изданием в 1960 г. Национальные научные кадры (М.Трапш, К.Шакрыл, Х.Бгажба и др.) плодотворно работали также в археологии, языкознании и других смежных дисциплинах, изучающих происхождение абхазского народа, его древнюю и средневековую историю.

В собственно грузинской историографии от конца 50-х до второй пол. 80-х гг. специальной разработке вопросов истории Абхазии уделялось меньше внимания. Отдельные проблемы истории автономной республики рассматривались тут в общих работах по истории Грузии.

Грузинские и абхазские ученые в целом сходились в том, что абхазо-адыгские и картвельские племена с древнейших времен заселяли западную часть Кавказа и прилегающие районы Малой Азии, что не исключало в те или иные периоды передвижение отдельных племен как с юга на север, так и в обратном направлении (З.Анчабадзе, О.Джапаридзе, Г.Меликишвили, Ш.Инал-ипа, Р.Гордзениани, Г.Гиоргадзе и др.). Споры (разумеется в академической форме) велись в основном по вопросам этнической характеристики отдельных племенных коллективов, а также времени и условий формирования абхазской народности.

Территория современной Абхазии во второй половине I тыс. до н.э. входила в состав большой политико-географической области, известной в античных источниках как “Колхида”, а всё ее население обозначалось общим именем “колхи”, по названию ведущей народности. Однако необходимо уточнить, что эти термины использовались древними авторами в двояковом значении. В узком (этническом) значении под колхами подразумевались предки современных мегрелов, которые с позднеантичной эпохи выступают уже

под именем “лазов”. Территория их расселения локализуется на Колхидской низменности с центром в долине р. Риони. В широком же значении, когда под Колхидой подразумевалась обширная страна, раскинувшаяся по побережью примерно от Питиунта (Пицунда) до Трапезунта, а в глубине – до Главного Кавказского хребта, Колхида понималась как географическая единица, объединяющая ряд племен, среди которых кроме собственно колхов были и другие картвельские группы, а также, по всей видимости, и некартвельские племена, в частности, абхазо-адыгские (Г. Меликишвили, Н. Ломоури и др.). Поэтому при выяснении этнической принадлежности того или иного колхидского “племени” никогда не следует упускать из виду двойкий смысл термина “колхи” и безоговорочно зачислять в ряд собственно колхов всякую этническую единицу, о которой античный писатель сказал, что она является “колхским племенем” (З. Анчабадзе).

В последних веках до н.э. на территории Абхазии и прилегающих к ней землях античные источники называют ряд этноплеменных объединений, однако сведения об этих группах населения настолько скудны и расплывчаты, что сказать что-нибудь определенное об их языковой принадлежности невозможно. Поэтому не правы те авторы, которые пытаются скопом причислить их всех к картвельской (грузинской) или абхазской этнической среде.

В первых веках н.э. на побережье исторической Колхиды появляются новые этнические названия – лазы, апсилы, абазги и саниги, образовывавшие раннегосударственные объединения, зависимые от Римской империи. Исходя из данных Арриана (II в.), лазы локализируются по берегам Фазиса (Риони) примерно до Ингури на севере; далее к северо-западу проживали апсилы; затем абазги до г. Севастополя (Сухуми), находившегося уже в землях санигов; владения последних распространялись до р. Ахеунт (Шахе?).

Границы этих этнополитических объединений не были постоянными. В III-IV вв. в связи с усилением лазов апсилы теряют территорию современного Гальского и частично Очамчирского районов, но в свою очередь вместе с абазгами оттесняют санигов за р. Бзыбь.

Таким образом, к середине I тыс. н.э. в современных границах Абхазии с юга на север проживали следующие “территориальные племена” или раннефеодальные народности: часть лазов (примерно, до р. Галидзга), апсилы (от Галидзги до Гумисты), абазги (от Гумисты, примерно, до Гагры) и, далее, саниги. В VI в. появляются также сообщения о горном племени мисимиян, которых большинство исследователей локализует в верхней части Кодорского ущелья, выше апсилов.

По вопросу этнической принадлежности лазов в науке существует однозначное мнение, что они являлись племенем мегрело-чанской ветви картвельской общности, прямыми предками современных мегрелов.

Относительно апсилов и абазгов вначале также не было разногласий. Еще Н. Марр, И. Джавахишвили, С. Джанашиа и другие ученые в первой половине XX в. единогласно признавали их племенами абхазо-адыгского этнического корня. Можно было только спорить, исконно они проживали на побережье Абхазии или спустились с гор в I-II вв. н.э. В начале 50-х гг. П. Ингорквва попытался объявить их картвелами, но его не поддержали не только специалисты-абхазы, но и большинство грузин. В дальнейшем в грузинской историографии вплоть до начала 90-х гг. не было серьезных попыток пересмотреть эту точку зрения. Действительно, как свидетельствует вся последующая история, апсилы и абазги находились в прямой генетической связи с абхазским народом. К терминам “апсил” и “абазг” восходят самоназвания современных абхазов и абазин – “апсуа” и “абаз”, являющиеся фонетическими вариантами одного и того же этнонима с общим корнем “пс”- “бз”.

В грузинских письменных источниках синонимом термина “апсил” выступает “абшил”, а “абазга” – “абхаз”. К VIII в. усилившееся княжество абазгов (абхазов) абсорбировало соседние мелкие народности – санигов, апсилов, мисимиян, распространив на них свое имя. Отныне в исторических источниках объединенная страна именуется Абхазией, а ее население – абхазами из-за ведущей политической роли абхазов (абазгов). Однако в основу формирования единого языка абхазской народности лег, очевидно, апсильский диалект. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что имя апсилов стало самоназванием абхазской народности – “апсуа”.

Сложнее обстоит дело с этнической идентификацией санигов и мисимиян, довольно рано исчезнувших с исторической арены. Письменные источники по этому поводу не сообщают, практически, ничего такого, что могло бы с уверенностью решить эту проблему, поэтому ученые оперируют в основном результатами фонетического анализа этнонимов и некоторыми другими косвенными доказательствами.

Так, например, санигов объявляли сванами (Н. Марр, И. Орбели, С. Каухчишвили, Д. Гулиа, Г. Меликишвили, Д. Мухелишвили и др.), мегрело-чанами (С. Джанашиа, П. Ингорквва, Н. Ломоури и др.), либо связывали с абхазским племенем садзов, обитавшим до 1864 г. на территории древней Санигии (А. Дьячков-Тарасов, З. Анчабадзе, Ш. Инал-ипа, М. Гунба и др.). Как видим, исследователи-грузины склонны видеть в санигах картвельское племя (сванское либо мегрело-чанское), а абхазы (за исключением Д. Гулиа) – абхазское.

Слабой стороной позиции сторонников картвелоязычности санигов является отсутствие у них единого мнения в вопросе племенной принадлеж-

ности санигов – они были сваны или мегрело-чань? Без окончательного решения этого вопроса нельзя с уверенностью говорить о принадлежности санигов к картвелоязычному миру.

В последние годы М.Инадзе, как бы сглаживая это противоречие, выдвинула предположение, будто в восточной части княжества санигов проживали сванские, а в западной части – мегрело-чанские племена. Хотя эта точка зрения уже нашла поддержку среди грузинских историков (Н.Ломоури), нам она кажется недостаточно аргументированной.

Кроме того, М.Инадзе, оспаривая мнение об идентичности санигов и садзов, отмечает, что сторонники этого мнения “упускают из виду, что в специальной литературе и источниках садзы на вышеуказанной территории упоминаются лишь с позднего средневековья – XVII в.”

На это можно сказать следующее:

- 1) неупоминание в источниках той или иной этнической единицы отнюдь не означает, что ее не было на рассматриваемой территории тем более, если эта территория, как Гагра-Сочинский сектор – район расселения садзов, сравнительно редко попадала в поле зрения древних и средневековых авторов;
- 2) тем не менее, мы полагаем, что садзы под этим именем зафиксированы у черноморского побережья гораздо раньше XVII века, в частности, упоминаемые Стефаном Византийским (VI в.) “сазы, племя (живущее) вдоль Понта”, по всей видимости, позднейшие садзы, входившие, вероятно, в объединение санигов;
- 3) садзы наряду с другими западноабхазскими племенами выступают в грузинских летописях при описании событий XIII-XVIII вв. под собирательным именем “джики”, поэтому в русских документах XIX в. под влиянием грузинской формы для обозначения садзов появляется термин “джикеты”.

Спорным является также вопрос об этнической принадлежности мисимиян. Грузинские историки в основном доказывают, что мисимияне – одно из сванских племен (С.Каухчишвили и др.), а абхазы (Ш.Инал-ипа и др.) скорее видят в мисимиянах племя абхазского этнического корня, особенно близкое апсилам.

Не вдаваясь в подробности аргументации той или другой стороны отметим, что вопрос этот не может считаться окончательно решенным, хотя присутствие сванских этнических элементов в юго-восточной горной части Абхазии в I тысячелетии н.э. представляется вполне возможным. Что же касается дальнейшей этнической судьбы мисимиян, то в процессе консоли-

дации абхазской феодальной народности они вошли в ее состав и явились непосредственными предками цабало-дальской ветви абхазов, обитавшей на землях исторической Мисиминии до второй пол. XIX века (З.Анчабадзе).

* * *

Как было сказано, грузинская историография второй половины 50-х и начала 60-х гг. в целом отвергла теорию Ингорквва об этническом характере смены населения в феодальной Абхазии, но тезис о миграции абхазо-адыгов с Северного Кавказа остался. Дело представляется таким образом, будто “древние” абхазы в языковом отношении мало отличались от “современных”, но в культурно-политическом плане были органической частью феодальной Грузии. Автор этой концепции акад.Н.Бердзенишвили убедительно сформулировал свои мысли о месте и роли средневековых абхазов в грузинском феодальном мире, особо подчеркнув, что в строительстве грузинского государства с ролью абхазов может сравниться роль далеко не каждого грузинского племени. Затем, по мнению Н.Бердзенишвили, в результате хронического упадка, который наступил в Грузии в эпоху монгольского господства (XIII в.), и особенно после распада единого Грузинского царства (XV в.) сложились условия для переселения горских племен из Закубанья в Абхазию. Ученый считал, что переселение происходило отдельными волнами с XIII по XVII-XVIII вв. Ввиду того, что в этническом плане мигрировавшие в Абхазию племена мало отличались от основной части местного населения, легко произошло их смешение и консолидация, причем привнесенные горцами незрелые социально-политические институты (ранний феодализм с сильными пережитками общинно-родовых отношений), хозяйственный тип (скотоводство) и религиозные верования (язычество), способствовали культурной деградации Абхазии и ее частичному отрыву от более передовой грузинской феодально-христианской культуры.

Разделяя мнение Н.Бердзенишвили о характере грузино-абхазских взаимоотношений в феодальную эпоху, нам трудно согласиться со второй частью его концепции, где он объясняет состояние позднесредневековой Абхазии массовой иммиграцией горского населения. Здесь, на наш взгляд, есть ряд недоказанных и спорных положений. Ученый часто руководствуется аналогиями из других частей Грузии, в то время как в Абхазии, фактически, дело обстояло иначе. Тезис о частых переселениях с Северного Кавказа не находит подтверждения в письменных источниках. Миграции с севера на юг и в обратном направлении имели место, как и во многих других частях Грузии и Кавказа, но в Абхазии XIII-XVIII вв. явно превалировал процесс оттока населения с юга на север, т.е. из Абхазии на Северный Кав-

каз, нашедший свое отражение в разнообразных исторических источниках, в том числе и письменных (сообщения авторов XVII-XVIII вв. Эвлия Челеби, Главани, Пейсонеля, Гюльденштедта, Рейнегса, Палласа). Это переселение положило начало утверждению на северных склонах Кавказского хребта представителей абхазской этнической общности, которая впоследствии сформировалась в самостоятельный абазинский народ.

Трудно согласиться также с мнением, будто в XVII в. абхазы занимались в основном экстенсивным скотоводством, а не земледелием, что якобы указывает на их недавнее переселение с гор. Как установлено в специальной литературе, в XVII-XVIII вв. основными видами занятий населения Абхазии были земледелие, скотоводство, охота, пчеловодство и разные формы ремесел (Н. Антелава). Примечательно, что термин “анхаю”, обозначающий основную категорию крестьян в феодальной Абхазии, переводится как “земледелец” (Г. Дзидзария).

Что касается архаических религиозных верований и этнографических реалий, засвидетельствованных в Абхазии XVII-XIX вв., то у них находятся определенные параллели в исторической Колхиде и древней Малой Азии. Поэтому нужно полагать, что они искони сохранялись здесь, а не были привнесены извне в относительно недавнем прошлом.

Между прочим, Н. Бердзенишвили одной из главных причин слабости христианства в Абхазии считает незнание основной массой местного населения языков, на которых осуществлялось церковное богослужение (греческий, затем – грузинский). Поэтому, полагал ученый, народ воспринимал христианство по-своему, “по-язычески”. Это прекрасно объясняет устойчивость традиционных верований абхазов и, то почему после распада единого грузинского государства, когда, практически, исчезли исходившие из его центра православно-культурные импульсы, христианство, глубоко не укоренившееся в Абхазии, стало быстро сдавать свои позиции возрождавшимся традиционным культам, а позже и исламу.

Таким образом, можно утверждать, что социально-экономический и культурный упадок Абхазии, наступивший после XIII столетия, в целом, вызван теми же известными причинами (не считая некоторых местных особенностей), которые послужили причиной упадка феодальной Грузии. Поэтому нет повода искать объяснение происходившему в Абхазии широкой иммиграцией родственных элементов с Северного Кавказа.

* * *

С 1989 г. этнополитический конфликт в Абхазии вспыхнул с небывалой силой. В развернувшемся информационном противоборстве идеологи

обеих сторон постоянно ссылались на историю и исторические права. Сообразно политической конъюнктуре появилось много “любителей”, пишущих на исторические темы. В борьбу включилась и часть профессиональных историков, в том числе и такие, которые до этого не занимались конкретно Абхазией. В Грузии, например, никогда еще столько людей не работало одновременно в области абхазоведения, как работает в настоящее время (90-е гг.). Всё это приводит к большому разнобою в мнениях и радикализму в спорных вопросах истории.

Главный информационный удар абхазы нанесли во время событий конца XIX – середины XX в., когда произошло формирование конфликтогенной ситуации в грузино-абхазских взаимоотношениях. Эта эпоха характеризуется значительным ростом численности грузинского населения Абхазии (при этом дело представлялось таким образом, будто до этого грузин там никогда не было) и коммунистическими репрессиями 20-40-х годов.

Грузины тоже писали на эти темы, но главным образом их ответ вылился в пересмотр устоявшихся взглядов на этническую характеристику населения античной и средневековой Абхазии, что в значительной мере сопровождалось реанимацией теории Ингорюкв.

На данном этапе в подходах к этнической истории абхазов в грузинской историографии обозначились две линии: первая полностью базируется на идейном наследии Ингорюкв, отрицающем присутствие абхазо-адыгского этнического массива на территории Абхазии вплоть до нового времени. Этой линии придерживается подавляющее большинство непрофессионалов, занявшихся решением исторических проблем, а также часть историков и языковедов. В целом позиции этих авторов очень схожи между собой. Абхазов они считают общностью, сформировавшейся на Северном Кавказе и 200-300 лет назад переселившейся на территорию Грузии. Поэтому, заявляют сторонники этой концепции, потомки этих переселенцев не могут считаться здесь аборигенным этносом. Ввиду своей недвусмысленности и легкодоступности это мнение сейчас широко распространено среди населения Грузии.

Большая часть современных грузинских историков, однако, придерживается концепции, получившей в публицистике название “теория двуаборигенности”. Это означает, что ее сторонники признают на территории Абхазии два автохтонных этноса – грузинский и абхазский. В целом эта концепция повторяет основные положения, сформулированные в своё время Н. Бердзенишвили, но его последователи на данном этапе больше стараются писать о превалировании картвельских этнических элементов на территории Абхазии с древнейших времен и ищут новые данные, должныствующие показать массовость миграций с Северного Кавказа. Об особой роли

же абхазов в строительстве средневекового грузинского государства, о которой писал Н.Бердзенишвили, сегодня, практически, не говорится (хотя это положение никто не опровергал), как и об их активном участии в культурной циркуляции феодальной Грузии (С.Джанашиа). Пожалуй, единственный грузинский автор, который в наше время пишет об этом, – это работающий в Москве историк Г.Цулая.

Сторонники “двуаборигенности” не подвергают сомнению присутствие картвельских племен на территории Абхазии с глубокой древности, что же касается абхазо-адыгских элементов, то для них такая возможность допускается гипотетически (М.Лордкипанидзе, Н.Ломоури, М.Барамидзе и др.). Правда, у некоторых авторов опять встречается тезис о родстве абхазо-адыгов с древними хаттами, что само собой подразумевает факт распространения племен западнокавказской этнической группы в конце каменного и начале бронзового века в южном направлении, вплоть до Северной Анатолии (О.Джапаридзе, Г.Гиоргадзе).

Некоторые историки утверждают, что на территории Абхазии в I тыс. до н.э. не было абхазоязычных племен (Д.Мухелишвили и др.), но апсильов и абазгов, известных в письменных источниках с I-II вв. н.э., большинство ведущих грузинских специалистов причисляет к абхазо-адыгской этнической ветви, правда, с некоторой долей сомнения. Более категоричен в этом вопросе Н.Ломоури, который пишет: “Еще Ив.Джавахишвили и С.Джанашиа не сомневались, что апсилы и абазги – предки средневековых и современных абхазов, ныне же это не может вызывать сомнений, это – единственная научная точка зрения”.

Высказано также мнение, что генетически с “современными” абхазами связаны только апсилы, а абазги (абхазы) первоначально были западнокартвельским племенем (Т.Гамкрелидзе).

Остальных “племен” Абхазии I тыс.н.э. – санигов и мисимиян – грузинская историография считает несомненно картвельскими. Только у М.Инадзе высказана мысль, что мисимияне могли быть сванско-апсильским объединением (при преобладающей роли сванского компонента), возникшем на стыке двух этнических массивов.

Теорию “двуаборигенности” резко критикуют современные последователи Ингорквва, считающие, как было сказано, абхазов пришлым народом. Отвергают эту теорию и абхазские ученые, которые исходят из полярно противоположных позиций. В современной абхазской историографии считается, что этническая граница между абхазами и картвелами до начала II тыс.н.э. проходила по р.Ингури, затем отступила к северу, в связи с переходом Цхумской (Сухумской) области под власть мегрельских князей Дадиани, хотя на юге “на протяжении нескольких столетий” оставались “значитель-

ные абхазоязычные крестьянские общины” (откуда это известно? – Г.А.). К концу XVII в. абхазы отвоёвывали земли до Ингури, и этническая граница на этой реке была восстановлена, “приобретя одновременно государственно-политический статус” (“История Абхазии”, 1993 г.).

Большинство современных грузинских авторов, говоря о древней и средневековой Абхазии, пишут о массовых переселениях абхазо-адыгских племен с Северного Кавказа. Причем, если по мнению последователей Ингорквва это происходило в XVI-XIX вв., то сторонники второй линии говорят о переселениях в I тыс. до н.э. и в первой половине I тыс.н.э., затем – о перманентных миграциях в XIII-XVIII вв. Современные абхазы рассматриваются этими авторами как прямые потомки этих переселенцев, смешавшихся с местным грузинским и грузинизированным населением. Вначале основной массой мигрантов считались представители адыгских племен, но в последнее время больше пишут об абазинах, как наиболее близких абхазам в этническом отношении. (Протоабхазо-адыгская общность распалась, как считают, в конце III – первой половине II тыс. до н.э., поэтому, абхазы не могут быть потомками средневековых адыгов).

Выше мы отмечали, что в XIII-XVIII вв. превалировал процесс оттока населения из Абхазии на Северный Кавказ. Ничего не сообщают о миграциях с севера в конце I тыс. до н.э. или в первых веках н.э. античные источники. Если бы в позднее средневековье действительно имело место из-за Кавказского хребта масштабное вторжение несколькими волнами, в корне изменившее историческое развитие Абхазии, ее этнический, социально-культурный и хозяйственный тип, то это не осталось бы вне поля зрения многочисленных грузинских письменных источников или иностранных авторов, посещавших страну в этот период.

Что же касается абазин, то начиная от европейских путешественников XVIII в., в кавказоведении прочно утвердилось мнение, что они – выходцы из Абхазии и прилегающих к ней с северо-запада земель черноморского побережья, исторически также являющегося частью Абхазии (К.Главани, М.Пейсонель, И.Гюльденштедт, Я.Потоцкий, П.Бутков, С.Броневский, Ф.Торнау, Л.Люлье, А.Берже, Н.Каменев, Е.Вейденбаум, Е.Фелицын, Г.Мерцбахер, Н.Бартольд, П.Ковалевский, Ф.Красильников, С.Басария, Н.Яковлев, Л.Лавров, К.Ломтагидзе, А.Генко, Е.Алексеева, Е.Данилова и др.). Это мнение опирается на сообщения письменных исторических источников, прямо указывающих, что абазины происходят из Абхазии; на вполне четких языковых и топонимических данных, свидетельствующих о том же; и на абазинские предания, называющие конкретные области исторической Абхазии как места первоначального обитания отдельных абазинских групп.

Недаром акад.С.Джанашиа, замечательный знаток Северо-Западного Кавказа, называл абазин “захребетными абхазами”.

* * *

В грузинском национальном движении одновременно с резким обострением ситуации в Абхазии в 1989 г. возникло мнение, будто граждане, именующие себя абхазами, делятся на коренных “абхазов” (т.е. грузин) и пришлых “апсуйцев” (от “апсуа”, самоназвания абхазов). Излишне доказывать, что это абсолютно неверно. Тем не менее мысль о том, что “абхаз” и “апсуа” по своему содержанию не тождественные понятия, проникла в грузинскую прессу и даже в научную литературу. Сегодня некоторые авторы сознательно избегают употребления термина “абхаз”, заменяя его словом “апсуа”. Тем самым “апсуйцы” как бы отсекаются от исторических абхазов⁴. Это новое явление – прямой результат того разброда мнений по кардинальным вопросам истории Абхазии, который царит сегодня в информационном пространстве Грузии.

В связи с этим хотелось бы отметить, что не существует никаких данных, указывающих на то, что когда – либо раньше в Грузии термины “абхаз” и “апсуа” противопоставлялись друг другу или абхазы считались пришлым народом. В древнегрузинских летописях нет даже намёка на это. Образованной части грузинского общества XIX – нач. XX в. было известно, что “абхаз” и “апсуа” – синонимичные понятия. Можно привести ряд примеров. Сошлемся, в частности, на известного историка и языковеда, одного из основоположников современной грузинской этнографии М. Джанашивили, который в начале XX в. писал: “Абхазы сами себя называют “абс”, свою страну – “Абсне” (абх. “Апсны” – Г.А.). В указанный период грузины считали абхазов отдельным, хотя и родственным себе, народом. Общепринятым было мнение, что абхазы испокон веков проживают в своей стране. Характерны слова выдающегося поэта, общественного и государственного деятеля Григола Орбелиани (1804-1883), который, отстаивая интересы абхазского народа во время колонизации Абхазии, проводимой российским правительством, писал: “Казна лишала земли тот народ, который здесь проживал со времен Ноя”. Это короткое, но ёмкое замечание прекрасно выражает мнение одного из лидеров грузинской дворянской интеллигенции XIX в. по интересующему нас вопросу.

* * *

Ввиду того, что исторические проблемы – “тревожная” тема в этнических конфликтах, возникает желание вообще обходить их в ходе работы неформальной дипломатии. Однако полностью табуизировать этот вопрос невозможно, так как мифологизированная история играет огромную роль в противостояниях подобного рода, вызывает жгучий интерес среди самых широких слоев населения. Упорное замалчивание конфликтогенных вопросов не

способствует их исчезновению. Разумеется, следует избегать исторических диспутов, но при необходимости участники народно-дипломатического процесса должны быть готовы сказать веское слово. Поэтому им нужно иметь правильное представление об основных моментах истории. Достичь этого можно знакомясь с апробированной литературой, обобщающими трудами авторитетных ученых. Кроме того, можно проводить лекции-беседы по спорным вопросам истории. Вооружившись знаниями, легче разрешать сложные ситуации. Например, многих людей, находящихся под влиянием теории Ингороква, часто поражает, что известнейшие историки Грузии придерживались иных взглядов относительно происхождения абхазского народа. Особенно большим авторитетом пользуется у грузин имя И. Джавахишвили. Привлечение его высказываний может значительно изменить ситуацию; да и для многих абхазов окажется внове, что мнения виднейших грузинских историков во многом совпадают с позицией известных абхазских учёных. При этом нужно подчёркивать, что исторические данные не могут служить единственным критерием для определения политического статуса территорий в настоящее время, а также, то что все жители страны, независимо от того, относятся они к автохтонной этнической группе или пришлой, равны перед законом и имеют одинаковые гражданские права.

Примечания

1. На Кавказе, кроме собственно кавказских языков, как известно, давно распространены также индоевропейские и тюркские языки.
2. До 30-х гг. XX в. миграционные теории широко были распространены в исторической науке, так что противоречивые взгляды о передвижениях абхазских племен отнюдь не исключительное явление. Например, прародина грузин мыслилась историками где-то на юге, в Передней Азии. Этой концепции придерживался поначалу и И. Джавахишвили, однако впоследствии он изменил мнение и допустил возможность прихода картвельских племен на территорию современной Грузии с совершенно противоположного направления. “Не явились ли они в Закавказье с севера так же, как абхазские племена, именно этим путем, по-видимому, появившиеся в Закавказье” – писал учёный.
3. Интересно, что П. Ингороква далеко не всегда придерживался такого мнения об историческом прошлом абхазского народа. Вот что он писал в 1918 г.: “Абхазы с грузинами связаны многовековой культурной общностью. Абхазы изначала входили в грузинскую государственную еди-

ницу, и абхазское племя несмотря на свою малочисленность имеет большие заслуги перед историей Грузии; из Абхазии началось государственное возрождение Грузии (отражением чего является титулатура грузинских царей, которая начиналась так: “царь абхазов и картвелов”), даже грузинская династия была наполовину абхазской, абхазы дали стране не одного и не двух выдающихся личностей (в византийских источниках известен грузинский философ Иоани, абхазец по племени), короче – двадцативековая история Грузии одновременно является и историей Абхазии”.

Фраза “даже грузинская династия была наполовину абхазской” ясно указывает, что Игнороква тогда не считал исторических абхазов грузинами.

4. Из грузинских историков против этой тенденции активно выступает Н.Ломоури.

Литература

1. Антелава Н.Г. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков. Сухуми, 1949.
2. Анчабадзе З.В. Вопросы истории Абхазии в книге П.Ингороква “Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века”. – “Труды Абхазского института языка, литературы и истории им.Д.И.Гулии АН ГССР”, XXVII. Сухуми, 1956.
3. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми, 1959.
4. Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
5. Анчабадзе З.В. Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.
6. Барамидзе М.В. Некоторые проблемы археологии Западного Кавказа в III-I тыс. до н.э. – “Разыскания по истории Абхазии/Грузия”. Тб., 1999.
7. Бгажба Х.С. Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии. – “Труды Абхазского института языка, литературы и истории им.Д.И.Гулии АН ГССР”, XXVII. Сухуми, 1956.
8. Бердзенишвили Н.А. По поводу книги П.Ингороква “Георгий Мерчуле”. – “Мнатоби”, литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1956. № 12 (на груз.яз.).
9. Бердзенишвили Н.А. Об Абхазии. “Н.Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии”, т.III. Тб., 1966 (на груз.яз.).
10. Бердзенишвили Н.А. [Замечания об историческом развитии Абхазии]* – “Н.Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии”. Тб., 1990 (на груз.яз.).
11. Гамкрелидзе Т.В. Из истории племенных названий древней Колхиды (К историко-этимологическим взаимоотношениям этнонимов “абхаз-абазг” и “абазга”-“апсуа”). – “Известия АН Грузии. Серия истории, этнографии и истории искусства”. 1991. № 2 (на груз.яз.).

* В квадратных скобках указаны названия, данные редакцией.

12. Гиоргадзе Г.Г. Страна тысячи божеств. Тб., 1988 (на груз.яз.).
13. Гиоргадзе Г.Г. Неиндоевропейские этнические группы (хатты, каски) в древней Анатолии по хеттским клинописным текстам. – “Разыскания по истории Абхазии/Грузия”. Тб., 1999.
14. Гордезиани Р.В. Кавказ и проблемы древнейших средиземноморских языковых и культурных взаимоотношений. Тб., 1975.
15. Гулиа Д.И. История Абхазии, т.1, Тифлис, 1925.
16. Гунбо М.М. Западная Грузия и Византия в VI-VIII вв. Сухуми, 1962 (на груз.яз.).
17. Делба М. К вопросу изучения языка и истории абхазов. Сухуми, 1952.
18. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. – “Вестник древней истории”, 1939, №4.
19. Джавахишвили И.А. История грузинского народа, книга первая. Четвертое издание. Тб., 1951 (на груз.яз.).
20. Джанашвили М.Г. История Грузии, т.1, Тифлис, 1906.
21. Джанашия С.Н. Тубал-Табал, Тибарен, Ибер. – “С.Джанашиа. Труды”, III, Тб., 1959 (на груз.яз., рус.резюме).
22. Джанашиа С.Н. Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. – “С.Джанашиа. Труды”, III, Тб., 1959 (на груз.яз., рус.резюме).
23. Джанашиа С.Н. Экспедиция в Адыгейскую Автономную область “С.Джанашиа. Труды”, IV, Тб., 1968 (на груз.яз.).
24. Джанашиа С.Н. [Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики. Образование “Абхазского царства”]. – “Известия АН Грузии. Серия истории, этнографии и истории искусства. 1991. № 2.
25. Джапаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тб., 1976. (на груз.яз.).
26. Джапаридзе О.М. На заре этнокультурной истории Кавказа. Тб., 1989.
27. Джапаридзе О.М. К этнокультурной ситуации Северо-Западного Закавказья в эпоху камня и раннего металла. – “Разыскания по истории Абхазии/Грузия”. Тб., 1999.
28. Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1959.
29. Инадзе М.П. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии. – “Известия АН Грузии. Серия истории, этнографии и истории искусства”. 1992, №№ 1,2 (на груз.яз.).
30. Инадзе М.П. Древнее население Абхазии. – “Мнатоби”, 1992, № 2. (на груз.яз.).
31. Инадзе М.П. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии. – “Разыскания по истории Абхазии/Грузия”. Тб., 1999.
32. Инал-ипа Ш.Д. Об этногенезе древнеабхазских племен. – “VII международный конгресс антропологических и этнографических наук”. М., 1964.
33. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965.
34. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов, Сухуми, 1976.

35. Ингороква П.И. Георгий Мерчуле – грузинский писатель X в. Тб., 1954 (на груз.яз.).
36. Ингороква П.И. О границах территории Грузии. Тб., 1990 (на груз.яз.).
37. История Абхазии. Учебное пособие. Гудаута, 1993.
38. Каухчишвили С.Г. Племя мисимиан. – “Труды Тбилисского гос.университета”, т.1, Тифлис, 1936.
39. Куправа А.Э. Историографический обзор. – “З.Анчабадзе, Г.Дзидзария, А.Куправа, История Абхазии”. Учебное пособие. Сухуми. 1986.
40. Лавров Л.И. “Обезы” русских летописей. – “Советская этнография”. 1946, №4.
41. Лавров Л.И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. – “Сборник статей по истории Кабарды”, вып.3. 1954.
42. Лавров Л.И. Абазины (Историко-этнографический очерк). – “Кавказский этнографический сборник”, 1, М., 1955.
43. Ломоури Н.Ю. Симон Каухчишвили. Тб., 1996 (на груз.яз.).
44. Ломоури Н.Ю. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи. Тб., 1997.
45. Ломоури Н.Ю. Из этнокультурной истории древней Абхазии. Тб., 1998 (на груз.яз.).
46. Ломоури Н.Ю. Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую эпохи. – “Разыскания по истории Абхазии/Грузия”. Тб., 1999.
47. Ломтатидзе К.В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тб., 1954 (нв груз.яз.).
48. Ломтатидзе К.В. О некоторых вопросах этнической принадлежности и размещения абхазов (По поводу работы П.Ингороква “Георгий Мерчуле”). – “Мнатоби”, литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1956, №12 (на груз.яз.).
49. Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. М.-Л. 1938.
50. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тб., 1959.
51. Лордкипанидзе М.Д. Абхазы и Абхазия. Тб., 1990.
52. Мухелишвили Д.Л. Основные вопросы исторической географии Грузии, 1, Тб., 1977 (на груз.яз.).
53. Мухелишвили Д.А. Исторический статус Абхазии в грузинской государственности. – “Разыскания по истории Абхазии/Грузия”. Тб., 1999.
54. Цулая Г.В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии (Домонгольский период). М., 1995.
55. Чикобава А.С. Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик. – “Иберийско-Кавказское языкознание”, II. Тб., 1948.
56. Шакрыл К.С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов. – “Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института, IV. Краснодар, 1965.

Марина Барциц
Абхазский Институт Гуманитарных исследований

Культурно-психологические традиции абхазов и конфликт

*И жизнь нас учит, как слепых щенят,
И тычет носом долго и упорно
В кровавую, расплзшуюся жижу;
Покамест ненависть врага к врагу
Не сменится взаимным уважением...*

М.А. Волошин

Знание – незнание

Незнакомое, новое воспринимается как несущее опасность, а значит настораживает, ведет к росту агрессивности. Страх перед неизвестным, незнакомым, беспокойство, которое оно (незнакомое) вызывает, считается врожденной чертой.

Здесь много говорилось о знании – незнании друг друга. Именно незнание, неправильное (неистинное) знание способствует формированию предрассудков и ложных стереотипов относительно друг друга. Более того, враждебность, нарушая общение, может вообще блокировать интерес.

Может быть это наш миф, но есть ощущение, что знание грузин об абхазах значительно уступает нашему знанию о грузинах. Поскольку, если считать нас (абхазов) теми же грузинами, зачем же тогда нас было специально изучать и знать. По другой теории, мы – это «чужие», «апсуйцы», «спутившиеся с гор», тогда проще было достичь цели путем насилия, попытаться уподобить себе или физически ликвидировать, как непохожее на себя, что в свою очередь вело с противоположной (нашей) стороны к агрессивно-оборонительному поведению как результату страха, злобы, враждебности.

Незнание приводит также к непониманию действий и мотиваций друг друга, тем более, что наши культуры несмотря на долгое проживание рядом отличаются друг от друга.

Современные поствоенные условия блокады Абхазии, усугубляемые постоянными угрозами реванша, информационная изолированность друг от друга, нарушая процесс общения, коммуникации, ведут к сохранению, дальнейшему возникновению и воспроизводству агрессивности, враждебности.

Поэтому нам видится, что перед нашими обществами стоит задача снижения страха через снижение незнания.

Традиционализм (отношение к прошлому)

Хотелось бы остановиться на историко-временном параметре прошлое-настоящее- будущее (о котором шла дискуссия здесь).

Как бы мы не хотели отказаться от этничности, она существует, и насколько я понимаю, мы с вами имеем дело не только с политическим, но и этническим конфликтом. А этничность, как известно, обязательно ориентирована на прошлое. Просто одни культуры ориентированы на это меньше (западные), другие – больше (восточные, кавказская, абхазская в том числе).

Геронтократический характер традиционной абхазской культуры тоже является одним из проявлений этого отношения к прошлому. Он способствовал сохранению знаний и опыта в бесписьменной культуре для ее дальнейшего устойчивого функционирования.

Здесь в отличие даже от генетически родственных адыгов возрастная стратификация общества первичнее социальной. (Даже в терминологии – начальство, «аихабыра», буквально означает «старшие по возрасту».)

Прошлое очень часто оказывается будущим. Как отмечает американский этнолог Дж.Де Во, «без осознания прошлого настоящее бессмысленно». (Амнезия – насколько я знаю – болезнь). Осознаем мы или нет, но все наши поступки в сегодняшнем дне отражают наш предшествующий опыт, и на основании этого (прошлого) опыта мы создаем наш идеальный план будущего.

Как отмечает этнолог-кавказовед Панеш, “для рассматриваемого региона характерна высокая степень психокультурного воспроизводства различных коммуникативных актов ментальности в целом, коррелирующая соответственно с высокой степенью преемственности культурных параметров этноса”¹.

Память выполняет адаптивные функции жизнеобеспечения. “Как известно, в смутные времена, когда настоящее кажется хаосом, а будущее непредсказуемо, целые народы обращаются к своей истории. Это фактически шаг в прошлое”².

Прошлое в рассматриваемой культуре, актуализируясь в критические моменты, подсказывает испытанные способы решения проблем.

Петербургский этнопсихолог С.Лурье пишет о защитных функциях этнической культуры: “В критической ситуации этнос с хорошо налаженным механизмом психологической защиты может бессознательно воспроизвести целый комплекс реакций, поступков, которые в прошлом, в похожей ситуации, дали возможность пережить ее с наименьшими потерями”³.

Наряду с **традиционализмом** в иерархии ценностей, имевших адаптивно защитные функции (“иерархия защиты” (Девере)), имеются следующие базовые константы: **коллективизм, воинственность, маскулинность**, а также наличие разработанных механизмов миротворчества.

Коллективизм:

Абхазская культура является коллективистской. Не являясь ни Западом, ни Востоком, в этом вопросе она, в противовес идеоцентрическому Западу, близка к восточной культуре, то есть здесь, по определению Г.Триандиса, больше аллоцентрических (allocentric) личностей.

Здесь мы имеем “коллективно ориентированное поведение, преследующее общие интересы коллектива”. Ощущение себя частью целого, подчинение индивидуальных целей групповой. Ориентация на коллективные действия, на общинное мнение, на обязательства. Где человек “достигает реального и индивидуального смысла “я” в группе, даже ценой частичной потери своей индивидуальности и свободы” (Э.Дюркгейм).

Ориентация индивида на коллективное порождалась самим образом жизни и уходила корнями в глубокую древность.

На формирование многих социальных стереотипов оказали влияние патронимические объединения. Это пережитки общинной собственности (до сих пор можно встретить абхаза, который, даже если он глава семьи и находится в кругу своей семьи, не скажет про землю – «моя»).

Патронимическое единство продолжалось и территориально. До позднего средневековья здесь в основном были родовые поселения (в с.Блабурхва – это так до сих пор), разрушенные во время махаджирства (с.Ешкыг, Шлара, и т.п.).

«К идеологическим формам патронимического единства относились предметы культа, территориально определяемые рамками данного союза, образующие еще один уровень психологического сообщества»⁴ (например, святыни Дыдрыпш /Чичба/ и Лдзаа /Гочуа/, а также кузни), фамильные культы и ритуалы, общинные моления. Более того, здесь мы имеем и более крупные региональные объединения, ориентированные на святилище — так, одни села (с границей по р.Хипста) были ориентированы на святилище Лдзаа, другие – на Дыдрыпш (здесь же проходила граница Бзыбской общины). То есть, в данном случае мы имеем структурирование в большую общность. Интересен в этой связи ответ жителей с.Калдахвара, который они дали в XIX в. Сословно-поземельной комиссии: “Мы истари дали обет и присягу ни на какие важные вопросы не давать ответов одной общине.”⁵

Патронимическая связь была важна всегда, и в определенной степени остается такой и сегодня. Первый вопрос, который задавался: “Какого ты рода–фамилии (узыжэлада?) – это определяло и обязанности, и привилегии, и известность, и было гарантией безопасности.», – писал Инал-ипа⁶.

Другое известное объединение “киараз” – выполняло три функции:

- киаразом и сегодня называют трудовую взаимопомощь;
- «киаразом» называли и военизированные объединения (например, воювавшие с грузинскими меньшевиками в 1919 году) – это уже был союз и братство по оружию, подобное адыгскому “Кош”;
- раньше, по сообщению Ш.Инал-ипа, такое объединение выполняло и функции исполнительной и судебной власти (разбор судебных дел и тяжб), и даже функции задержания и наказания преступника⁷.

В войне 1992-93гг. взводы и батальоны представляли такие же родственные и территориальные союзы.

Патронимические объединения имели силу всегда.

В 1866 году Аверкиев пишет: “Основу политического строя жизни абхазского племени составлял союз родовой, фамильный”⁸. А вот, что позже (в 1904 г.) пишет Потто по поводу владетеля Дмитрия: “Здесь *необходима власть владетельного, сильного фамильными союзами* и непосредственно влияющего на народ твердою волею и знанием его обычаев”⁹.

Для сравнения: в одном из последних интервью премьер-министр С.Багапш, отвечая на вопрос об успешном управлении, говорил о важности знания фамильных объединений, их характера, знания того, как разговаривать с ними с учетом их количества, исторического прошлого, повлиявшего на нравы и характер и т.п.

Клановая солидарность, видимо, будет оставаться чертой кавказских народов и в следующем веке. (Она не прерывалась и в советский период, например: Адлеиаа, нынешний Ардзынаа, раньше назывался Дзапцаа, Ачаа, Чачаа.)

Г.Старовойтова, исследуя этнопсихологический аспект феномена долгожительства, пишет: “В Абхазии обращают на себя внимание масштабы моральной и материальной поддержки и взаимовыручки родных и соседей в ситуациях жизненных изменений” — в преодолении стрессогенных факторов (смерть, похороны, конфликты...), экстремальных жизненных ситуаций большую значимость имели семейно-родовые связи (абхазская пословица: “Разделенное горе – полгоря, разделенная радость – двойная радость”)¹⁰.

Солидарность – один из главных признаков этничности. Выполняя защитно-адаптивную потребность, она обеспечивала поддержку, чувство на-

дежности и безопасность. Самым большим несчастьем было лишение этой поддержки. Старовойтова отмечает, что основной стрессогенной ситуацией в жизни абхаза на втором месте после смерти родителей или супруга было “общинно-родовое порицание” и только потом – измена, болезнь, увечье, уродство и т.д.¹¹

В традиционной культуре сообщество само по себе было ценностью. Об этом же говорит ориентация традиционного сознания и обычного права на групповые, а не индивидуальные действия, на взаимные обязанности, а не на права членов. Даже такое деяние, как убийство, квалифицируется обычно как причинение вреда родственникам убитого. Более того, “в поддержании солидарности, единства они видели смысл и оправдание обычного права”¹².

В абхазском обществе “ответственность за поведение каждого лица лежала на всей фамилии (цена за кровь столь высока потому, что штраф взымался со всей фамилии). Так все члены каждой фамилии были связаны друг с другом своего рода взаимным поручительством за сохранение общественного спокойствия (исключительной мерой наказания было равносильное смерти изгнание из рода)..

Коллективизм не означает в абхазской культуре отказа от индивидуализма. В ней интересно решается проблема соотношения свободы воли и предопределения. Человек в этой культуре, веря в предопределение основных вех жизни, несет ответственность за свою судьбу, состоявшуюся жизнь и даже судьбу потомков, считая себя хозяином обстоятельств. Он несет ответственность за происходящие события (выполняя волю Всевышнего, я должен поступать так-то, а значит, от меня зависит исход события). Исследуя эту проблему, этнопсихологи делают вывод: в абхазском обществе старшее поколение в основном (кроме вопроса здоровья) интернально (когда человек берет ответственность за события, происходящие в его жизни на себя, объясняя их своим поведением, характером, способностями, это показатель наличия внутреннего (интернального) поведения.)¹³

В целом, коллективно ориентированное поведение абхазов подразумевает сдержанность в проявлении эмоций, демонстративно уважительные взаимоотношения, соблюдение этикета, стремление избегать конфликтов как в своем окружении, так и по отношению к чужим, если жизненно важна необходимость (в том числе и вопрос чести) не требует иного.

С другой стороны, говоря словами Поршнева: “Всякое объединение противопоставляет”¹⁴, поскольку считается, что рост этничности связан с ростом этнической напряженности. При этом в условиях межэтнической напряженности растет потребность в этнической идентичности. Публичные выступления абхазов, которые повторялись в советский период в 10 лет раз, вели к актуализации этнической идентичности. Кроме того, считается, что

“представители коллективистских культур чаще склонны к продолжению конфликта с членами других групп” (К.Леунг), злопамятности, тенденции придавать конфликту хроническую, затяжную форму, к стремлению к реваншу. В этих условиях становится актуальным примирение, не имеющее в разрешении конфликта альтернативы (кроме ухода или изгнания).

Другой проверенный способ выживания этноса – воинственность

Как отмечают кавказоведы, воинская организация, превратившись в свое время в форму существования, пронизывает всю структуру общественных институтов, материальную и духовную сферы, определяя многие этнопсихологические черты народа¹⁵.

Многие социально-психологические черты народа уходят именно в военизированный быт. В советской этнографии это явление называлось военной демократией. Кавказоведы единогласно отмечают, что в исследуемом регионе, в частности в абхазо-адыгском обществе, война имела даже характер промысла (институт набега, в том числе и морские набеги). Война, как говорит Инал-ипа, была «регулярной функцией народной жизни»¹⁶, «сродни хлебопашеству»¹⁷ – добавляет Панеш. Войны, зачастую длившиеся десятилетиями, носили хронический характер. Этим объяснялась максимальная милитаризованность общества, когда основная часть населения (все мужчины, начиная с подростков, а зачастую и женщины) была вооружена. «Оружие было постоянной принадлежностью всякого мужчины»¹⁸.

“Я никогда не видел человека верхом на коне без ружья”, – сказал удивленный черкесский мальчик, увидев невооруженного всадника, который был путешественником Беллем¹⁹. Обезоруживание было равносильно моральной смерти. Характерно, что даже в советский период в законодательство был внесен пункт, позволявший в виде исключения носить холодное оружие с национальным костюмом. Первым законодательным актом президента Абхазии после окончания войны было разрешение на ношение зарегистрированного оружия.

Да и сам национальный костюм – черкеска – это воинский костюм наездника, все детали которого имеют функциональное военное значение. Известно, что воину принадлежит только то, что он носит с собой (газыри – это то же, что магазин к современному автомату). Не случайно, что и другой, считающийся сегодня у абхазов национальным, костюм (сапоги, галифе, китель и головной убор), занявший место предыдущего, тоже военный, вошедший в быт после 1-ой Мировой войны.

В целом, абхазская материальная культура — продукция традиционного ремесленного производства (кузнечные изделия, оружие и т.п.). Как и во

всех воинских культурах, здесь отрицательно относятся к торговле, к лирике (вспомним слова Кира: “Хочешь победить народ – научи его торговать и играть на лире”).

“Да и вся система жизнеобеспечения была подчинена потребностям военизированного общества”²⁰. Вплоть до 70-х годов здесь строились дома с задними дверями на 2-ом этаже, в никуда. Абхазский этикет, как и в целом адыгский, это воинский этикет. Этнический идеал – образ рыцаря воина. Жажда славы, воинская доблесть, честь, которая дороже смерти. Слава, как воздаяние за все это, а значит и бессмертие на земле. Слава, которую он завоевывал и для своих потомков и родичей (в отличие от религиозного воздаяния после смерти). Как отмечает Б.Бгажноков: “Желание заслужить славу удачливого наездника, храброго воина, человека неумолимого во всех делах, к тому же гостеприимного и галантного, превратилось в господствующую тенденцию жизненных устремлений... это была страсть, близкая к идее фикс”²¹. Все спортивные игры (когда случались перерывы между войнами) были военизированными демонстрациями воинской удали.

Монтескье писал: «Каждый народ должен заниматься тем, что у него лучше всего получается.» Диаспора, в отличие от тех, кто остался на Северном Кавказе (тех, кого после русско-кавказской войны объявили виновными, неблагонадежными, а потом в 1-ую Мировую войну были вынуждены брать добровольцами в знаменитую “Дикую дивизию”) в основном делала карьеру именно в военном деле, (начиная от мамлюков и кончая современными абхазскими и черкесскими генералами).

В войнах на Кавказе и сегодня, в конце XX века, используются многие традиционные, проверенные веками тактико-стратегические приемы ведения войны – такие, как мобильность, подвижность, отказ от ухода в глубокую оборону (и абхазы, и чеченцы предпочитают сдавать города, а потом брать их обратно; что это, традиция набегов?).

Маскулинность – ориентация на мужчин – вот еще одна черта традиционной культуры, давно подмеченная кавказоведами, подтверждаемая имущественно правовыми отношениями, а также половой иерархией в семье и общественных отношениях (что не снимало рыцарского, этикетного, жестко регламентированного уважительного отношения к женщине). Вооруженные и одетые в черкеску женщины-наездницы тоже участвовали в набегах и войнах.

Здесь престижно быть мужчиной. Третий пол в традиционной абхазской культуре выбирал себе мужскую роль, костюм, образ жизни, но никогда наоборот, что являлось результатом ценностных установок в обществе.

Этносоциолог Г.Солдатова, говоря о современных процессах на Северном Кавказе, отмечает, что “доминирование мужчин в северокавказских

культурах – ... это одна из (возможных) причин тенденции к радикализации отношений в регионе. Мужчины чаще всего склонны поддерживать насилие, как средство социального контроля. ... Женщина, в силу своей природы, всегда на стороне мира”²².

Перенос агрессии в ненасильственные методы.

“Абсолютное зло невозможно, оно непременно уничтожило бы себя” (Фома Аквинский).

Неразрешенные конфликты могут быть деструктивными для малых народов. Каждая культура, в том числе и достаточно агрессивная кавказская культура, имеет разработанные средства сдерживания агрессии и внутри своей культуры, и разработанные механизмы построения мира с другими народами, этносами.

Сегодня Кавказ является одной из самых конфликтогенных зон мира. В этой связи представляют интерес местные модели разрешения конфликта, собственный набор приемов.

При этом мы, как возможно кажется некоторым, не предлагаем и не стремимся “перенести в современность традиционные способы восстановления мирных взаимоотношений”. Я согласна с Ардой Инал-ипа в том, что нужно выделить существенные, внутренние принципы успешной народной дипломатии²³.

Понимание менталитета народа, его правосознания приблизит нас к пониманию конфликта и осознанию возможных путей его трансформации, тем более, что традиция – не глубокая древность для Кавказа, где сейчас идут параллельные процессы ретрадиционализации и деколонизации и, наоборот, процесс реабилитационной активности.

Во-первых, как отметили многие этнографы-кавказеды по поводу осетино-ингушского конфликта, здесь важен принцип первоначальной дистанцированности (избегания, разъединения).²⁴ (См. у Пола Гарб по поводу абхазско-грузинского конфликта, 1995г.)²⁵.

Для успешного разрешения конфликта была необходима готовность обеих сторон, а также согласованность состава посредников, их количества.

Не надо бояться углубляться в разногласия. В традиционной практике примирение было невозможно, пока каждой из сторон тщательно не изучалась и не признавалась ее вина (доля ее вины).

Если мы ставим целью установление долгосрочного, прочного мира, конфликт здесь должен быть разрешен, а не подавлен (учитывая гипертрофированное чувство чести, ни одна из сторон не должна себя чувствовать проигравшей).

Важно соблюдение принципа реституции, возмещения ущерба, занимавшего значительное место в традиционном ритуале примирения.

Традиционный институт примирения и его принципы – набор приемов для разрешения конфликта у абхазов – требуют своего дальнейшего исследования.

Говоря о войне и мире, В. Шнирельман пишет: “Мир как деятельность должен трактоваться подобно войне, в виде процесса, включающего целый ряд мероприятий, направленных на заключение и поддержание мирных отношений”²⁶.

Нужно больше знания друг о друге, которое позволит преодолеть непонимание, порожденное этнокультурными различиями, научит большей терпимости, пониманию мотиваций действий и поможет избавиться от стереотипов, мифов, и, возможно, неоправданного ожидания агрессии.

Нужен перенос, переориентирование агрессии в ненасильственные формы деятельности например, в двусторонние спортивные состязания и т.п.,

Видимо к доверию надо идти, воздерживаясь от дальнейших проявлений агрессивности в любой форме: вербальной, коммуникативной и, конечно же, физической или ее угрозы. То есть действий, которые остались в памяти народа со знаком минус и которых в прошлом более чем достаточно, чтобы не прибавлять к ним новых.

Мы не можем уже сегодня требовать доверия (для этого сделано мало) и любви друг к другу (на уровне народов). Но требовать уважения и вести себя соответственно, думаю, возможно. Традиционный кавказский этикет был как раз демонстрацией уважения, направленной, как известно, именно на снижение агрессии.

Литература

1. Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа)», СПб., 1996, с.75.
2. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности, М., 1998, с.47.
3. Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., Искусство, 1994, с.51.
4. Панеш Э.Х. Указ. соч., с.96.
5. Аверкиев И.С. С северо-восточного побережья Черного моря. г.”Кавказ”, 1866, № 74.
6. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1960.
7. Инал-ипа Ш.Д. Указ., соч., с.380.
8. Аверкиев И. С. Указ., соч.
9. Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. 1901.
10. Старовойтова Г.В. Этнопсихологические аспекты изучения долгожительства./ Абхазское долгожительство. М., 1987, с. 254-255.

11. Старовойтова Г.В. Этнопсихологические аспекты... с.256.
12. Супатаев М.А. Культурология и право. М., 1998, с.51.
13. Старовойтова Г.В. Психологические особенности долгожителей. // Абхазское долгожительство. М., 1987, с.259.
14. Поршнев Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. Доклады советской делегации на IX международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго). М., 1973.
15. Панеш Э.Х. Указ соч., с. 70.
16. Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч., с.414.
17. Панеш Э.Х. Указ соч., с.294.
18. Инал-ипа Ш.Д. Указ соч., с 414.
19. Дж. Белл. Письма о пребывании в Черкессии в 1837, 1838 и 1839 гг. (Лондон).
20. Панеш Э.Х. Указ соч., с. 214.
21. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983, с.54.
22. Солдатова Г.У. Указ. соч., с.237.
23. Инал-ипа А.Ш. О причинах малой эффективности народно-дипломатического процесса в грузино-абхазском конфликте. // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Материалы грузино-абхазской конференции, март, 1994, г.Сочи.
24. Гостиева Л.К. Использование миротворческих традиций осетин в современных условиях. // Межнациональные конфликты на Кавказе. Методика их преодоления. Москва, 1995, с. 28-29.
25. Пола Гарб. К проблеме возвращения грузинских беженцев в Абхазию.// Межнациональные конфликты на Кавказе. Методика их преодоления. Москва, 1995.
26. Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества, ч.1. М., 1994, с.56.

Морально-идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта

Когда мы говорим о морально-идеологических препятствиях урегулирования конфликта современного типа (ибо национальные конфликты являются частью современного периода мировой истории и чужды средневековому и античному периоду), мне вспоминается рассказ одной француженки, которая, будучи еще школьницей, буквально через несколько лет после окончания Второй мировой войны решила поехать в Германию по программе молодежного обмена между двумя странами. Ее семья, потерявшая в ходе двух войн с Германией в общей сложности четверых своих членов, оплакивала ее так, словно она уезжала на верную смерть. Я привел пример немецко-французских отношений, чтобы показать, насколько негенетична вражда, ибо она прежде всего коренится в нашем сознании, и ее можно преодолеть. Мы не утверждаем, что вражда ни на чем не основана (в ее основе войны, обиды, различные унижения и проявления взаимной агрессивности), но пример Франции и Германии показывает, что «историческая вражда» может смениться крепкой дружбой и сотрудничеством.

Общеизвестно, что строительство Европейского сообщества во многом связано с успешной интеграцией между Германией и Францией. Но если оглянуться на историю взаимоотношений этих стран, то можно увидеть три широкомасштабные войны. В 1871 г. Париж был взят немецкими войсками, а Эльзас и Лотарингия – оккупированы. Но в 1914-18 гг. последовал реванш Франции. Миллионы погибли с обеих сторон в 1939-45 годы. Да и сам немецкий национализм зародился в начале XIX века во многом из-за унижительной оккупации немецких княжеств и государств наполеоновскими войсками, а французская национальная идеология долго продолжала питаться реваншизмом и ирредентизмом из-за Эльзаса.

В данном случае я сознательно привел в качестве позитивного примера немецко-французские отношения, но имеет место и негативный опыт длительно сохраняющейся враждебности: между евреями и палестинцами, юнионистами и республиканцами в Северной Ирландии и т.д. От нас зависит, какой путь выбрать – путь примирения или конфронтации.

И все же маленькую Абхазию нельзя сравнивать с большой Германией. Абхазия и, прежде всего абхазский народ, ведут борьбу за выживание.

Поэтому прекращению вражды должны сопутствовать и серьезные гарантии, которые помогут снять большой стресс и существующее у абхазов впечатление осажденной нации. В то же время, я не думаю, что грузино-абхазские отношения имеют столь «кровавое прошлое». Полномасштабная война между двумя сообществами имела место «только» в 1992-93 гг. События же 1918-21 гг., по-моему, нельзя называть войной между грузинами и абхазами, потому что, в отличие от 90-х годов нашего столетия, не все секторы общества были втянуты в конфликт. И все же, хоть и в латентной форме, взаимная этническая неприязнь существует уже несколько десятилетий.

Надо признать, что война – это ситуация, которая катализирует все ранее существующие идентификации и делает их беспрецедентно сильными и окончательными. Без всякого цинизма можно утверждать, что военное противостояние как ни один другой фактор способствует усилению идентичности противостоящих сторон и приводит к окончательной сепарации двух коллективных самосознаний. Именно грузино-абхазская война 1992-93 гг. привела к окончательному сплочению абхазского народа, не без помощи «образа врага» в лице грузин. Результатом этой войны было то, что абхазы представили самих себя как «Nation en armes», т.е. народ, взявшийся за оружие¹. В какой-то мере эту войну можно рассматривать как крещение абхазской нации кровью. Во время войны все позитивные стереотипы образа противника забываются: им больше не место в сознании людей. Так, во время войны для абхазцев не могло быть хорошего грузина: акцент делался на негативные стереотипы (агрессивность, высокомерие, кровожадность грузин). Война заменила также все позитивные черты, которые грузины традиционно приписывали абхамам (мужество, честность, вежливость), на крайне негативные стереотипы (неразвитость, кровожадность и т.п.).

Поэтому нам кажется, что главная цель на сегодняшний день – это борьба представителей наших двух сообществ за искоренение негативных мифов, которые взяли верх благодаря войне. На наш взгляд, было ошибочным отдавать приоритет правовому урегулированию конфликта (переговоры о статусе) и даже попыткам дать дефиниции этому конфликту (этноконфликт, национальный конфликт, политический конфликт, национально-освободительная война или сепаратизм). Все переговоры обречены на провал, если не осмыслить и не преодолеть вражду в сознании двух народов. Даже в случае принятия определенных решений политическим руководством Тби-

¹ «Синдром Вальми», когда в 1792 г. впервые в истории человечества все французское население было мобилизовано на борьбу с интервентами. Французы ринулись в бой, крича: «Vive la nation!» (Да здравствует нация!).

лиси и Сухуми, без предварительной работы с населением такие решения имеют весьма скромные шансы на успех. Не устранив почву конфликтогенной ситуации, невозможно достичь долгосрочного мира.

Мифологии и мифологические представления как «идейная часть реальности»

Мы уже отмечали важность устранения в обоих обществах более или менее мифологизированных представлений друг о друге. Для этого надо осознать само значение термина «представление». Поскольку человек – это думающее существо, он может жить в обществе только в соответствии с тем, каким он его представляет. Социальный строй дается прежде всего как общность представлений. Необходимость дать смысл всему происходящему – неотъемлемая часть жизни в обществе. Представления складываются в сложном историко-социальном процессе, который можно анализировать и реконструировать. Представления не даны окончательно, но меняются исторически. Историчность представления, как и мифа, вовсе не означает их абстрактной сути. Мы не употребляем эти термины в уничижительном смысле (т.е. как ложь или лже-сознание являются оппозицией объективности), отдавая предпочтение нейтральному определению. Главное в отношении к мифу – не его «правдивость» или «лживость», а то значение, которое ему придается самим обществом, т.е. его «социальная законность» (П. Бергер и Т. Лукман). Это определяет степень доверия общества к мифологии.

Некоторые современные специалисты в области социальных наук говорят о функциональной продолжительности мифологии в обществе (Н. Смелсер) и о мифологии как культурной системе (Кл. Гирц). Согласно работам этих авторов мифология необходима для социальных процессов и для понимания мира. «Каждая общность производит и воспроизводит комплекс символов, с помощью которых она осознает самое себя и определяет свои цели», – отмечал известный антрополог Марсель Мосс. Мифология действует как внутренняя арматура общества и представляет собой идейную часть реальности (Морис Годелье). Это означает, что воспринимаемая нами реальность тоже не лишена идеологической и мифологической нагрузки и что эти последние – неотъемлемая часть самой реальности. Иными словами, мифы имеют очень конкретные последствия в реальности. То, что грузины и абхазы воспринимают друг друга враждебно, является реальностью, но сама эта реальность базируется на негативных мифологических представлениях друг о друге.

Мифологию можно рассматривать как схему для чтения и понимания социальной реальности. Исторически эта схема поэтапно развивалась из

семейной в родовую, религиозную, этническую и национальную в соответствии с теми институтами, внутри которых шаг за шагом происходило определение и восприятие окружающего мира (род, племя, религиозная община, этнос, нация). Так, когда становление идеи происходит внутри института нации, мифология становится национальной, превращаясь в такую общность представлений, которая необходима как атмосфера для дыхания общества, для его исторической жизни (Л. Альтуссер).

Бороться с национальной мифологией в широком ее понимании после того, как национальное самосознание народа пробудилось, невозможно. Но работать над изменением некоторых ее черт можно. Одной из таких черт является «образ врага», который в свое время служил сплочению нации (образ грузин для абхазов, образ русских для грузин), но может быть преодолен, когда нация уже консолидирована и ее существованию не грозит серьезная угроза. Негативные представления абхазов о грузинах могут трансформироваться, если последние перестанут ассоциироваться в представлении первых с серьезной угрозой. Это станет возможным тогда, когда сама Грузия не будет испытывать угрозу со стороны еще одного «исторического врага». Как только наши народы не будут представлять из себя «общин страха» (Б. Геремек), «образ врага» станет ненужным. Интересно в этой связи рассмотреть, что привело к появлению негативного представления абхазов и грузин друг о друге.

Социально-историческая конструкция вражды

Сегодня вражда существует между группами – грузины-абхазы. Эти национальные группы появились сравнительно недавно, если анализировать исторический процесс в целом. Среди факторов, повлиявших на этот процесс, начиная с XIX в. – покорение Российской империей Кавказа и российская колониальная политика, способствовавшая пробуждению грузинского национального самосознания; попытка грузинской национальной интеллигенции пропагандировать национальную идеологию на данной территории и обратная реакция абхазов против распространения на «идеальной территории грузинской нации» единой и стандартизированной культуры; советская национальная политика и полная этнизация советского общества; попытка создания в постсоветское время национального государства на территории бывшей Грузинской ССР.

Абхазский конфликт нельзя анализировать как результат воздействия только одного фактора. Этнический фактор сам по себе не способен создать конфликтную ситуацию, которая привела бы к войне. Самих по себе этнических или культурных различий недостаточно для разжигания вражды.

Мы знаем немало государств, в которых живут в мире различные этнические группы. Да и в самой Грузии потенциальных сецессий больше, чем реальных. Ни армяне Джавахетии, ни азербайджанцы Квемо Картли в большинстве своем еще не сформулировали требований об отделении. Отдельно взятого экономического фактора тоже недостаточно – совсем необязательно, что регионы, резко отличающиеся от среднего уровня своим богатством или бедностью, будут стремиться к отделению. Внешний фактор, как бы силен он не был, тоже не может быть определяющим в разжигании вражды между центром и периферией, если прежде не существовало других факторов напряжения. Поэтому мы считаем ошибочным широко распространенное в Грузии мнение о том, что абхазский кризис – это, в основном, дело рук России. Без внутреннего напряжения между двумя нашими сообществами все попытки России в этом направлении были бы обречены на провал. Россия в действительности пыталась помешать появлению полноценного грузинского государства, но почему-то не все ее старания увенчались успехом. Еще в царской России были очень серьезные попытки создать центробежное движение в Мегрелии и Сванетии, но планы центра провалились.

Еще один фактор – это фактор накопленной фрустрации. Начиная с периода махаджирства, а затем в 1918-21 годы и в годы сталинских репрессий, абхазы считают, что находятся в положении угнетенного народа, тогда как историческая память напоминает им о временах их доминирования. Но в Грузии все регионы находятся в той или иной степени в положении фрустрации. Достаточно вспомнить «наказание» Мегрелии войсками Госсовета из-за приверженности звиадизму, но несмотря на горький эксперимент мегрелы не стали бороться за отделение, а напротив, целью всех политических движений, нашедших убежище в Зугдиди в 1992 – 93 гг., был Тбилиси, и ни один «поход» звиадистов не останавливался на Цхенисцкали (условной границе между Мегрелией и Имеретией).

Имея в виду все эти обстоятельства, мы, говоря об Абхазии, должны расширить анализ в двух направлениях – в вертикальном или в диахроническом (т.е. углубиться в исторические корни поэтапного конструирования вражды и недоверия между грузинами и абхазами) и в горизонтальном или синхронном (т.е. анализировать комбинацию факторов – этнического, политического, внешнего – которая привела к войне). До покорения Кавказа Российской империей вряд ли можно говорить о вражде или негативных стереотипах абхазов и грузин по отношению друг к другу. Это объясняется отсутствием в тот период на данной территории четко выраженной и интегрированной идентификации «абхаз» и «грузин». Все войны, имевшие место между Мегрельским и Абхазским княжествами в позднефеодальный пе-

риод, происходили не по этническому или национальному признаку, а были династийными, феодальными войнами за расширение княжеского домена. То же средневековое Грузино-Абхазское царство не было национальным государством, потому что его правители не предпринимали никаких попыток культурной или этнической унификации населения. Это государство постепенно расширяло свои границы, не имея при этом никакой территориальной идеи, и стало полиэтнической и поликонфессиональной империей.

На территории современного Кавказа до прихода России было трудно найти этносы с четко очерченными контурами. Скорее, речь может идти о группах с меняющимися и ситуационными идентификациями. В результате «30-летней войны» Шервашидзе с Дадияни, Абхазия (т.е. владение князей Чачба-Шервашидзе) принимает примерно такую же территориальную конфигурацию как современная – территория между реками Псоу и Ингури. Поскольку в тот период доминирует патриархальная логика, владетельный князь Зегнак Шервашидзе (Чачба) поделил всю территорию между сыновьями. В течение всего 18-го века интеграция между различными абхазскими общинами (Садз, Бзыб, Гума, Абжуа, Самурзакан, Цабал, Псху) была недостаточной для конструирования современной нации, а внутренняя ситуация здесь характеризовалась суб-администрацией. Такая же ситуация сложилась тогда и в Грузии. Как писал грузинский писатель XIX в. : «Если прокричать: «Эй вы, грузины, выходите, люди!», кто выйдет? Несколько картлийцев, может быть, и кахетинец, повернет свою толстую шею, а другие, прежде чем стать грузинами, считают себя выходцами из своих уголков». Это не означает, что в том и другом случае не существует некоего чувства «коллективной принадлежности» (Е. Хобсбаум), однако его трудно пока назвать национальным самосознанием.

До появления русских (начало XIX в.) мы не замечаем ни одной попытки лингвистической унификации различных абхазских и грузинских общин. Упразднение Абхазского княжества царской администрацией в 1864-м году вызвало выступления абхазов, требовавших восстановления традиционного правления. В этих выступлениях, помимо лишенного своих привилегий абхазского дворянства, участвовали и широкие слои населения, которые не только поддерживали своих «натуральных лидеров», но и с недоверием относились к новому земельному режиму, введенному самодержавием. Эти события ознаменовали собой начало самого трагического периода в истории Абхазии – махаджирства (насильственное переселение большей части абхазов в Османскую империю). Махаджирство, со всеми его антигуманными последствиями, было прямым проявлением первого этапа российской колониальной политики на Кавказе, т.е. разделения покоренных народов на тех, кого можно ассимилировать и тех, кого невозможно

или слишком трудно ассимилировать. Абхазы были отнесены ко второй категории со всеми вытекающими из этого последствиями. Важно отметить, что политика деления народов по таким признакам была использована неоднократно русским, а позже – и советским колониализмом, и оставила неизгладимый след в самосознании народов империи.

Приняв репрессивные меры против абхазов, империя в то же время способствовала заселению опустевшего региона народами более лояльными – русскими, представителями других славянских наций, греками, армянами, эстонцами и т.д. После отмены крепостного права в Западной Грузии и освобождения крестьян без земли, совпавшего по времени с махаджирством, многие грузинские крестьяне обосновались в Абхазии. Такая политика могла только способствовать формированию враждебных представлений друг о друге. Махаджирство – это первое трагическое последствие классификации, которая четко разделила две этнические группы региона – абхазов и грузин.

Классификация народов по принципу лояльности постоянно менялась. Так, если грузины в начале XIX в. считались наиболее лояльными субъектами империи, особенно сравнительно с кавказскими горами, то после пробуждения национального самосознания среди грузин отношение центра изменилось не в пользу последних. Вероятно, с этим связан официальный указ от 1900 г., который запрещал грузинским переселенцам приобретать земли в Абхазии. Примерно с этого же времени царизм пытается «искупить свою вину перед абхазами» не из любви к ним, а потому, что видит в грузинском национальном движении главную угрозу интересам империи. Декретом от 27-го апреля 1907 г. с абхазов была официально снята «вина», и были предприняты некоторые меры по изучению и сохранению абхазской культуры.

Интересно отметить, что в Абхазии также столкнулись интересы и двух институтов христианского миссионерства – Всероссийского общества возрождения православия на Кавказе (ВОВПК) и Грузинской Православной церкви во главе с архиепископом Кирионом. Грузинская Православная церковь выступала в роли союзника грузинского национального движения и способствовала внедрению грузинского языка там, где на нем практически не говорили (в Абхазии, Мегрелии, Сванетии и т.д.). Крещение абхазских крестьян грузинскими священнослужителями означало их постепенную грузинизацию, чего не могла допустить царская администрация, которая только после того, как убедилась в низкой эффективности внедрения православных молитв на старославянском, стала издавать первые сборники христианских текстов и вести богослужение на абхазском языке (1892) и стала готовить абхазских священнослужителей.

Роль грузинского национализма

Грузинское национальное движение, зародившееся во второй половине XIX в. в лице движения «Тергдалеули» и Общества распространения грамотности среди грузин, считало Абхазию частью т.н. «идеальной Грузии», отмечая тот факт, что абхазское дворянство было довольно хорошо интегрировано в грузинское дворянское сословие. Некоторые из абхазских дворян (например, Георгий Шервашидзе, сын последнего владельца Абхазии) принимали активное участие в движении «Тергдалеули». В силу того обстоятельства, что большинство «тергдалеульцев» были выходцами из дворянства, они не обращали должного внимания на то, что подавляющее большинство абхазов не говорило по-грузински и не считало себя грузинами.

Грузинский национализм XIX в. – это национализм без государства, ищущий государство для нации. Какое государство могло искать грузинское национальное движение, зародившееся в XIX в. внутри Российской империи? После распада средневекового царства у Грузии не было единого государства. Грузинские национальные лидеры XIX в. представляли Абхазию, как и абхазов, частью грузинской нации – по крайней мере, пока у самих абхазов не сформировалось собственное национальное самосознание. Поэтому грузинская интеллигенция всячески способствовала миграции мегрельских крестьян в Абхазию (Гогебашвили, Сахокиа). Те же интеллектуалы находятся у истоков главного мифологизированного представления грузин, согласно которому интеграции абхазов в грузинскую нацию мешает Россия. Вот что писал Нико Джанашиа в 1908 году в газете «Дрозба»: «Если раньше русские выгоняли абхазов с воплями: «Убирайтесь подальше», то в последнее время они стали обращаться к ним ласково, и это только потому, что хотят окончательно разрушить все остатки многовековой и священной дружбы абхазов и грузин».

Если российская политика – «Разделяй и властвуй» – легко объяснима, то грузинскую позицию несколько труднее понять. Грузинская национальная идеология исходила из того, что Абхазия с глубокой древности связана с различными грузинскими царствами и княжествами. Было стремление доказать, что между грузинским «культурным ядром» и абхазами несовместимости нет и что абхазский язык является одним из диалектов грузинского. Исходя из таких предпосылок было бы логичнее объявить, что Россия мешает грузинскому национальному проекту создания культурной гомогенности на территории двух губерний, чем согласиться с доминирующим в Грузии представлением, согласно которому Россия хотела разрушить грузинскую нацию, подрывая ее культурную сплоченность – ту сплоченность, которая была главной целью национального движения, а не существующим в реальности фактом.

Следующим фактором грузинского национального движения, оказавшим воздействие на самосознание абхазов, был период, хоть и недолгий, когда грузинский национальный проект осуществился. Речь идет о существовании независимой Грузии в 1918-21 гг. Если раньше абхазское национальное самосознание еще робко питалось реакцией на грузинское национальное движение, то на этот раз оно поднялось на новый уровень. Грузинские меньшевики несмотря на их прежнюю оппозицию к националистам и декларировавшийся интернационализм все же оказались во главе нового национального государства. Мы знаем, что коллективные идентификации усиливаются, когда им противостоит государство – и особенно, национальное государство. Последнее, в отличие от архаичной империи, старается с помощью унифицированной системы образования создать культурно унифицированную нацию. Здесь важен факт оппозиции, или обратной реакции. Поэтому на пробуждение национального самосознания абхазов встреча с национальным (национализирующим) государством оказала более сильное воздействие, чем весь период нахождения под властью империй. Первая реакция абхазов проявилась в протестах против присутствия на территории региона грузинских войск (особенно, не слишком «деликатного» Мазниашвили). На это время у абхазов еще не было национального руководства, которое мобилизовало бы население под флагом национальной независимости. Поэтому противостояние приняло форму классовой борьбы – с одной стороны буржуазное государство, с другой – киаразовцы, с помощью которых на территории Абхазии были учреждены первые Советы. Это обстоятельство дало повод грузинскому руководству объявить абхазов, как и осетин, ставленниками большевистской России. Однако нельзя отрицать наличия в этой борьбе национального компонента, хотя последний был еще недостаточно силен, чтобы мобилизовать весь абхазский народ. К тому же известно, что Абжуйская Абхазия не принимала активного участия в этой борьбе.

Грузинское правительство не имело четкой концепции в отношении Абхазии. Вышеописанные события заставили грузинских лидеров подумать о необходимости специфического подхода к Абхазии. Были предприняты некоторые шаги для разработки положения о статусе Абхазии в составе Грузии, но практически сделано было мало. Надо отметить, что конкретная попытка грузинского руководства создать национальное государство могла означать для абхазов следующее: абхазский народ имеет собственную самобытную культуру, которая лишь отчасти является родственной грузинской культуре, но никак не может рассматриваться как ее часть. Об этом говорят и научные работы, появившиеся за этот короткий период (С. Джанашиа, И. Джавахишвили), очень сильно отличающиеся от советской идео-

логизированной историографии. Сам факт, что именно в этот период (1919г) появилась первая газета («Апсны») на абхазском языке, тоже весьма показателен.

Впоследствии период 1918-21 гг. был охарактеризован как грузино-абхазская война. Может быть, не столько сами события этих лет, сколько постоянные напоминания о них как об одной из трагических страниц «Столетней войны между грузинами и абхазами» впервые за историю Абхазии способствовали переносу негативной идентичности на грузин. После этого периода абхазское национальное самосознание развивалось как реакция на грузинский национальный проект, найдя в лице грузин тот “образ врага”, который так необходим для самоидентификации.

До 30-х г. идентификационные категории (грузин /абхаз) не окончательны и не единственны. Так, в переписях населения, которые пытаются классифицировать его по различным социально-экономическим категориям, встречаются такие «нелогичные результаты», как, к примеру, тот факт, что по переписи 1930-х г. 13,5% населения, переписанного под грифом «абхаз», назвало своим родным один из картвельских языков. Та же неясность по вопросу этнической принадлежности большей части самурзаканцев свидетельствует, что на этом этапе еще не все слои населения имели четкий взгляд на свою этническую принадлежность. Окончательная этнизация населения происходит в советское время, вернее, в его сталинский период, и осваивается всем населением, становится стилем жизни и источником политико-административной власти, посредством воплощения в жизнь ленинского принципа коренизации.

Несмотря на полное пробуждение абхазского национального самосознания в начале XX века и опыт 1918-21 годов среди абхазов еще не сформирован окончательно негативный имидж грузина-врага. Однако трагические 30-40-е годы окончательно разрушили мост доверия, который до той поры продолжал существовать. Еще раз сработал имперский механизм классификации наций на плохие и хорошие, на сей раз уже с катастрофическими последствиями, т. к. абхазы и грузины к этому времени уже сформировались как нации, и уровень национальной идентификации был намного выше, чем в XIX в.. Наказание одной нации и игра на чувствах другой создавали благоприятные условия для разжигания национальной ненависти. В период 1937 – 1954 гг. шел самый интенсивный процесс формирования у абхазской нации негативного представления о грузинах и синдрома «общности в муке» (Е. Ренан писал, что нация – это группа людей, которая страдала вместе). Никакая другая страница истории Абхазии (даже самая кровавая) не имела такого значения для утверждения в абхазском обществе мнения, что интересы аб-

хазской нации в корне противоречат грузинским национальным интересам. Запрет на обучение на абхазском языке, снижение удельного веса этнических абхазов в составе населения (с 1950 годов численность грузин в 3 раза превосходит численность абхазов в Абхазии) воспринимаются как грузинская культурная и демографическая экспансия. Негативный стереотип грузина уже существует в известной мере и на бытовом уровне. В повестях самого выдающегося абхазского писателя современности Фазиля Искандера в «эндурцах» можно разглядеть символический тип грузина-мегрела. Сам факт, что в Кремле в это время был грузинский тандем Сталин-Берия, очень негативно повлиял на грузино-абхазские отношения, даже несмотря на то, что сами грузины не воспринимают Сталина и Берия лидерами грузинской нации, напротив, видят в них виновников истребления грузинской интеллигенции.

После реабилитации абхазов Хрущевым и десталинизации недоверие между сообществами усугубляется. Десталинизация в верхушке КПСС имела и некоторые антигрузинские штрихи, по крайней мере, так она была интерпретирована грузинским населением. Имевшие место в Грузии в 1956 г. проталинские манифестации незаметно переросли в патриотическое движение. Имперский баланс опять складывается не в пользу грузин, среди которых уже появляются первые диссиденты, а в грузинском коллективном сознании формируется “образ врага” в лице Москвы в альянсе с ее союзниками и внутренними врагами Грузии – абхазами.

Советская национальная политика сделала грузино-абхазское противостояние более жестким. Для успешного «решения национального вопроса» Сталин создал собственную концепцию. Политико-национальное деление СССР было организовано в соответствии с наличием т.н. титульной нации в каждом национально-территориальном образовании. Национальность в советском понимании – это этническая общность, которая на протяжении всего исторического периода сохраняет свою идентичность, основанную на языке. Народ определен, как природное данное, независимое от всякой политической воли. Хотя, как известно, считалось, что только форма является национальной, а содержание – социалистическим, на практике форма оказалась куда более жизнеспособной, чем содержание. Одним из следствий советской национальной политики была обязательная и окончательная национальная идентификация каждого человека. Советская классификация не допускала, чтобы один и тот же человек был квалифицирован одновременно, допустим, как грузин и абхаз. Такие институты, как национально-территориальные образования, национальная символика, язык, система образования, структуризация коммунистической партии по территориальному принципу, обязательное декларирование гражданином своей

национальной принадлежности — причем неоднократно, в ходе повседневной жизни (при заполнении различного рода анкет, например, в случае получения внутреннего паспорта, поступления детей в школу, даже пользования библиотекой и т.д.) — все это заставляло советского гражданина четко идентифицироваться со своей этно-национальной группой. По существу, национальная принадлежность превратилась в своего рода образ жизни советского человека.

Радикализация национальной идентификации в советское время связана и с тем, что национальность могла служить и политическим ресурсом в связи с политикой кореннизации. Включение политического фактора катализирует коллективные идентификации потому, что последние находят своих лидеров в лице профессиональных политиков, осуществляющих политический перевод национальных требований. В свою очередь, и политическим лидерам нужны национальные группы, интересы которых они претендуют представлять. В постсталинской Абхазии быть грузином и абхазом означало еще и быть политически разным, т.к. каждая община стала группой интереса политических сил. Поскольку советская национальная политика включала и территориальный компонент, борьба шла за контроль над всеми материальными и символическими ресурсами. Заканчивая эту мысль можно сказать, что политики обеих сторон были, осознанно или неосознанно, заинтересованы в радикализации национального самосознания и сохранении и даже усилении взаимных негативных стереотипов двух групп.

Еще одним «вкладом» советской национальной политики в дело конструирования национальных мифологий стало появление у обоих обществ мифологизированных представлений о своей истории. Наличие национальной истории (в смысле историографии, т.е. прошлого, изложенного текстуально, картографически и иконографически) является обязательным условием для самого существования нации. Рассказывая и описывая свою историю, мы даем себе идентичность, уходящую вглубь истории. Существование в качестве группы (нации) возможно только при наличии собственной истории (теория нарративной идентичности Поля Рикера). Вообще, историографию можно сравнить с автобиографией: когда человек пишет свою биографию, он сам выбирает те этапы своей жизни, которые ему кажутся наиболее значительными или же нужными в соответствии с потребностями текущего момента. Оказывается, что Грузия, Абхазия, Осетия и т.д. как название социальных объектов в пространстве прежде всего являются воплощением исторического рассказа (нарратива). С течением времени этот рассказ обретает эффект реальности, т.е. пробуждает у индивида — чаще всего читателя, слушателя или же действующего лица рассказа — осознание пере-

житого как культурно и этнически маркированного прошлого. Все нации претендуют на многовековое прошлое, как будто древность может быть гарантом авторитета. Но история написана современными авторами, и она обязательно переключается с проблемами, с которыми сталкивается общество на современном этапе. Современность подталкивала первых националистов, лидеров национального движения впервые описать историю своего народа и этим «доказать» его право на существование и легитимность.² Мифы о прошлом обязательно связаны с тем, что мешает народам идентифицироваться, а также с реальными или воображаемыми угрозами нации в связи с кризисом идентичности.

Исторический релятивизм представляет собой угрозу «священным текстам» национальной истории всех народов, потому что утверждает, что нет единственно возможного прочтения того или иного момента прошлого. Но в нашем случае мифологизация прошлого зашла слишком далеко, и не без помощи советской, якобы научно обоснованной, национальной политики.

Мифологизированное прошлое — это одно из самых, если не самое серьезное препятствие морально-идеологического толка для урегулирования грузино-абхазского конфликта. В Советском Союзе господствовало следующее понимание национального вопроса: национальность — это этнос, т.е. нечто неизменное, биологически (а не социально) данное, основанное на кровном родстве. Если этнос существовал всегда, принимая в процессе развития различные формы — племя, народ, нация — то, следовательно, необходимо изучать этногенез той или иной нации. Как указывалось выше, грузины считали Абхазию частью Грузии. Но абхазы никогда не были частью грузинской нации, даже в тот период, когда Абхазия действительно была частью грузинского государства. Грузинская и абхазская нации сформировались как этнические нации, а не как гражданские или государственные, а иного в Российской империи, а позже — в СССР и не могло случиться. Чтобы доказать, что Абхазия — это часть Грузии, грузинские «научные работники» были вынуждены доказывать, что абхазы являются частью грузинского этноса, потому что для советской науки значение имел только этнос. Результатом такой сложной «научной гимнастики» была и книга П. Ингорюкв «Гиоргий Мерчуле (1954)», в которой он совершенно антинаучно обосновывал теорию «старых и современных абхазов». Можно лишь сожалеть, что книга Ингорюкв с легкой руки грузинских диссидентов в 80-90 годах обрела вто-

² Так, в Грузии эту работу возглавили интеллигенты-«тергдалеульцы», а не профессиональные историки. Первой книгой профессионального историка была книга Д.Бакрадзе в 1886 году. В Абхазии эту работу взяли на себя Д.Гулия, С.Ашхацава и др.

рую жизнь. Такая «теория» неизбежно вызвала резко отрицательную реакцию абхазов и даже толкнула некоторых из них в другую крайность: утверждение, что между грузинами и абхазами кроме войн никогда ничего не было и что грузины – кровные враги абхазов. В условиях тотальной этнизация грузинского общества, и при отсутствии зрелой государственности – это привело к началу острой полемики об исторической геомифологии, т.е. о том, кто куда первым поселился. При этом совершенно ошибочно подразумевалось, что те, кто поселились первыми имеют какое-то особое право на эту землю. Такая же геомифологизация присуща и другим конфликтам посткоммунистического мира (Карабах, Косово, румыно-венгерский спор о Трансильвании, и т.д.).

Интересно отметить: мифологизированные представления тем сильнее, чем ниже реальное научное знание своего прошлого. Мифологию гораздо легче усваивать и воспроизводить, чем научное знание, которое политически невыгодно.* К тому же, мифологическое знание относится к самому распространенному типу знаний, который успешно маскирует реальную необразованность и придает видимость компетентности всем, кто способен излагать эти мифы. Нечто подобное произошло и с грузинскими диссидентами в 80-90 годы 20 в. Главная противоречивость диссидентов состояла в незнании ими своей собственной страны. Обладая отрывочными и поверхностными сведениями не только об абхазах, но и о собственно грузинских регионах, не умея трезво оценить реальное положение в Грузии, где в течение последних двух столетий не было своей государственности, они решились на эксперимент в виде создания унитарного национального государства по типу западноевропейских исторических моделей (Франция, Великобритания, Скандинавские страны). Грузинскую ССР невозможно было перестроить в национальное государство хотя бы только из-за того, что в советское время не было сделано ни одного шага для учреждения единой школьной системы и интеграции национальных меньшинств. Национальная идеология ГССР была идеологией грузинского этноса, а не грузинской нации. Но на базе этноса в конце 20 в. построить государство невозможно.

Неудивительно, что национальные меньшинства Грузии с неохотой отнеслись к лозунгам лидеров грузинского национального движения и на выборах в 1990 г. в большинстве своем проголосовали за коммунистов, что дало Гамсахурдиа и его соратникам повод объявить представителей меньшинств сторонниками Кремля и пятой колонной.

---

* Мы сознательно не противопоставим советскому идеалу, согласно которому социальные науки «гарантировали» правдивость политики государства.

Заключение

Ситуация действительно сложилась непростая. Но все же, негативные стереотипы сконструированы в ходе историко-социального процесса, а не даны на генетическом уровне, следовательно, есть надежда на их реконструкцию. Поскольку мифологизированные представления связаны с конкретными фактами и, в свою очередь, имеют влияние на происходящее в реальности, необходимо расторгнуть заколдованный круг вражды, для чего следует предпринять конкретные шаги:

Грузия должна признать законность права абхазов на самостоятельное развитие и никогда впредь не ставить под сомнение аборигенность абхазов;

Грузия также должна декларировать, что этническая идеология не является основой ее государства;

Грузия должна признать, что абхазский вопрос существует самостоятельно от российского фактора, и должна предложить модель безальтернативно мирного урегулирования конфликта, даже на случай, если Россия будет вынуждена оставить Абхазию;

абхазы должны осознать, что грузины не являются их генетическими врагами, а также то, что грузины и Грузия способны сыграть положительную роль в культурном и экономическом развитии Абхазии;

абхазы должны понять, что даже будучи национальным государством, Грузия не угрожает интересам Абхазии, поскольку не является унитарным государством;

политические руководители как Грузии, так и Абхазии должны признать, что война 1992-1993 гг. была ошибкой, и подобное больше не случится;

абхазское руководство должно заявить, что грузинам в Абхазии будут гарантированы все права и что грузинский народ не несет ответственности за разжигание войны;

Грузия должна предпринять все возможные усилия для того, чтобы абхазы перестали чувствовать себя осажденной нацией, и помочь молодежи Абхазии выйти на международную арену и получить возможность обучаться в университетах стран Запада. Грузия должна также способствовать популяризации абхазской культуры на международном уровне и интеграции Абхазии в глобальные процессы. При этом Абхазии должна быть предоставлена возможность сохранить свою самобытность и специфику. Если же изоляция Абхазии продолжится, это приведет к развитию процессов по негативному сценарию.

Народная дипломатия и ораторство на Кавказе (абхазы и адыги)

Данная статья является продолжением первой и фактически своеобразным дополнением к ней.

Народы Кавказа, как Восточного, так и Западного, выработали за тысячелетия неповторимую культуру, которая несмотря на внешние влияния сумела сохранить свою самобытность и оригинальность. Вплоть до российского завоевания Кавказа «законы черкесского рыцарства базировались на трех основных принципах: гостеприимство, уважение к старшим и право мести».¹ Дж. А. Лонгворт, посетивший в 1839 г. восточное побережье Черного моря (от Гагр до Анапы) и проживший там год, подчеркивал, что «есть три качества, которые дают в этих краях человеку право на известность – храбрость, красноречие и гостеприимство»; или, как он выразился, «(Осман-черкес) – острый меч, сладкий язык и сорок столов».² Эти слова можно отнести к каждой свободной семье. В делах общественных, касающихся внешней политики, кавказские горцы зачастую показывали миру, что в случае общей угрозы они забывали о личных интересах и собирали общекавказское вече, довольно успешно решая как национальные, так и важные для всего Кавказа вопросы войны и мира, свободы и защиты интересов безопасности.

Мы назовем ряд личностей, сумевших сплотить вокруг себя людей и народы и, в первую очередь, Великого Инала (Инал-ду), объединившего под своей верховной властью народы Западного Кавказа. Место его захоронения и поныне священо для абхазов, абазин и адыгов. В те времена, после его удачных походов, на Кавказе царили мир и благоденствие; у адыгов есть пословица: «Боже, дай Иналов день!» Смысл ее таков: «Да воцарятся на земле мир и справедливость!».

Одной из наиболее ярких личностей, стремившихся к объединению Кавказа, был имам Мансур, родом из чеченского села Алды. В течение 1785-91 гг. он сумел объединить народы Кавказа против надвигающейся с севера угрозы. Имя его в XIX веке было символом борьбы против царизма. Народы Кавказа слагали о нем песни, пронизанные духом единения и гордости. О нем с уважением писал Лев Толстой. Э. Спенсер говорит, что это был «Александр в доблести, Локман в мудрости и Макиавелли в политике».

В XIX веке имам Шамиль сумел организовать на Восточном Кавказе государство, которое в течение 25-ти лет вело организованную борьбу против самой мощной армии в мире.

В Абхазии в конце XVIII-начале XIX вв. возшла звезда Келешбея Чачба...

В случае реальной угрозы порабощения народы Западного Кавказа, используя средства дипломатии, поднимали народ на борьбу под лозунгом «Родина или смерть» и в течение десятилетий вели беспощадную войну против захватчиков, восхищая своим мужеством как противников, так и наблюдателей. В случае реальной угрозы народ следовал формуле, которая заключена в абхазской пословице: «Дружба подобна обоюдоострому кинжалу, и ни один враг не может ее разрушить.» Вот как отзываясь о горцах Кавказа мадам Хоммайре де Хелл: «Храбрость, ум, замечательная красота — природа им дала все, и чем я в особенности восхищалась в их характере – это холодное и благородное достоинство, которое никогда не опровергалось и которое у них сочеталось с чувствами наиболее рыцарскими и с горячей любовью национальной свободы».³

После заключения Адрианопольского мира (1829 г.) Россия усилила военный натиск на Западный Кавказ. Здесь мы остановимся на очень интересной «ассамблее горцев Западного Кавказа» (1830 г.), описанной очевидцем. Все народы, проживавшие от Таманского полуострова до р. Ингур, он называет здесь черкесами:

«При виде долгожданного национального флага тысячи мечей взлетели в воздух, и один всеобщий пронзительный вопль радости вырвался из необъятной толпы. Никогда до сей поры не было большего проявления ни энтузиазма, ни решимости защищать их Отечество. Так как общая угроза, проснувшись в сердцах, впервые вызвала чувство необходимости единения как первого, и как самого необходимого элемента к достижению успеха, каждый мужчина по всей стране поклялся никогда не покоряться русским, не входить с ними в торговые отношения, не поддерживать никаких связей с ними под любым предлогом. Постоянная вражда, которая до сих пор существовала между вождями, племенами была прекращена; и тех черкесов, которые до настоящего времени разоряли территории друг друга, теперь можно было видеть рука к руке, объединенных теснейшими узами братства».⁴ Далее он отмечает: «Ассамблея была проведена в одной из священных рощ, прилегающих к лагерю. Несколько деревьев были украшены жертвоприношениями; и в центре, на маленьком холмике, стоял, так сказать, единственный, символ христианства – разрушающиеся остатки древнеримского креста, грубо вырезанного из дерева, напротив которого восседали главные вожди на травянистом дерне. Вид такого мно-

жества людей, отдыхающих под тенью почтенных деревьев, серьезно об-суждающих и договаривающихся о самых эффективных мерах, которые необходимо принять, чтобы защитить их страну от ужасных врагов, вот-вот готовых опустошить ее в сотый раз огнем и мечом, был необыкновенно поразителен и впечатляющ. Как только оратор поднимался со своего места, чтобы обратиться к ассамблее, глубочайшее и самое уважительное молчание устанавливалось до тех пор, пока какая-нибудь возбуждающая фраза не производила всеобщего возгласа энтузиазма или не раздавался неистовый возглас мести, которому громкий звон сабель придавал дополнительный эффект; при котором кому-нибудь из старейшин было нужно махнуть своей рукой, чтобы порядок снова восстановился. Мне было бы совершенно невозможно попытаться нарисовать возбужденный энтузиазм этого самого патриотического народа, когда один из вождей, не более беспомощный от возраста, чем от ран, прибыл на поле, принесенный туда на особом виде паланкина; огромный вид радости и шум оружия до сих пор звенят у меня в ушах. Его бережно поддерживал единственный оставшийся из его сыновей – «юноша геркулесовского сложения». В конце своей страстной речи старый воин сказал: «Немного коротких недель ослабят мое тело, но моя душа поднимется к жилищу моих отцов – земле блаженных: там она будет плакать великому Тха, Вечному Духу, о мести нашим преследователям. Когда это произойдет, о Аттехей! Защитите остаток моего народа. Мы бежали от истребляющей руки разрушителя, и вы дали нам дом; наша страна вырвана из нашей власти, и вы разделили с нами земли ваших отцов; и ваша страна теперь наша страна. Оказался ли мой народ неблагодарным за это благодеяние? Запятнал ли акт предательства имя татар? Не наши ли мечи тысячами пили жизненную кровь наших безжалостных врагов? Во имя ран, которые я получил, защищая вашу свободу, ран, которые сделали меня за годы беспомощным калекой, продлите ваше гостеприимство к моему народу». Затем, представляя своего сына, он воскликнул: «Видите последнего из моего рода: четверо моих сыновей уже погибли под пушками нашего врага, возьмите его; его жизнь посвящается поддержке свободы, Аттехей!»⁵

После его выступления «речи также были произнесены старейшинами почти всех соседних племен Черкессии, независимо от тех, которые вели кочевую жизнь – тюрками, ногайцами, калмыками и т.д., все выражали самые дружеские чувства к общему делу и клялись обеспечить их независимость в любом случае».⁶

Автор был поражен тем, что «не увидел ни одного человека, сидящего в стороне от общего дела: вся древняя вражда поглощается общим делом и лозунг «смерть или независимость» делается всеобщим».⁷

Говоря о народном суде, он подчеркивает, что «нельзя представить себе ничего более интересного и романтического», чем эти дискуссии. Суд велся по древнему кодексу чести, который считался «священным и неизменным». Объединенным собранием народов Западного Кавказа тогда была принята «Декларация независимости». Объединенные общей идеей народы Кавказа обращаются к «монархам Европы и Азии», надеясь на то, что они помогут им защитить их от порабощения Россией. Мы приведем несколько фрагментов из этого очень интересного документа:

«Население Кавказа, не поддаваясь России и не имея от нее покоя, многие годы ведет с ней постоянную войну. Войну эту ведет оно своими собственными силами. Оно никогда не получало помощи от кого-либо... Нам невыносим гнет России, так как она враждебно относится к обычаям, чести и счастью всего народа. Иначе, почему черкесы так долго воевали против России?.. Предательски поступают ее генералы и жестоки ее солдаты. Никто не имел бы пользы от того, если бы черкесы были уничтожены. Наоборот, в интересах всех – поддержать нас. Сотни тысяч московских войск находятся на нашей земле, воюя с нами, или, преследуя и блокируя нас, принуждают воевать с ними. Сотни тысяч людей рассеяны на наших землях и крутых скалах, и... желают опустошить наши богатые равнины и поработить наш край и нас самих... Мы знаем, что существуют иные государства, которые сильнее России и которые, хотя могущественны, являются милостивыми..., которые покровительствуют слабым, которые не являются друзьями России, а скорее ее врагами, которые не являются врагами султана, но его друзьями. Мы знаем, что Англия и Франция являются первыми среди народов мира и были большими и могущественными еще в то время, когда Россия пришла в маленькой лодке и получила от нас разрешение ловить рыбу в Азовском море. Мы не сомневаемся, что эти народы знают, что мы не являемся русскими и, хотя мы не имеем артиллерии, генералов, строгой воинской организованности, флота и богатства, все же мы являемся честным и миролюбивым народом, и что мы ненавидим Россию из-за нашего правого дела и всегда бьемся с ней. Для нас является огромным унижением, когда мы узнаем, что на картах, печатаемых в Европе, наша страна отмечена, как часть России. Трактаты, о которых мы ничего не знаем и которые подписывались между Россией и Турцией, отдают русским воинов, заставляющих трепетать Россию, и горы, где русская нога никогда не ступала. Россия утверждает на Западе, что черкесы являются ее невольниками и дикими грабителями или же просто дикарями, которых доброта не может смягчить, а нормы закона удерживать. Мы протестуем, во имя Бога, против такой лжи... 40 лет мы боремся открыто против обвинений нашим оружием и отстаиваем свою независимость. Доказательством этого является про-

ливаемая нами кровь. Мы не желаем чужого господства и спасаем свою страну... Нас 4 миллиона. Мы имеем свою форму правления и свойство покоряться закону...

Мы правила почти на целом Востоке. Россия пыталась всякий раз, когда нас одолевала, разделить на части нашу территорию и содействовать тому, чтобы принудить нас к условию крепостничества. Она вносила нас в список своей армии, желая усилить себя за счет нашего пота и крови; она заставляла воевать нас в своих рядах и порабощать других – даже наших собственных соотечественников и единоверцев...

Было бы длинной и печальной историей рассказывать ее ужасные поступки, преследования веры, лживые обещания. Она окружила наш край со всех сторон, отрезая нас от жизненно необходимой связи с иными государствами; она прервала нашу торговлю; она принуждает нас ложиться под нож и подкупает или уничтожает отдельные части наших старых родов; она истребляет целые племена и деревни (аулы); она подкупала изменнически военначальников Порты; она обрекает нас на нищету, и благодаря недостойным приемам, старается вызвать против нас негодование целого света – своей ложью она старается очернить нас в глазах христианской Европы...

Но мы, наконец, объединены все, как один...

Правда, мы имеем некоторое количество людей, которых император приближает к себе, льстя им, и которые предпочитают ласку императора, рискуя свободой своей родины, но это нас не страшит. Россия строит мосты и форты на нашей территории, но она не смеет выйти из своих укреплений....

Только оружием, но не словами покоряются страны. Если Россия и покорит нас, то не оружием, а тем, что отрежет нам пути сообщения, сделает море непроходимым из-за блокады берегов; уничтожит не только наши суда, но и суда иных держав, которые приходят к нам, лишит нас рынков для нашей продукции, воспрепятствует нам в получении соли, пороха и других необходимых предметов в войне и в нашей жизни. Но мы все еще независимы, мы воюем и побеждаем...

«Кто имеет силу, чтобы освободить нас?»⁸

Удивительно своевременно звучат эти строки, написанные более чем 170 лет тому назад. Мы привели этот документ как образец народной мудрости, дипломатии и предвидения. История изучается не для того, чтобы запоминать интересные факты, а для того, вероятно, чтобы люди, народы и правители не повторяли страшных ошибок, приведших к истреблению и уничтожению целых народов и самобытных и уникальных культур.

Дж.А.Лонгворт в 1839 году присутствовал на собрании горцев Западного Кавказа. Старейшин, из которых состоял совет, он называет «коллективной мудростью страны».⁹ Он очень точно подметил некоторые любопытные детали народного собрания, многие элементы которого бытуют в Абхазии и по сей день: «Здесь царят порядок и приличие. Шум, крики, брань никогда не допускаются и язык, к которому прибегают для красноречия – дословно «сладкий язык» – ясно указывает, что они отдают предпочтение убеждению, а не брани и угрозам. Как я уже говорил, каждый имеет право, если он того пожелает, обратиться к собранию, но это привилегия, которой пользуется далеко не каждый. Молодежь здесь отличается скромными манерами по отношению к старшим по возрасту...

Редко бывает, чтобы кто-нибудь в возрасте моложе сорока лет вмешивался в обсуждение; и только с появлением достаточного количества седых волос в бороде, говорящих о зрелой мудрости старейшины, оратор может рассчитывать на внимание аудитории. Ежели объявляется личность более, чем другие, любящая послушать сама себя, у них есть весьма своеобразный способ заставить ее замолчать; они не кричат петухами и не издают ослиных воплей, как в некоторых других, более цивилизованных странах; они применяют метод, который делают специфически для них приемлемым форма и просторность их дома собраний – «al jresco», т.е. «без стен». Незадачливый оратор может обнаружить, что его аудиторию составляют единственно соседние деревья и кусты, тогда как те, к кому он обращался, давно уже рассеялись и вновь собрались вне пределов слышимости, где их можно видеть слушающими кого-нибудь, кто имеет большие основания привлечь их внимание»¹⁰

Автор подчеркивает, что собрания эти могут продолжаться день за днем и что ораторы могут говорить часами до тех пор, пока «не придут к единогласному мнению, ибо для решения какого-нибудь вопроса простого большинства недостаточно; если они не пришли к единому мнению, они расходятся, не приняв никакого решения, так как ни один из них не будет подчиняться мнению, которое он не разделяет».¹¹

В 1839г. в местечке Геч (Северная Абхазия, границей которой тогда считалась р.Пшахе) абхазы, убыхи и адыги провели съезд, чтобы создать федерацию. «Территория федерации, – пишет Дж.Белл – простиралась по всему побережью от Туапсе до Гагр. ...Этот отрезок морского побережья станут делить на девять частей, на каждую из которой (с общего согласия) назначатся сорок старейшин. Они должны поклясться на Коране, что сделают все от них зависящее, чтобы найти, осудить и наказать соответственно действующим законам всех, кто связан с врагом, а также за кражу и другие преступления. В затруднительных случаях три таких судебных органа необходимо со-

зывать вместе. Два органа уже предложено создать в Ардлере и Гече, а еще через несколько дней будет создан третий, на южной части побережья».¹²

В книге Дж. Белла содержится ряд очень интересных и важных документов из дипломатической почты народов Западного Кавказа. Мы хотим привести лишь одно письмо от 29 мая 1837г., адресованное «Великому императору Российскому и нашему другу и его верному генералу и слуге»:

«...Вот уже десять лет мы воюем с вами, и все нации Европы знают, что мы не друзья друг другу... Ныне мы все едины до самого Каспийского моря; мы пишем вам от имени всех и все, что мы пишем – истина. Так как мы теперь едины, то можем ручаться, что никто не ступит ногой на нашу территорию; в то время, как черкесы не будут досаждают вам в ваших провинциях, мы надеемся, что вы сравняете с землей ваши крепости и уйдете на другую сторону Кубани и мы сможем заключить договор, по которому вы не будете больше нам вредить, так же, как и мы вам... Вы излишне самоуверенны, говоря, что разрушите эту страну; говоря так, вы надменно присваиваете себе свойства Бога-Творца. Вы говорите с чрезмерной заносчивостью и, кажется, думаете, что действительно можете сделать то, о чем говорите, но, хотя мы и маленькая нация, с благословения Бога, все другие народы будут на нашей стороне... И если нам не хватит людей, мы найдем их в чреве их матерей и вложим оружие в их руки».¹³

Центральная и Северная часть Абхазии, т.е. большая ее часть, была независимой вплоть до 1864 г., когда в абхазском обществе Ахчипсы (ныне Красная Поляна) 21 мая была завершена многолетняя Кавказская война. В памяти народа сохранилось немало воспоминаний о военных экспедициях, сражениях с царскими («московитскими») войсками, из которых можно почерпнуть материалы о своеобразных способах предотвращения войны. Вот о чем повествует абхазское предание, основанное на реальном случае:

«Во время Кавказской войны над страной Апсны нависла очередная реальная угроза вторжения царских войск. Генерал с пятитысячным отрядом стал лагерем на другой стороне приграничной реки. Представители абхазских общин собрали вече, решая, как быть. Тогда выступил Аджигрей-ипа Кучук (Адагуа-ипа Зекерия). Несмотря на его молодость (было ему двадцать пять лет) юноше дали слово и он обратился к старшим: «Я один отправлюсь через реку», на что ему дали разрешение. Взяв с собой младшего брата, он переправился верхом через реку и направился к лагерю противника. Его остановили часовые и потребовали сдать оружие.

“Неужели вы, пять тысяч солдат, боитесь нас, двоих всадников-юношей – не к лицу вам. Скажите вашему генералу, пусть разрешит оставить нам оружие.”

Им разрешили иметь при себе оружие. Когда они подъехали к месту, где на высоком сооружении, напоминающем трон, вместе с дочерью сидел генерал, Кучук (Зекерия) пустил скакуна в рысь и со всего разбега грудью коня разбил сооружение, мгновенно схватил девушку и, не дав никому опомниться, повернул обратно. Вместе со своей добычей, сопровождаемый братом, он перешел реку и вернулся к своим.

Вскоре генерал прислал посредника: «Я уйду с войском обратно при условии, что с моей дочерью ничего не случится – на всем белом свете у меня кроме нее никого нет».

После того, как парламентар ни с чем вернулся обратно, командующий всеми кавказскими войсками прислал, уже от себя, посредника с просьбой вернуть генералу дочь, обещая взамен увести войска.

Дочь генерала все это время была окружена вниманием и всеобщим почетом, она была объявлена названной сестрой, в ее честь устраивались торжественные пиры и состязания: «Ты наша сестра, поэтому ничего не бойся»,- говорили ей.

Когда посредники пришли за ней в третий раз, ее с почетом отправили обратно, дав в сопровождение трех пожилых женщин, знавших русский язык и человек пятнадцать из молодежи.

Когда они перешли границу и приблизились к генералу, дочь обратилась к нему:

“Отец мой, я никогда не встречала людей такой нравственности. Их дух, обычаи, искренность и чистота нравов настолько высоки, что даже если бы со мной что-нибудь случилось, но нашелся бы человек, рассказавший вам об их высочайшей порядочности, я не посчитала бы, что со мной что-то произошло. Все они были мне братьями и сестрами, и поэтому ты должен считать их родными. Если бы ты видел, как они относились ко мне, ты преклонил бы перед ними колени. Отец мой, последний пастух у них воспитанней нашего офицера...”

В этот год в Апсны войны не было».¹⁴

Рассказывают, что однажды в старину карачаевцы вынуждены были покинуть Карачай из-за претензий со стороны кабардинцев и уйти в Апсны – в Дал и Цабал, где главенствовали князья Маршаны. Абхазы приняли карачаевцев, затем собрались старшины и, обсудив все детали дела, отправили к кабардинцам свою депутацию, состоящую из наиболее почетных абхазов. После долгих переговоров абхазы сумели вернуть карачаевцев на места их проживания и заключить мир между ними и кабардинцами.

Примиряя кровников, в Абхазии часто использовали древний обряд молочного родства. «Нет ничего священнее молока матери»,- говорят абхазы. «Один наперсток материнского молока не смогут поднять семь мулов»,

– гласит старинная народная мудрость. Приведем в пример случай, имевший место в конце XVIII – нач. XIX в.: “Братья Джакониа убили кн. Марщана и ушли в Апсны. При посредничестве Инапха Кягуа – известного всей стране героя они нашли убежище в доме Гочуа Зафаса. Жена Зафаса усыновила убийцу – все это было сделано втайне, но в присутствии свидетелей. По следам ушедших прибыли Марщаны с единственной целью – отомстить за пролитую кровь и обратились также к Инапха Кягуа. Он выслушал их и посоветовал обратиться к Зафасу Гочуа...”

Зафас с почетом принял гостей. Через несколько дней он заявил, что если они хотят отомстить, то он, с их согласия, предлагает породниться с его семьей, тем более, что ему (Зафасу) нравится их человечность. Марщаны согласились на это предложение. Зафас сообщил своим соседям о намерении породниться с Марщанами. Было назначено время, и Зафас пригласил самых почетных людей в округе. В присутствии многочисленных односельчан был совершен обряд – тройное прикосновение губами к груди жены хозяина.

После совершения обряда жена Зафаса во всеуслышание объявила свою просьбу усыновленному Марщан. Она попросила его, если он считает ее своей матерью, исполнить ее пожелание. Усыновленный дал слово, что исполнит пожелание матери. И тогда она рассказала, что накануне прихода братьев Марщан они усыновили прикосанием к груди другого человека, их кровного врага Джакониа в присутствии свидетелей. “Теперь вы оба – братья, мои сыновья, и если кто из вас помышляет о мести, то пусть это будет сделано в присутствии народа. В противном случае – обнимитесь!” – предложила мать.

Присутствовавшие на этой церемонии односельчане одобрили предложение жены Зафаса Гочуа. Породненные же братья вынуждены были примириться. При этом Марщан заявил недавнему кровному врагу, что ему не суждено было отомстить за брата и что нашлись такие люди, как Зафас Гочуа, которые не дали пролиться крови. Отныне они останутся братьями и между ними нет кровной вражды.

Так, обычаем прикасания к груди женщины породнились вчера еще непримиримые враги”¹⁵.

Когда подобные или еще более сложные дела заканчивались миром, о людях, сумевших выступить в качестве медиаторов, в народе говорили: “Хай, рацва апсуара илоуп!” (Сколько в этом человеке абхазского (человечного))

Абхазия и Кавказ всегда стояли на перекрестке мировых цивилизаций, недаром в древности Кавказ называли “троном Богов”, “осью мира”... Но за многие тысячелетия своего бытия народы Кавказа не раз стояли и на краю пропасти. И за все это суровое время выработалась своеобразная и

неповторимая культура, общая для всех горцев Кавказа, где на одном из первых мест стоит уважение к человеку вообще. Во всех своих молитвах абхазы говорят: “Анцва дудзда Хапсуара умырдзын!” (Великий Боже, сохрани наше священное Апсуара!), читай: “Господь Бог! Помоги нам всегда и во всех обстоятельствах оставаться людьми!”

Апсуара – это нравственно-моральный и духовно-религиозный кодекс чести и чистоты абхаза и человека вообще; покуда сильно соблюдение Апсуара, абхазы несмотря на свою относительную малочисленность сохраняют свои нравы, обычаи, духовную чистоплотность и священную землю предков. Настолько была сильна вера в Апсуара, что абхаз в течение нескольких тысячелетий, несмотря на приходящие и вновь уходящие мировые религии, никогда внутренне не принимал их и всегда молил Всевышнего: “Великий, всемогущий Создатель, помоги сохранить и передать в неприкосновенности потомкам и всему народу наши веками освященные заветные и неприкосновенные места, Аныхи, сохрани нас – что может быть выше Апсуара!”

Абхазская народная мудрость гласит: “Тот, в ком сидит человечность – властелин Вселенной”. Апсуара, по понятиям абхазов, имеет божественное начало, ибо эти законы справедливости и добра начертаны Всевышним, даны свыше, и соблюдать их означает быть праведным во всех делах и помыслах. 147-летний мудрый старец из села Тамыш Ашхангери Бжания говорил по этому поводу: “Наверху небеса, внизу земля, между ними сияет своими светлыми лучами солнце. А Апсуара для абхаза объединяет и солнце, и землю, и небо, вместе взятые. Абхаз существует до тех пор, покуда в нем заложено Апсуара. Наша Родина и Апсуара сотворены вместе, они очень подходят друг другу, взаимно дополняют и выручают друг друга. Молодежь не должна этого забывать!”

Мы остановились на этом мощном духовном пласте абхазов по той причине, что именно благодаря соблюдению священного Апсуара в недалеком прошлом предотвращались войны, ссоры, кровопролития, и люди не преступали грань недозволенной черты. Здесь надо особо подчеркнуть, что у абхазов, как и у всех горцев Кавказа, культура поведения была рыцарской, ведь недаром их называли “последними рыцарями гор”. “Жажда подвигов и не умиравшая в сердце народа любовь к независимости и свободе воодушевляла адыгов в продолжительной борьбе за свое существование”, – пишет прекрасно знавший быт и нравы народов Кавказа Адиль-Гирей Кеш. Рыцарство горцев по отношению к противнику доходило до самых высоких вершин человеческого духа. Очевидцы пишут: “В течение борьбы с русскими не было примера, чтобы взятые в плен русские офицеры и солдаты были истязаемы, как гяуры... Рыцарство черкесов доходило до того, что, когда гибли в бою

прославившиеся своей храбростью командиры русских частей, горцы посылали на похороны своих представителей, в честь павших три дня сохраняли перемирие и по павшем герое устраивали у себя тризну”.

Неистребимый дух к свободе, заложенный в горах Кавказа высшими силами, отметил писатель Д.Л.Мордовцев: “Так вот, от этого Прометея и Океанид произошли абхазцы... Как потомки бога, они не терпят над собой никакой власти”. “Независимость является условием их жизни”,- пишет об абхазах немецкий поэт и ученый Ф.Боденштадт.

Весь быт, вся жизнь горцев были пронизаны воинским духом, многих очевидцев поражало, насколько схожи обычаи и поведение абхазов и черкесов с античной культурой. Приведем всего лишь одно свидетельство. Автор Селезнев, долгое время живший среди абхазов в селе Кутол в первой половине XIXв., отзывается об абхазах так: «Крепкие, античные их члены обрисовывают новых Аяксов и Ахиллесов, спросите у прохожего абхаза что-нибудь, и он, опершись руками и подбородком на дуло длинной винтовки, ответит вам с суровой важностью. Смотря на чрезвычайный стан, грозно-военное положение, приличное только самому образованному воину, и несколько не дурную чоху, бурку и изорванный башлык, вы невольно засмотритесь и переберете в памяти своей всех мифологических героев Греции, Рима и рыцарей средних веков. Приученные с младенчества к бесстрашию и ловкости, они вообще все отличные стрелки, так что горлицу убивают пулей в сердце в 100 и более шагах. Вообще абхазы добры, как природа, но коварны и злы, если речь идет о родине – обиды не простят. Способности абхазов необыкновенно быстры; почти все рассуждают здраво о таких предметах, о которых задумается и образованный».¹⁶

В силу своего менталитета, создавшегося на фоне природных условий и исторических перипетий, у горцев Кавказа выработался своеобразный характер, одной из главных черт которого является сохранение собственного достоинства и непреодолимое стремление к свободе. Рассказывают, что в прошлом веке, когда абхазов, как и других горцев Кавказа, сотнями ссылали в Сибирь за сопротивление колониальной политике, многие из них, когда до освобождения оставалось всего несколько месяцев, совершали из лагеря побег с единственной целью – побыть несколько дней на свободе, зная при этом, что за побег придется понести дополнительно еще несколько лет наказания.

Достоинство и характер горца подчеркивала его одежда. У абхазов был тост: «Да будут благословенны все те, кто носит абхазскую одежду (акумжвы – черкеску)».

После пленения Шамиля, когда война на Восточном Кавказе была закончена, все основные военные действия были перенесены на Западный

Кавказ. В этот трагический период последних годов войны за независимость народы Западного Кавказа избрали свой Парламент – это произошло 13 июня 1861г. Была учреждена аррахийская власть, т.е. власть военного командования. В Парламент (Меджлис) были избраны 15 наиболее мудрых людей, которые в случае, наиболее ответственном, обязаны были принимать решения, которым были обязаны подчиняться все. Вся страна была разделена на 12 округов, которыми управляли верховный муфтий и судья. Также в каждом округе были избраны военачальники. Каждые 100 дымов должны были выставить по 5 всадников и избрать одного старшину, который следил бы за распоряжениями меджлиса, сбором налогов и распределением податей, экономией за выморочными именьями. «Во всех случаях все эти доходы превышали расход, благодаря Богу, Великий Меджлис вольности Черкесов, управляя краем всегда соответствовал своему назначению»,¹⁷ - говорится в письме убыхских предводителей. Меджлис, ввиду военного положения ввел смертную казнь за продажу пленных и работорговлю: «Мы обязываемся подвергнуть их смертной казни или наказать их таким наказанием, которое бы равнялось смертному», говорится далее в этом документе. Меджлис обратился к генералу Евдокимову, который был известен своей кровавой политикой на Западном Кавказе:

«Между тем мы ему (ген.Евдокимову) объявили, что Черкесы в настоящее время, отыскивая средства быть вольными, довольствуются тем, чем владеют и никому никакого вреда не делают и действия их согласны с правами человечности и свою независимость они сохраняют уже 80 лет ценою крови, и что подобным народам покровительствуют великие державы и что Русский император есть великий властитель, то (он) покровительствует всегда тем, которые, подобно нам, живут в порядке, управляют собою и, не причиняя никому вреда, сохраняют свою независимость, что его величию приличествует; другими словами, он не намерен разорять нас, и что он даже многим оказал помощь, и если была до сего времени между нами какая-нибудь вражда, то это случилось собственно потому, что мы чрезвычайно слабы, а теперь желаем обратиться к Русскому правительству, которое есть самая ближайшая к нам держава и просить оставить нашу свободу в том же положении. Дай нам дорогу, отзови войска свои назад, не проливай крови, тем более, что в державе живут теперь мирно и утверждена между ними справедливость, и стараются, чтобы подобные края, как наш, достигли цивилизации».¹⁸ Вслед за этим письмом была отправлена делегация из трех избранных лиц в Тифлис, но эти переговоры не увенчались успехом.

В 1862 г. в Лондон была направлена абхазская депутация. От ее имени выступил полковник Теофил Лапинский «и предстал перед лордом Паль-

мерстоном». Вручая первому министру великой нации свою «меморию», Т.Лапинский сказал:

«Благородный лорд! Перед вами стоит депутация абхазцев: она является представительницей тех самых отчаянных кавказских горцев, которые в настоящую минуту представляют собой единственное племя, оказывающее могущественное и упорное сопротивление России, Но оно изнемогло под страшной тяжестью борьбы и продержится в таких условиях много-много еще года три, а потом неизбежно пойдет по следам других племен кавказских или двинется в Турецкую империю...

Европе необходимо в видах ослабления северного колосса и занятия чем-нибудь его армии на юге, куда с противоположной стороны заносится такой серьезный удар, поддержать доблестных абхазцев, необходимо это сделать, чтобы предупредить их бегство из родного гнезда и тем самым спасти, может быть, всех тамошних горцев... кому же, как не великой Англии, первой морской державе всего мира, принадлежит в этом случае великодушная и стратегическая инициатива?»

Лорд Пальмерстон с большим вниманием выслушал горячее слово польского энтузиаста, и... отказал в помощи. Дэвид Уркварт, сотрудник британского посольства в Стамбуле, пытавшийся оказать реальную помощь народам Кавказа, в своем письме к горцам разоблачал политику двойного стандарта Англии и Европы по отношению к сынам Кавказа:

«...Вы единственный из всех народов мира, кто узрел истинное лицо России, потому-то вы одни и противитесь ее власти. Но вы должны увидеть и истинное лицо Европы. Ваша безопасность в борьбе с Россией была гарантирована знанием ее слабостей, ваша защита от Европы будет заключаться в знании ее вероломства».¹⁹

Всем известно, как закончилась Кавказская война – в результате ее миллионы горцев были изгнаны из своей исконной родины. Кавказ, в том числе и Абхазия, стал активно колонизироваться...

Здесь мы приведем высказывание В.И.Немировича-Данченко, посетившего Западный Кавказ и Апсны в 80 годы XIX века: «Война с горцами Кавказа кончилась. Последний акт этой трагической эпопеи доиграли. Занавес был опущен... Настоящая трагедия только и началась с этого момента. Русские не могли оставить горцев в их орлиных гнездах... Мы предложили старым и непримиримым врагам идти в долины или селиться между русскими, казаками, между переселенцами, болгарам и молдованам или бросить все, что нельзя унести с собой, и убраться в Турцию. Горные соколы и коршуны, эти рыцари-хищники, наотрез отказались исполнить требование русских. И как мы были правы со своей стороны, так же правы и они. В самом деле, не идти же орлам в курятник, не сделаться же матерому гор-

ному волку домашним животным... Горцы решили умереть, защищая свои вершины».²⁰

Мы, может, много места уделили Кавказской войне, но проходят года, десятилетия, столетия, человечество идет вперед, но Кавказ по-прежнему в огне, а ведь многие нынешние механизмы военных конфликтов на Кавказе являются результатом геноцида горцев Кавказа в XIX веке.

Ниже мы хотим предложить читателю частичное описание суда у абхазов до потери ею независимости, т.е. до 1864 г., составленное абхазом: «Преступление наказывалось очень строго и безошибочно, и поэтому преступлений происходило очень мало в стране.

Апелляционные жалобы и важнейшие гражданские иски разбирали в верхней палате, где заседали важнейшие сановники под председательством владетельного князя. Все сословия отвечали пред судом имуществом и лично свободой. Существовали, как меры пресечения, заключение в крепости (отсюда «абаандаюь» – преступник, букв. «заключенный в крепость» – Р.Г.) и заковывание в цепь на разные сроки, а неисправимых преступников изгоняли из отечества.

Телесное наказание и смертная казнь не существовали... в одном случае казнь допускалась: измена наказывалась смертью; если ее совершил мужчина, то он должен был быть повешенным рукою раба, если же женщина, то она должна была быть расстреляна рукою отца, брата, мужа.

Эти дела не записывались, а происходили изустно, и решение суда никогда не изменялось. Суд никогда от своих слов и мнений не отказывался, чем мог бы потерять доброе имя в народе и доверие к себе навсегда».²¹

За тяжкие преступления смертной казни не было, и как отмечают очевидцы, «для этого разряда преступлений не было наказаний в Абхазии. Народ составил себе понятие, что власти человеческой не предоставлено судить таких преступников, что они подлежат суду Божьему и, что если кто лишит жизни такого преступника, то принимает на себя грехи его».²²

На народных сходах решались важнейшие государственные дела, как внешние, так и внутренние. Летом в 1918 г. после противостояния на реке Кодор Нестор Лакоба был схвачен грузинскими меньшевиками и сидел в тюрьме. Особенно тяжелым было положение в Кодорском участке (ныне Очамчирский район). Комиссаром участка был Гоглик Чачба, а председателем Абхазского Народного Совета Арзакан Аимхаа. Однажды они возвращались со схода абжуйцев и были приглашены в с. Тамщ. В беседе за столом, где присутствовал Симон Басариа, стали судить о том, как навести порядок в районе. С.Басариа внимательно слушал, а затем попросил слова: «Надо начальником милиции сделать человека, который пользуется большим авторитетом у народа, у которого слова не расходятся с делом. У вас в

тюрьме сидит Нестор Лакоба. Но будет лучше, если вы его отпустите и назначите начальником уездной милиции. Он единственный, кто сможет преречь преступность.»

Арзакан Аимхаа согласился с мнением С.Басариа. Через некоторое время Н.Лакоба был выпущен из заключения и приступил к исполнению обязанностей начальника милиции. Вначале он собрал материалы о преступниках, которые мешали спокойствию и нормальной жизни. Затем объявил о сходе абжуйцев. В назначенный день собралось все мужское население уезда. Несколько десятков преступников там же, при всем народе были арестованы и выставлены перед собравшимися. После чего Нестор обратился к народу:

«Народ, да сложу я свою голову взамен Вас! Вы, может, удивляетесь, что меньшевики выпустили меня, что я примирился с ними и назначен начальником милиции Кодорского уезда. Начальство вызвало меня и обратилось с просьбой: в Кодорском уезде творится беспредел, преступность захлестнула уезд. И они попросили помочь им покончить с беспределом. Я много размышлял обо всем об этом, но... давайте спросим у них самих, – сказал Нестор и указал на преступников, стоявших отдельно под конвоем. – Есть разница между грабительством и храбростью. Пусть выйдет из вашей среды человек, который как мужчина, предварительно объявив о сроке, взял банк, или кто смог проплыть в глубину моря и захватить корабль, или отобрал богатство у миллионера и раздал его нуждающимся. Пусть из вашей среды выйдет такой человек, в награду ему я дам свое оружие». – Нестор сделал паузу. Перед Моквским монастырем стояли тысячи людей, но была полная тишина, как говорят в таких случаях абхазы, «слышен был полет мухи». Несчастные вы, – снова обратился Нестор к преступникам, – кого вы грабите, свой народ, своих родичей, своих кровных, тех, кто вскормил вас материнским молоком, тех, кто в беде и в радости всегда с вами. Вы заслуживаете того, чтобы вас убрать без суда и следствия, но на сегодня мы ограничимся тем, что вас арестуют, и у вас будет время одуматься и стать на правильный путь».

Преступность в Кодорском уезде понизилась до нуля».²³

Одним из мощных выступлений против становления колхозов был знаменитый Дурипшский сход крестьян в Бзыбской Абхазии. Он проходил с 18 по 26 февраля 1931 г. Проходил очень четко и организованно, мужчины и женщины стояли отдельно. Чтобы не было доносчиков и согладатаев, народ стоял по общинам. Было запрещено являться на сход выпившим и с оружием. Когда же на народ, по приказу из Тифлиса, были двинуты войска, то впереди людей на солдат пошла мать Нестора Лакоба. Кровавое пролитие было предотвращено. Н.Лакоба все это время находился вне пределов рес-

публики. До его прихода никто не расходился. Выступив перед собравшимися с блестящей речью, он сумел убедить людей разойтись и впоследствии предотвратил репрессии и массовую высылку людей в Сибирь.

Исходя из вышесказанного, мы на основании ряда документов и исторических преданий сделали попытку частично осветить методы дипломатии горцев Кавказа в их войне с Россией.

На Кавказе столкнулись две противоположные и чуждые друг другу идеологии и культуры: рыцарская культура горцев Кавказа и имперские амбиции царской России. В жестокой войне, унесшей миллионы жизней с обеих сторон, народы Западного Кавказа были изгнаны в Оттоманскую империю.

Как на Кавказе, так и в Абхазии народная дипломатия имеет твердые и прочные основы — ее институт, корнями уходящий вглубь тысячелетий, работает и по сей день. Мы считаем, что мир еще сравнительно мало знает кавказскую цивилизацию, ее вклад в мировую культуру. А ведь без знания прошлого нет и будущего. Только через призму истории и духовного наследия, через знание и уважение наших культур мы сможем понять и полюбить друг друга. Только достойное и благородное уважение к кавказской цивилизации восстановит мир и справедливость на Кавказе, в Абхазии, в Грузии.

Будущее Кавказа – это единение кавказских народов, создание общекавказского Парламента, который сможет установить на Кавказе устойчивый мир и восстановить разрушенные мосты доверия между народами.

Библиография

1. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Сост. В.К.Гарданов. Нальчик, 1974, с.446.
2. Дж. Лонгворт. Год среди черкесов. Там же, с.551.
3. Р.Трахо. Черкесы. Мюнхен, 1956, с.6.
4. Эдмонд Спенсер. Путешествие в Черкессию. Перевод Н.Нефляшевой. Майкоп. 1994, с.50.
5. Там же, с. 51-53.
6. Там же, с. 54.
7. Там же, с. 56.
8. Р.Трахо. Черкесы. Мюнхен, 1956, с.43-45.
9. Дж. Лонгворт. Там же, с. 548.
10. Там же, с.548-549.

11. Там же, с.549.
12. Дж.Ст.Белл. Дневник пребывания в Черкессии 1837, 1838 и 1839гг. Т.П. Лондон, 1840, письмо XXXI (англ.). Перевод с англ. А.Ашуба.
13. Там же, с. 431-432.
14. Со слов Дж. Абганба. 1975. Сухум (из личного архива автора).
15. Со слов Дуги Сулеймановича Аргуна, 78 л., с. Куланьрхуа. Записал Ю.Г.Аргун. В кн.: «Среди долгожителей Абхазии», Тбилиси, 1980, с. 76-78.
16. С.Басариа. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-кале, 1923, с.72.
17. (Письмо убыхов) Английской державы находящемуся в Сухуме почтеннейшему беку. ЦГВИА СССР, ф.38, оп.7, №410, лл.34-37.
18. Там же.
19. Ал. Гарсеванов. Страницы из недавнего прошлого Абхазии. (Из истории борьбы абхазцев с русскими) «Закавказье», 1910, №90.
20. Бэрэдж Н. Изгнание черкесов. (Причины и последствия). Майкоп, 1990, с.66.
21. Там же, с. 120-121.
22. С.А. Внутреннее управление древней Абхазии. «Сухумский листок», 1912, № 196.
23. Завадский. Абхазия и Цебельда. «Юридическая газета», Сухум, 1996, №3, с.7.
24. А.Каландиа, Бесстрашный боец (из воспоминаний). «Алашара», 1970, Акуа, №3, с. 56-72.

Олег Дамения

Институт экологии горных территорий
Кабардино-Балкарского научного центра
РАН при Адыгейском Госуниверситете

Абхазо-грузинский конфликт¹: Проблемы и перспективы урегулирования

Введение

Ситуацию, сложившуюся в поствоенный период **во** взаимоотношениях Абхазии и Грузии, не так-то просто понять: чтобы адекватно объяснить ее, нужна теория, которая, выражаясь в терминах Н. Бора, должна быть «достаточно безумной». Ее (ситуацию) можно характеризовать как *стабильную неустойчивость* или же как *определенную неопределенность*, в условиях которой протиговорствующие стороны продолжают находиться *в подвешенном состоянии*, в состоянии *ни войны, ни мира*. При этом война не только не упростила ситуацию во взаимоотношениях сторон, как это можно было ожидать, но, напротив, еще более усугубила и обострила ее.

В таких отнюдь не простых условиях Абхазии и Грузии приходится решать те же задачи, что и до и во время войны. Ведь ни одной из них до сих пор силой не удалось достичь той политической цели, которую они преследовали в течение многих десятилетий: Абхазия, как известно, добивалась все это время политической независимости от Грузии, а Грузия – упразднения абхазской автономии, чтобы быть независимой от нее в своей политике. Стремление к политической взаимонезависимости привело их к войне 1992-1993 г.г., а после нее... к еще большей взаимозависимости. Правда, Абхазия, добившись победы в войне с Грузией, создала свою независимую де факто от Тбилиси государственность, но ее признание мировым сообществом во многом зависит от политической воли Грузии. Но и Грузия, потерпев поражение в ею же развязанной войне, оказалась в еще большей зависимости от Абхазии: хотя Грузия и признана мировым сообществом в границах бывшей ГССР, но распространить на всю эту территорию свою государственную власть она не может из-за нежелания Абхазии (а также Южной Осетии) быть в ее составе. Восстановление территориальной целостности Грузии в этих границах означает для Абхазии ничто иное, как потерю той независимости, за которую ей пришлось уже так много заплатить. Но и признание мировым сообществом государственной независимости Абхазии означает для Грузии потерю важного для нее в георесурсном плане региона.

При этом важно заметить, что с февраля 1992г. Абхазия и Грузия не поддерживают государственно-правовых взаимоотношений², и восстановление их как раз и является предметом переговоров. Пока же стороны достаточно самостоятельно определяют и проводят свою внутреннюю и внешнюю политику, но решать свои стратегического характера задачи (обеспечение территориальной целостности Грузии, признание независимости Абхазии и др.) независимо друг от друга не могут. При внешней государственно-правовой взаимнезависимости в геополитическом плане Абхазия и Грузия остаются в жесткой взаимозависимости. Это дает основание рассматривать складывающиеся взаимоотношения сторон как *взаимозависимую независимость*.

Эти взаимоотношения обостряются еще и тем, что текущая ситуация несет в себе два явно альтернативных сценария возможного развития событий: Грузия может вернуть Абхазию в лоно своей государственности, но может так же и потерять ее; в свою очередь, Абхазия может добиться создания своей независимой от Грузии государственности не только де факто, но и де юре, но может также оказаться в ее составе. Но нельзя не заметить, что ни один из этих сценариев, за которые стороны ведут борьбу, не может стать формой урегулирования конфликта между ними. Стало быть, взаимоприемлемую форму урегулирования следует искать за пределами этих сценариев.

Впрочем, не так уж много зависит от самих участников конфликта, по какому сценарию будет происходить урегулирование отношений между ними. Гораздо больше, на мой взгляд, зависит от того, как будет происходить формирование «нового мирового порядка» на Кавказе. Но и они не могут быть сторонними наблюдателями того, как реорганизовывается их жизненный уклад и решается судьба народов кавказского сообщества. Тем более, когда негативные последствия происходящих на Кавказе культурно-цивилизационных процессов и новых геополитических реалий достаточно хорошо осознаются даже на уровне обыденного сознания.

Коль скоро сторонам конфликта не удалось достичь преследовавшихся целей силой, им пришлось перевести решение этих задач в мирную плоскость. Намечившийся переход от культа силы к диалогу между сторонами в конфликте – факт сам по себе многозначительный и исторически весьма перспективный. Хотя из этого отнюдь не следует делать заключение, будто использование насильственных методов при решении политических задач уже исключается. Вероятность применения силы, включая и вооруженной, при урегулировании не только абхазо-грузинского конфликта пока достаточно велика. Но все же сегодня можно говорить об определенной трансформации общественного сознания в понимании самого способа полити-

ческого действия и предпочтения ненасильственных методов разрешения конфликтных проблем.

Но переговоры пока не дали ожидаемого эффекта. Более того, они зашли в тупик. Ни одна из сторон не может идти на компромисс – слишком очевидны взаимоисключаемость и стратегическая значимость преследуемых ими целей, во имя которых уже пролито так много крови. Ведь эти цели – не продукт сиюминутного настроения или каких-то еще субъективных амбиций сторон, а выстраданы ими всем ходом их исторического развития на протяжении уходящего столетия и имеют для них экзистенциальный смысл. К тому же глубокие раны, нанесенные войной, еще кровоточат. Все это не дает возможности сблизить позиции сторон, найти точки соприкосновения между ними. Тем более, когда в переговорах участвуют те же политические силы, которые еще вчера вели войну друг против друга и несут за это груз исторической ответственности. Смена правящих элит ни в Абхазии, ни в Грузии еще не состоялась. При этом на ходе переговорного процесса не могли не сказаться динамично формирующиеся конъюнктурные, корпоративные интересы правящих кругов сторон, а также действия внешних сил и факторов, связанных с происходящими на Кавказе и вокруг него культурно-цивилизационными и геополитическими процессами.

Однако же, этот тупик, образовавшийся на переговорах, вызвал гнетущую потребность в поисках путей выхода из него; еще более обострил понимание того, что только путем наращивания мирных инициатив можно поддерживать хрупкий, но пока сохраняющийся мир. Этому способствует и то, что безальтернативность идей ненасильственного абхазо-грузинского урегулирования, выстраданная противоборствующими обществами столь дорогой ценой, находит все большее понимание и поддержку в различных социальных слоях Абхазии и Грузии. Теперь все острее осознается потребность в критическом переосмыслении самого характера и механизмов взаимоотношений сторон, надобность в критическом анализе и оценке переговорного процесса, в расширении поля деятельности по урегулированию и вовлечению в него неправительственных сил, представляющих как конфликтующую, так и посредствующую стороны. Критический анализ поствоенной ситуации дает основание думать, что институционализация абхазо-грузинского диалога на неправительственном уровне может сыграть позитивную роль в процессе урегулирования. Неправительственные структуры, концентрирующие в себе интеллектуальный потенциал общества, могут не только позитивно повлиять на общественное настроение, но и раскрыть суть конфликта, высветить перспективы его урегулирования и создать научно обоснованную базу для принятия политического решения. Опыт переговорного процесса показывает, что

без скрупулезного и строгого анализа всего спектра проблем и характеристик конфликта трудно найти оптимальную взаимоприемлемую и исторически перспективную форму его полномасштабного урегулирования. Игнорирование политическим истеблишментом значимости академического подхода к урегулированию конфликта стало, на мой взгляд, одной из причин кризиса на переговорах. Хотя нельзя исключать возможности того, что этот кризис – искусственно созданное состояние, которое отвечает интересам определенных политических кругов.

Очевидно, в тех узких, конъюнктурно заданных формально-правовых рамках, в которых велись и ведутся переговоры на правительственном уровне, вряд ли возможно найти оптимальную форму урегулирования конфликта. Потому нам представляется целесообразным расширить мыслительное пространство. Но наращивание интеллектуальных усилий может привести к искусственному ускорению процесса урегулирования, что, в свою очередь, может вызвать новый виток напряжения. Однако и задержка процесса урегулирования может еще более усугубить ситуацию. Ведь стороны, особенно Абхазия, находится в состоянии, близком к военному (поствоенному, предвоенному), со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Такое состояние этих обществ может стать для них нормой жизни, что делает путь урегулирования еще более длинным и сложным. Только на базе академического подхода легче найти формы и способы решения встречающихся на пути урегулирования непростых задач.

Нить Ариадны...

Коль скоро ведущий к политическому (ненасильственному) урегулированию путь, проходит через познание конфликта, то следует хотя бы предварительно, выяснить: а каков тот самый путь, который ведет к познанию (пониманию) конфликта?

Следует изначально осмыслить само познание абхазо-грузинского конфликта, продумать сам познавательный процесс с точки зрения его логико-методологической организации, критически проанализировать используемые в нем принципы, понятийный аппарат, абстракции, исходную систему отсчета и ту теоретическую модель (схему), которую мы должны получить как результат исследования. Без всей этой предварительной работы познание будет своеобразным хаотичным плаванием, при котором мы заранее ничего не знаем о цели проводимых нами познавательных операций и ожидаемых конечных результатов. И, напротив, познание становится продуктивным, если оно с самого начала продумано, если его цель, задача, предмет, метод и условия предварительно определены.

Подчеркивать гносеологический подход к пониманию сути конфликта тем более важно, что раньше нам не приходилось заниматься изучением такого социального явления, как вооруженный этнополитический конфликт (война). Правда, проблематика абхазо-грузинских взаимоотношений изучалась и в советское время, но делалось это лишь в рамках, главным образом, исторической науки, которая к тому же была идеологически ангажирована. Тем не менее, именно исторической науке мы обязаны тем, что ей все же удалось еще тогда выразить углублявшееся расхождение национальных интересов Абхазии и Грузии, накопить определенный мыслительный материал и создать то понимание конфликта, которым мы сегодня располагаем. Это во-первых. Во-вторых, встречающаяся еще поныне даже в академических кругах чересполосица мнений в понимании проблем абхазо-грузинских взаимоотношений объясняется не только влиянием бывших идеологических установок, стереотипов мышления и др., но и слабой теоретико-познавательной базой исследований и недооценкой роли этики в науке. В-третьих, традиционная методология научного мышления, сложившаяся в советское время, не всегда дает должного познавательного эффекта. В академических кругах это уже осознается достаточно хорошо. Многие пытаются разрешить такую проблему, возникшую в постсоветской науке, посредством освоения западной методологии познания и стиля рефлексирования. Причем само освоение зачастую мыслится и происходит у нас без должного критического анализа осваиваемого мыслительного материала. Такой способ «совершенствования» методологии научного познания порой создает ситуацию, когда на познаваемый объект экстраполируется неадекватный его природе понятийный аппарат мышления, что, разумеется, искажает мысленный образ познаваемого объекта. Более того, иногда, когда уж слишком велико желание найти решение проблемы или же имитируется научный поиск нового видения ее, происходит реанимация все той же старой, но в новом словесном одеянии концепции, которая в лучшем случае может служить лишь консервированию конфликта, но не урегулированию его. Из этого вовсе не следует, будто значимость современной западной, как, впрочем, и советской, методологии научного познания можно игнорировать при изучении проблем абхазо-грузинских взаимоотношений. Отнюдь нет! Речь здесь идет о важности критического переосмысления используемой при изучении абхазо-грузинского конфликта методологии и корреляции ее с теми культурно-историческими реалиями, в контексте которых этот конфликт возник и формировался.

Уже из этого становится очевидным, что процесс полномасштабного урегулирования требует глубинного осмысления (понимания) конфликта, осмысления его на уровне понятия. Это значит следующее. Помимо выше-

перечисленных характеристик конфликта должен быть воспроизведен и мысленный образ его непосредственных участников, «актеров» (Зайдельман), как самоидентифицирующихся субъектов культурно-исторической жизни, рассмотрено их взаимодействие как явление определенного культурно-цивилизационного контекста, раскрыта система их ценностей. Решение таких теоретико-познавательных задач требует другого, более высокого уровня рефлексирования, чем эмпирический уровень познания, ставший для нас привычным, традиционным. При всей важности этого уровня на одних только фактических данных такие задачи решить трудно. Факты сами по себе мало что говорят – их можно интерпретировать в зависимости от той теоретической системы, которая при этом применяется. Более того, на таком уровне порой создается видимость обоснования той или иной отстаиваемой позиции, как это и происходит в идеологическом противостоянии конфликтующих сторон; каждая из них отстаивает свою позицию, полярную от другой, ссылаясь зачастую на одни и те же факты и остается при своем мнении. Такая полемика малопродуктивна, ибо при ней не происходит сближения позиций сторон, приближения мысли к пониманию сути предмета спора. Чтобы продвинуться в понимании сути конфликта, необходимо преодолеть узкие рамки, ограниченность эмпиризма и перейти путем восхождения к другим, более высоким интегрированным формам сознания. Потому здесь важно применение принципов и понятийного аппарата теоретического (синтетического) познания, в первую очередь, таких его отраслей, как синергетики, философии, культурологии, феноменологии и др., на базе которых открываются новые горизонты и перспективы решения задач урегулирования, новое видение осмысливаемой проблематики и можно будет реализовать предельные возможности мышления.

О критерии оценки знания

Выше уже отмечалось, что не всякое знание о конфликте может считаться искомым. В качестве такового, видимо, может рассматриваться такое знание, которое содержит в себе понимание сущности конфликта как явления определенного культурно-исторического контекста и эффективно может быть использовано в процессе урегулирования. Понимание сущности конфликта – это как раз то самое искомое знание, которое может осветить путь к урегулированию. Коль скоро это так, то само урегулирование следует рассматривать как критерий оценки знания. Но чтобы урегулирование могло выполнять такую гносеологическую функцию оно само должно быть определено (осмыслено) на уровне понятия, то есть должно быть достаточно четко и строго понято, что такое само урегулирование? Решение

такой задачи тем более важно, поскольку в содержательном плане понятие урегулирования по существу еще не осмысливалось; осмысливание его ведется, главным образом, в формальном политико-правовом отношении.

А между тем, на практике урегулирования взаимоотношений Абхазии и Грузии – это цель ведущихся между ними переговоров; для них сегодня нет более важной задачи, чем его достижение. Потому вопрос о понятии урегулирования отнюдь не праздный!

Судя по контексту ведущихся переговоров, урегулирование ассоциируется, скорее всего, с принятием на высшем уровне определенного политико-правового акта (решения), предусматривающего проведение мероприятий по поддержанию мира в регионе, восстановлению государственно-правовых взаимоотношений Абхазии и Грузии, а также ликвидации последствий войны в экономической и социальной сферах, и прежде всего, возвращение беженцев и перемещенных лиц. На уровне обыденного (массового) сознания урегулирование воспринимается еще уже: как альтернатива (отрицание) войны. Но достижение урегулирования, понимаемого таким образом и не учитывающего происходящих социокультурных процессов и основных направлений их развития в противоборствующих обществах, в регионе и, наконец, в мире, может привести к созданию заведомо конфликтотогенной социальной системы. Хотя с точки зрения текущего момента урегулирование может рассматриваться как цель, но в плане исторической перспективы развития Абхазии и Грузии оно, скорее всего, представляет собой средство, целью которого, надо полагать, является социальная стабильность, создание политико-правовых условий, эффективно способствующих динамичному и структурному развитию обоих обществ. Это значит, что урегулирование признано стать политико-правовой базой оптимально сбалансированного развития национальных интересов Абхазии и Грузии и придать этому развитию характер взаимозаинтересованности и взаимодополнительности.

При этом, видимо, не следует представлять урегулирование как некое идеальное состояние или как результат каких-то социально-политических действий, которого мы вправе ожидать сразу же после единожды принятого по нему политико-правового решения. Его следует рассматривать не как краткосрочное мероприятие, а как долгосрочное развитие социокультурных процессов. Урегулирование – это, надо полагать, длительный культурно-исторический процесс, в котором, повторяю, оптимальное балансирование национальных интересов Абхазии и Грузии должно выступать направляющей доминантой их стратегического развития. Именно сближение национальных интересов, на мой взгляд, дает сравнительно большее основание рассчитывать на успех в урегулировании.

Но как сблизить и возможно ли вообще сближение национальных интересов Абхазии и Грузии, несовместимость⁴ которых (интересов) уже дважды приводила к войне между ними в течение уходящего столетия? Для того, чтобы найти эту возможность урегулирования, следует рассматривать и конфликт, и урегулирование не в статике, а в динамике, в процессе, в контексте определенной исторической эволюции. То есть следует расширить пространственно-временной континуум, в рамках которого возникает больше возможностей и перспектив сближения национальных интересов, следовательно, и урегулирования. В этом плане несомненный интерес представляет подход С. Лакоба к урегулированию через расширение социального (исторического) пространства – через конфедерирование Кавказа⁵. Но следовало бы, на мой взгляд, расширить и временные рамки, ибо общекавказская интегративная идея не осмыслена еще должным образом и не прошла еще той жизненной (исторической) апробации, без которой говорить о ней, как о реальной силе, трудно.

Когда речь идет о совместимости – несовместимости национальных интересов Абхазии и Грузии, следует заметить, что несовместимыми они оказались в рамках единого унитарного государства. Ведь не были же эти интересы несовместимыми на протяжении веков, исключая уходящее столетие?

Выше уже отмечалось, что сближение национальных интересов враждующих обществ в принципе возможно, но оно возможно лишь в контексте их (обществ) стратегического развития. При моделировании развития наших национальных интересов чрезвычайно важен учет стратегической направленности эволюции происходящих как на Кавказе, так и в мире, в целом, социокультурных (культурно-цивилизационных) процессов и выбор соответствующей ей ценностной ориентации.

Но для того, чтобы органично вписаться в контекст общемирового культурно-цивилизационного процесса, важно осознание своих национальных интересов, понимание того, *кто мы есть на самом деле?* Такое рефлексирование тем более важно, что национальные интересы Абхазии и Грузии в контексте урегулирования еще не осмысливались. А между тем, сфера взаимодействия национальных интересов конфликтующих сторон – это, как уже отмечалось, пожалуй, тот самый путь, который открывает перспективу урегулирования. Трудности урегулирования во многом объясняются как раз тем, что мы еще не имеем четкого и ясного понимания сути наших национальных интересов, не знаем исторической динамики, пространственно-временной траектории их развития; осознаем свои национальные интересы лишь на эмоциональном уровне, но объективировать, систематизировать и выразить их на языке понятий нам еще не приходилось.

В связи с распадом СССР а также нарастанием происходящих в мире культурно-цивилизационных процессов возникла острая надобность в фундаментальном переосмыслении предельных основ нашего национального бытия, в установлении того, *что мы можем и должны делать* для поддержания своего существования и продолжения своей национальной истории? И вообще глубинное, культурно-цивилизационное самоопределение ныне, на пороге нового тысячелетия, стало глобальным явлением – оно актуально для всего человечества и, особенно, для народов постсоветского пространства и вызвано переходным характером переживаемого сегодня социального (исторического) времени. В таком быстро меняющемся мире мы можем рассчитывать на успех в решении исторических задач национального самосохранения, лишь хорошо понимая *себя и внешний мир*, в котором мы сегодня живем, осознавая, *кто мы, откуда и куда идем*, переосмысливая свою этнокультурную самость, смысл и ценность нашего национального бытия, определяя свои социальные приоритеты и ценностную ориентацию. Лишь в рамках предельного мирсамопонимания четче и строже можно осмыслить и наши национальные интересы. Пожалуй, впервые на такой фундаментальный аспект урегулирования обратил внимание Г. Нодиа⁶, но, к сожалению, он так и не ответил на поставленные им вопросы. Впрочем, его можно понять, поскольку духовный опыт Грузии, как и Абхазии, еще не выработал в себе навыки критического саморефлексирования, столь важные сегодня для культурно-цивилизационного самоопределения. Потому осознание нами своей субстанциальной сущности (самопознание, самопонимание в контексте современных реалий) оказалось для нас непростым делом.

Для нас привычнее изображать объективную реальность, в том числе и себя, в категориях этики и эстетики, чем объяснять ее в сухих и безжизненных категориях теорий познания, которая, выражаясь словами М. Бахтина, не стала еще «жанром» нашей национальной культуры. По существу наше сознание живет еще в своей собственной стихии, как бы «в себе» (Гегель) и трудно ему абстрагироваться, дистанцироваться от себя, критически рассматривать себя со стороны, с иной позиции, превращать себя в предмет своих познавательных интересов. Оно реализует себя в привычном, традиционном клише архаичных форм и норм деятельности, и ему чужды спекулятивные формы саморефлексирования.

Иначе говоря, глубинное осмысление фундаментальных проблем нашего национального бытия не стало еще для нас привычным делом. Дух наш не привык погружаться в дебри бытия и осмысливать возможные варианты и формы совершенствования своего жизнеустройства, своего культурно-исторического мира. Для него было удобным оберегать и соблюдать предписания освященного веками сложившегося мироустройства и рассматривать его как

нечто раз навсегда данное. Мы привыкли жить в готовом обществе, но преобразовывать или заново создавать его, причем в течение жизни одного поколения, как это предстоит сегодня делать, нам еще не приходилось.

Как мыслить Абхазию?

Думаю, что не приходится доказывать значимость концептуального понимания феномена Абхазии как определенной культурно-исторической реальности в урегулировании конфликта. Это достаточно очевидно. Более важным представляется здесь мысленно воспроизвести духовный (типологический) образ Абхазии как одной из сторон конфликта. Не установив предварительно, что есть Абхазия на самом деле, вряд ли возможно раскрыть, как и почему возник конфликт.

Проведение такой предварительной работы тем более важно, что в понимании феномена Абхазии существует непомерный разброс мнений и точек зрения, что служило мощным детонатором в нарастании конфликта и серьезно мешает в урегулировании его. Но все многообразие сложившихся в общественном сознании мнений и взглядов на этот счет, в конечном итоге, сводится к двум взаимоисключающим положениям: согласно одному из них, Абхазия есть часть Грузии, другому – Абхазия есть Абхазия и не является частью Грузии. Причем в подтверждение и одного, и другого положения приводится достаточное количество фактов, зачастую одних и тех же, что создает на уровне обыденного (массового) сознания видимость, будто оба они истинны. Но ведь наличная реальность, которая при этом осмысливается, одна и та же?

Как установить социокультурный (культурно-исторический) статус понятия «Абхазия»?

Деформация самого понятия Абхазия стала следствием существования Абхазии на протяжении многих лет в условиях политической зависимости, той политики, которая проводилась здесь различными метрополиями в отношении абхазского народа. Нам представляется важным и продуктивным осмысление той субстанции (культурно-исторической реальности), которая отражается и выражается в понятии Абхазия. То есть речь здесь идет о важности *феноменологического* осмысления Абхазии как явления (фрагмента) социокультурной реальности региона (Кавказа). Только такой субстанциальный подход позволяет ответить на вопрос, что есть Абхазия.

Слово «Абхазия», разумеется, может употребляться в узком смысле, как географическое название определенной территории (топоним), но, как понятие, оно – этнополитическое (социокультурное). Генетическая связь топонима и самоназвания проживающего на этой территории народа – «аб-

хазы» (этноним) достаточно очевидна, и нет надобности ее доказывать. Только следует в этой связи отметить, что на протяжении всей обозримой истории эта территория известна под названием «Абхазия» в ее различных модификациях, что означает ничто иное, как страна абхазов. Каких-либо других топонимов для обозначения этой местности в исторических анналах не встречается.⁷ Потому здесь важно попытаться раскрыть социокультурный статус рода, давшего название этой территории как естественной среды своего обитания.

Абхазы – автохтонный народ юго-западного Кавказа (восточного Причерноморья). Смена этнического состава населения и соответственно – этнической культуры на территории современной Абхазии исторической наукой не отмечается. Культура, представленная на этой территории, непрерывна во времени, гомогенна внутренне, достаточно самобытна и относительно самодостаточна. С точки зрения ее этничности эта культура, в целом, моноэтнична, выделяет себя из окружающего социального мира и осознает свою идентичность. То есть абхазы обладают развитым этнокультурным самосознанием, ни с каким другим народом себя не смешивают, даже с близкородственными адыгами, с которыми они еще недавно составляли единый во времени и пространстве западно-кавказский социокультурный мир. Абхазы не только сами рассматривают себя как отдельный *народ*, но таковым считают их и соседние народы, в том числе и грузины. Для грузин абхазы – это «Они», которые не являются структурным компонентом (субэтносом) их (грузин) этнокультурного самосознания «Мы». Самосознание грузинского народа «Мы» абхазов не включает, как, впрочем, и наоборот.

Это значит что в социокультурном плане абхазы – самоопределившаяся этническая общность, которая отождествляет себя сама с собой, осознает себя как суверенного субъекта своей культурно-исторической жизни, выделяет себя из окружающего внешнего мира и строит свои взаимоотношения с другими (соседними) народами по схеме «Мы» – «Они». Война между Абхазией и Грузией как раз и явилась наиболее рельефным показателем того, что абхазы – исторически сложившийся отдельный народ, который хорошо осознает не только свою этнокультурную идентичность, но и свои национальные интересы. То есть в процессе своей социокультурной жизни абхазы самоопределяются не через другое более крупное этническое формирование, а через самое себя.

Образование абхазского этноса – это, надо полагать, результат длительной и, несомненно, сложной исторической эволюции, которая не всегда поддается детальному описанию. Но несмотря на все сложности и эмпирическое своеобразие этого формообразующего процесса в нем все же просматриваются определенные универсальные схемы и общие закономернос-

ти. Образование любой этнической общности, как известно, может происходить путем взаимного обособления непосредственно соприкасающихся (взаимодействующих) социальных групп (общностей). Взаимное обособление социальных групп и образование этнических общностей возможны только в том случае, если каждая из них обладает собственной территорией, заселенной достаточно плотно сравнительно однородным населением. Ведь любая этническая популяция – это социальная величина, отнесенная к некоторой единице пространства. Без собственной территории и собственного имени невозможно образование этноса¹⁰. Только при наличии этих условий возникает возможность формирования и других признаков этноса как достаточно устойчивой связи и непосредственных социальных отношений между составляющими его индивидами, единого языкового, коммуникативно-информационного пространства, единой системы ценностной ориентации, мировоззрения и технологии жизнеобеспечения, его внутренней гомогенности и органической целостности и др.

Примечание

1. Под абхазо-грузинским конфликтом я подразумеваю историю сложившихся в “” веке взаимоотношений Абхазии и Грузии. Попытки совместить в рамках единого унитарного государства несовместимые национальные интересы Аб- хазии и Грузии держали их в постоянном противостоянии, очередное обострение которого вылилось в войну между ними в 1992-1993 гг.
2. В феврале 1992 г. Военный Совет Грузии отменил Конституцию Грузинской ССР 1978 г. и восстановил Конституцию Грузинской Демократической Республики 1921 г., в которой Абхазия как субъект государственно-правовых отношений не предусматривалась. В связи с прекращением существования СССР и ГССР Конституция Абхазкой АССР 1978 г. утратила свою юридическую силу, что прервало государственно-правовые взаимоотношения Абхазии и Грузии.
3. Таких теоретико-познавательных издержек не смогли избежать даже и те авторы, которые пытаются найти новое, более полное и глубокое толкование сути абхазо-грузинского конфликта. Один из них, в частности, Г. Нодиа, в своей несомненно интересной в целом статье (см. Г. Нодиа. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства. В кн. «Грузины и абхазы: путь к примирению». Моск-

ва. 1998 г.) в свете современной технологии познания дает глубокий анализ истории и теории абхазо-грузинского конфликта. Но при этом, развитие конструируемого автором теоретического построения направлено не на поиск новых путей и форм урегулирования, как это можно было ожидать, а на обоснование все той же старой пресловутой политической формулы: Абхазия в составе Грузии!

4. Многие аналитики так и понимают конфликт. В частности, Р. Зайдельман определяет его (*конфликт*) «как результат несовместимых интересов заинтересованных актеров». См. Р. Зайдельман. Теория конфликтов и мира: концепции, подходы и методы. В кн «Этнические и региональные конфликты в Евразии». Книга 3. Москва. 1997 г. стр. 22.
5. С. Лакоба К вопросу о кавказской конфедерации. Абхазия и Грузия: вместе или врозь~ В кн. «Грузины и абхазы: путь к примирению». Москва 1998 г. стр. 154-165.
- б. Г. Нодиа. Конфликт в Абхазии национальные проекты и политические обстоятельства. В кн. «Грузины и абхазы: путь к примирению». Москва. 1998 г. стр. 19-б 3.
Это важно подчеркнуть, поскольку версия, рассматривающая Абхазия как часть Грузии, не может объяснить, каким образом эта территория, если она на самом деле является частью Грузии, носит на протяжении всего этого времени некартвельское название. Уместно в этой связи вспомнить и политику огрузинивания абхазской топонимики, которая официально проводилась здесь для обоснования этой версии в течение многих десятилетий. Подобное «обоснование» теории само уже по себе свидетельствует о ее научной уязвимости.
8. В этой связи следует отметить, что в 50-ые годы XV века в грузинской историографии была выдвинута версия (П. Ингороква), согласно которой абхазы спустились в XVII-XVI вв. с гор (Северного Кавказа) и поселились на территории Абхазии, тогда являвшейся якобы западно-грузинской. Однако эта версия ничем ни фактически, ни логически не аргументировалась; она была создана, надо полагать, по заказу существовавшей тогда идеологической установки. Потому нет надобности более подробно ее здесь рассматривать. Тем более, что в настоящее время она не поддерживается в академических кругах из-за очевидной ее несостоятельности. Если мы ее здесь вспоминаем, то только потому, что определенная ностальгия по ней среди гуманитарной грузинской интеллигенции, особенно в национальном движении, в форме мифологемы все же существует.

9 Тот же П Ингорква в свое время выдвинул идею о том, что абхазы – это одно из средневековых картвельских племен (субэтносов), которое якобы перестало быть картвельским в процессе этнического смешения с северокавказскими (адыгскими) племенами С точки зрения преследуемой цели ученый, надо отдать ему должное, правильно определил тот единственный путь, по которому можно было бы обосновать тезис: «Абхазия – часть Грузии». Обосновать этот тезис возможно в том только случае, если будет доказан другой тезис о том, что абхазы являются частью грузинского этноса. Однако последний тезис не поддается научному обоснованию, потому и он не пользуется популярностью в академических трудах. Но в некоторых влиятельных структурах грузинской общественности эта идея в трансформированном виде еще жива, ибо велико их желание обосновать свои политические притязания на Абхазию. В свете новой редакции идеи производится разделение этнонима «абхазы» на абхазы и апсуйцы, из которых абхазы якобы картвелы, а апсуйцы – это собственно абхазы (некартвелы). Но и такая редакция не выдерживает никакой научной критики. Ведь если под апсуйцами подразумевать собственно современных абхазов, то кого же следует подразумевать под этнонимом «абхазы»? То есть о какой этнической (субэтнической) группе, общности идет речь при таких преобразованиях понятий? Наиболее вероятные субэтносы, которые здесь могут подразумеваться – это мегрелы и сваны Но они самоопределяются через свое субэтническое (мегрельское, сванское) или этническое (картвельское) самосознание «Мы». Других картвельских субэтнических групп (общностей) на этой территории не представлено. Найти в Абхазии новую грузинскую субэтническую группу, которая могла бы выступать под этнонимом «абхазы» в его грузинской интерпретации, решил в свое время проф. А. Бакрадзе. В начале 90-х годов, выступая на одном многотысячном грузинском митинге в Абхазии (пос Гульрипш), проф. А. Бакрадзе обратился к собравшимся, состоявшим в основном из этнических мегрелов, с неожиданной идеей о том, что «... это вы (мегрелы) абхазы!». После митинга его участники долго продолжали недоумевать, каким образом они, которые всегда воспринимали себя, осознавали свою этническую идентичность через такие этнонимы, как «мегрелы», «сваны», «грузины», вдруг могли оказаться абхазами, с которыми на протяжении не одного десятилетия находились в этнополитическом противостоянии. Впрочем, таких откровений профессор больше себе не позволял. Видимо, домашний анализ показал, что наличие грузинского элемента «х» в этнониме абхазы положение не спасает и, самое главное, усвоение абхазскими грузинами (мегрелами,

сванами) нового этнонима «абхазы» могло реанимировать по существу утраченное ими субэтническое самосознание и превратиться в серьезную помеху на пути этнической консолидации грузинского общества.

10. Важно подчеркивать эту особенность процесса образования этноса, поскольку в различных структурах грузинской общественности и в наши дни имеет широкое хождение еще одна мифологема – идея о двуаборигенности (абхазов и грузин) в Абхазии. При этом аборигенность понимается как такие социокультурные процессы, при которых на территории современной Абхазии происходило формирование абхазского и грузинского этносов. Идея об образовании двух различных этносов в одной и той же экологической нише не поддается научному обоснованию, но критически рассмотреть ее здесь все же приходится, ибо она, повторяю, широко используется, особенно, на уровне массового сознания. Если и допустить возможность образования на территории Абхазии двух различных (абхазского и грузинского) этносов, то оно (образование) могло происходить, как уже отмечалось, путем взаимного обособления их друг от друга и разделения между ними данной территории, а также установления между ними этнокультурной границы. Без установления своей территории, своей этнокультурной границы, образование отдельного, достаточно самобытного этноса (народа) просто немыслимо. Эти границы, разумеется, исторически подвижны, иногда часто и резко изменяются, но они всегда есть и служат не только обособлению, выделению этноса из окружающего внешнего мира, но и его контактам с другими народами. Этносы могут находиться в тесном контакте, поддерживать друг с другом разнообразные формы взаимоотношений, дополнять и проникать друг в друга, но они не могут делить одну и ту же этнокультурную территорию, как не могут делить и одно и то же этнокультурное самосознание «Мы».

Здесь следует сделать одно предостережение: нельзя экстраполировать некритически на этногенез абхазского народа ту демографическую картину, которая сложилась в последнее столетие. При такой этнической пестроте населения, какую мы имеем сегодня в Абхазии, вряд ли вообще возможно было бы образование абхазского этноса, формирование его самобытной культуры. В условиях длительного и совместного проживания различных этнических групп, скорее всего, мы имели бы образование какой-то другой, более крупной этнической общности на основе одной из них. Потому непонятно, каким образом абхазам и грузинам, будучи аборигенами в Абхазии и живя на протяжении ты-

сячелетий вместе на одной и той же этнокультурной территории, удалось избежать этой исторической закономерности и слияния в единый этнос? Можно допустить, что грузинскому населению в Абхазии, если оно на самом деле является здесь аборигеном, удалось сохранить себя и не раствориться в абхазском этносе, благодаря, прежде всего, наличию за пределами Абхазии достаточно крупного картвельского этноса со своей самобытной культурой и древней письменной традицией. Но непонятно, за счет какой жизненной энергии или реальной исторической силы удалось абхазскому этносу сформироваться и сохранить себя, если он на самом деле делил с кем-нибудь другим свою историческую родину и всегда составлял на ней этническое меньшинство, как в этом уверяют нас многие грузинские авторы?

О несостоятельности идей двуаборигенности в Абхазии свидетельствует и такой факт: если абхазы и грузины аборигены в Абхазии, то почему же в созданных ими культурах зашифровано так мало информации друг о друге? Скажем, об абхазском нартском эпосе грузины мало что знают, как, впрочем, и абхазы – о грузинском эпосе «Амираниани». И вообще, зачем надо было абхазскому народу создавать свой особый этнокультурный мир, если исторически абхазы всегда жили в грузинской культурной среде, которая, кстати, также могла бы удовлетворять их социальные потребности как собственно абхазская культура? Как удалось абхазам создать и по сей день сохранить свою культуру, свой язык и другие свои этнокультурные ценности, если они не имели своей собственной среды, своего социального пространства? Если абхазы на самом деле всегда жили в грузинском этнокультурном окружении, то почему *же* они не стали носителями этой культуры, тем более, что она (грузинская культура) давно обладала преимуществами письменной культуры? Кстати, почему абхазы не восприняли грузинской письменности, имевшей такую историческую традицию, а стали создавать свою собственную письменность?

Для обоснования тезиса о том, что Абхазия является частью Грузии, часто приводятся те отдельные надписи на грузинском языке, которые на самом деле встречаются в Абхазии. Но на территории Абхазии встречаются и другие надписи, скажем, на древнегреческом, латинском и др. языках, сделанные гораздо раньше, однако, на основании этого никто не стал утверждать, что Абхазия является частью Греции или Византии. Впрочем, отдельные памятники грузинской письменности встречаются за пределами собственно Грузии, скажем, в той же Греции или на Северном Кавказе и в других местах, но дает ли это основания утверждать, что эти страны и регионы являются частью Грузии?

В подтверждение этого тезиса в грузинской **общественно-политической мысли приводится немало и других фактов** и соображений. Можно было бы продолжить критический анализ этих фактов, однако это заняло бы слишком много места и к тому же такое занятие представляется малопродуктивным. Достаточно в этой связи еще раз отметить, что отдельными фактами можно создать лишь видимость объяснения отстаиваемого тезиса, но на самом деле суть проблемы так и остается нераскрытой. Потому более важным представляется подчеркнуть здесь сложившееся в грузинской **общественно-политической мысли** то понимание Абхазии, которое не может раскрыть и непротиворечиво объяснить суть абхазского феномена вообще. Ведь для грузинского самосознания, как уже отмечалось, абхазы – это «Они», не картвелы, не являются частью грузинского этноса, а Абхазия – это часть Грузии?!

Можно было бы допустить такое утверждение, но для его обоснования необходимо, в первую очередь, развести друг от друга такие основополагающие понятия абхазской культуры, как «абхазы» и «Абхазия» и доказать тезис о том, что они – разные исторические и этнокультурные понятия и несоотносимы друг с другом. То есть необходимо здесь доказать, что топоним «Абхазия» никакого отношения к этнониму «**абхьюы**» не имеет и что этот топоним относится к картвельскому этнокультурному миру и интерпретируется через него. Или же придется доказать, что оба эти понятия являются феноменами не абхазской культуры, а грузинской культуры и присвоены некартвельским племенем, как это пытался доказать П Ингороква. Но ни одна из этих задач научно не разрешима, даже наличие грузинского элемента «х» в этих понятиях положения не меняет.

Совершенно очевидно, грузинская культура формировалась и развивалась не на территории современной Абхазии, а абхазам, как отдельному этносу, приходилось создавать свой особый социокультурный мир. Единственное место, где абхазы могли формироваться и развиваться как отдельный и самобытный этнос – это территория Абхазии. Сам факт образования на этой территории абхазов как отдельного этноса свидетельствует о том, что они ее (территорию) не могли с кем-нибудь другим делить.

**Ресурсы и трудности экологической темы
в гражданской дипломатии
(на примере абхазо-грузинских поствоенных отношений)**

Экологические проблемы имеют первостепенное значение в современном мире, тем более в обществах, жестко разделенных войной. Разрешение конфликтов и их урегулирование включает в сферу обсуждения самый широкий круг вопросов и проблем, но крайне редко экологические проблемы. В большинстве случаев это связано с отсутствием позитивного опыта включения экологической темы в механизм выработки мер доверия и сближения позиций у конфликтующих сторон. При этом отчетливо просматривается серьезная проблема, которую можно определить как отсутствие знаний о взаимных представлениях об окружающей среде и традиционном ощущении значимости среды обитания. Последнее может быть существенным препятствием на пути к взаимопониманию при необходимости совместно решения экологических проблем региона.

История постконфликтных абхазо-грузинских отношений на официальном уровне не имеет прецедентов сколь либо серьезных обсуждений экологических проблем и вопросов, имеющих взаимный интерес, в то время как в рамках гражданской дипломатии на уровне NGO имеется сравнительно богатый опыт (Дбар, 1999).

Данная статья посвящена проблемам расширения ресурсной базы переговорного процесса, трудностям и основам взаимопонимания, необходимости сближения позиций сторон для совместного решения экологических проблем региона как в рамках официальной, так и гражданской дипломатии. Рассматриваются также некоторые аспекты природоохранных традиций абхазов, политического движения в Абхазии в советский период (60-е – 70-е гг.), включавшего экологические требования, дается анализ экологических последствий войны

1992-93 гг., а также обсуждаются экологические проблемы региона, требующие первоочередного рассмотрения и совместного решения до полномасштабного политического урегулирования.

Несмотря на многовековое соседство и совместное проживание в последние десятилетия у абхазов и грузин имеются существенные различия в ощущении природной среды и пространства жизни. При этом следует отметить слабую осведомленность во взаимных представлениях о среде обитания и об отношениях к ней, что может стать серьезной преградой в переговорном процессе по вопросам решения экологических проблем региона,

имеющих общее значение. Взаимное информирование о складывавшихся веками представлениях в этой сфере может обогатить дополнительными ресурсами дипломатический процесс на разных уровнях и привести к сближению позиций сторон путем поиска совместных решений в области экологии регионов, как черноморского, так и кавказского.

Природоохранные традиции абхазов можно отнести к сравнительно хорошо сохранившимся и уходящими корнями в древнейшие верования Кавказа. Еще в начале прошлого века путешественники отмечали их крайне бережное отношение к водным источникам при изобилии родников, ручьев и рек. Эти традиции сохранились в значительной степени и ныне. Так, скотные дворы и отхожие места в крестьянских хозяйствах не устраиваются на берегах рек и ручьев, чтобы не осквернять воду проточных водоемов.

Особое внимание привлекают абхазские традиции лесопользования. Для хозяйственных нужд, когда это касалось использования древесины на дрова, абхазы использовали сухостойные деревья, но когда возникла необходимость рубки в лесу живых деревьев для строительства жилья, изготовления утвари, транспортных средств и музыкальных инструментов – это обставлялось особым ритуалом. Так, лезвие топора, с которым отправлялись в лес, во что-нибудь заворачивали, чтобы не «встревожить и не напугать» деревья, а перед тем, как срубить выбранное дерево, произносили молитву.

Особым почитанием пользовались большие, старые деревья. Как и у многих народов мира, они притягивали к себе людей, и часто под сенью вековых дубов и лип принимались решения по важным вопросам жизни сельских общин. Интересно, что и сегодня традиционные праздники общины нередко проводят в священных рощах или под сенью вековых деревьев.

По сведениям Миная Медичи, относящимся к 1815-18 гг. (Меликсет-Беков, 1950), чужестранцу, чтобы обезопасить свои вещи от воров, достаточно было накрыть их зеленой веткой дерева. По его же сообщению, «... восторгаясь высотой и объемом крупных развесистых деревьев, им стали поклоняться и до такой степени оказывать божеские почести, что срубить дерево или зеленое насаждение невозможно. Этот поступок считается более тяжким преступлением, нежели человекоубийство. Потому-то они (абазы) срубают только лишь засохшие деревья».

Следует отметить, что это не было связано с большой редкостью лесов – в те времена территорию Абхазии почти на 2/3 покрывали девственные леса. Нет сомнения в том, что мы имеем дело с опосредованным пониманием высокой энергетики ландшафта Абхазии (перепад высот от 4000 м над уровнем моря до нуля, при уровнях осадков, в отдельных местах превосходящих 3000 мм в год) и особой чувствительности экосистемы, устойчивость которой в значительной мере обеспечена лесным покровом.

Абхазия представляет собой один из мировых центров многообразия плодовых культур, что является результатом особой традиции природопользования. Так, на протяжении многих столетий активно практиковалась прививка более совершенных сортов на диких плодовых деревьях (яблоне, груше, сливе, хурме и др.), растущих прямо в лесу, что создавало лесосады, простиравшиеся далеко в лес от окраин селений и создававшие огромное генетическое разнообразие переходных форм – от культурных к диким.

В литературе описан обычай, очевидно представляющий собой элемент древнейшего представления об одушевленности растений. Так, по преданию, плодородное дерево, переставшее плодоносить, не срубали, а подходили к нему с топором и замахивались на него, имитируя рубку – «пугали», надеясь, что «испугавшись», оно начнет давать плоды. Здесь отчетливо прослеживается представление об одушевленности деревьев, их способности чувствовать и переживать, что находит подтверждение в описаниях цитируемого выше Миная Медичи, который отмечает: «Они очень любят заботиться о зеленых деревьях, жгут только лишь засохшие деревья и очень страшатся больших деревьев. Считают, что деревья эти, имея душу, являются священными господними существами».

Среди деревьев абхазы выделяли особо почитаемые священные деревья, к которым относились дуб, граб, липа, лещина (лесной орех) и другие. При строительстве дома одну доску обязательно делали из граба или просто закладывали в стену дома ветку граба, дабы обезопасить жилище от удара молнии. Но в то же время, дуб, связанный со многими ритуалами присяги и клятв, было не принято сажать вблизи от дома. Считалось, что дуб, растущий во дворе, может принести несчастье – навести молнию на дом. Лесной орех использовался в ритуалах, исцеляющих людей от тяжелых болезней, а домашними животными – от эпизоотий.

Обращают на себя внимание также публикации в абхазских газетах начала XX века, в которых резко критиковались промышленные рубки ореховых деревьев и самшита (*Vixus colchica*) в Кодорском ущелье и в селах Очамчирского района.

К наиболее тщательно разработанным традициям относятся охотничьи традиции абхазов. Они строго регламентировали не только количество добываемых животных, время и место охоты, но и поведение самого охотника и членов его семьи перед охотой. Нельзя было сквернословить, разговаривать на повышенных тонах и даже вступать в разговор с охотником, идущим на охоту или собирающимся на охоту.

Обычай стоял на защите редких животных или особей, чем-либо выделяющихся среди остальных, отличающихся внешним обликом, размером, окраской или поведением.

Элементом древних охотничьих традиций, дошедших до нас в мало изменившемся виде, является охота с ястребом-перепелятником. Эта традиционная охота наиболее распространена в западных районах Абхазии. Она включает в себя целый комплекс охотничьих приемов, начиная с поимки акрида (прямокрылые насекомые семейства Acrididae), которых используют в качестве приманок для поимки сорокопута (небольшая птица семейства сорокопутовых Laniidae), служащего после особой тренировки приманкой для ястреба, кончая отловом самого ястреба-перепелятника, его приручением, охотой с ястребом на перепела и, наконец, отпуском ястреба на волю по окончании охотничьего сезона.

Среди особо почитаемых у абхазов животных, кроме лошади и кавказского леопарда, следует указать медоносную пчелу и стрекозу (дозорщик император – *Anax imperator*). С этими животными были связаны божественные культы и священные обряды, черты которых в современной жизни достаточно отчетливо проступают сквозь патину древности.

Уникальным в своем роде является практически утерянный охотничий язык, в котором коммуникация осуществлялась с помощью свиста. Язык позволял охотникам общаться в горах на расстоянии нескольких километров.

Особым образом у абхазов обставлено отношение к хрупкой экосистеме гор, в частности субальпийской и альпийской зоне, где в летние месяцы пасут скот абхазские пастухи. Жизнь в горах полна запретов, которые в своей основе направлены на экологическую безопасность человека и сохранение экосистемы гор.

К числу наиболее удивительных элементов этой системы относится смена обычного языка на «язык гор». Люди, поднимаясь в альпийскую зону, меняли имена членов пастушеской группы, слова, означающие скот, виды деревьев, трав, животных и птиц – это был особый «язык гор». Жизнь людей подчинялась в этот период правилам, наиболее отвечающим условиям гор.

К проявлениям традиционной чувствительности абхазов к природной среде можно отнести бытовавшую в старину «плату природе». Она представляла собой 1/10 часть стада мелкого рогатого скота, которую просто оставляли в лесу как своеобразную дань природе за пользование ее ресурсами. С точки зрения современных представлений об экологической системе – это безукоризненное поведение, сохраняющее экологическую пирамиду.

Очевидно, что такая чувствительность абхазов к среде своего обитания объясняет и рождение первых в бывшем Союзе ССР массовых требований о сохранении лесов и прекращении промышленных рубок в лесах Абхазии. Эти требования выдвигались на митингах наравне с политическими. В обращении многотысячного митинга к руководителям Союза ССР, подписанном 12 апреля 1967 г. говорилось: «Одним из основных богатств Абхазии являются ее леса, имеющие курортное, климатическое, оздоровительное, водо-

охранное и почвозащитное значение и отнесенные поэтому к 1-й категории, в которых запрещена промышленная рубка. На основании постановления правительства о временной, в виде исключения, рубке, вот уже 10 лет хищнически уничтожаются лесные массивы, доведя объем рубок до 500 тыс.куб.м в год при естественном приросте (древесины) 180-200 тыс.куб.м.»

В выступлениях конца 70-ых экологическая тема звучит еще острее и охватывает более широкий круг проблем охраны окружающей среды в Абхазии.

Результатом массовых выступлений абхазов стало принятие правительством решений о значительном сокращении заготовки древесины в лесах Абхазии и «...полном прекращении сброса неочищенных промышленных и хозяйственно-бытовых сточных вод в городах и других населенных пунктах...» (Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 июня 1978г. за №424).

Экологические проблемы Абхазии до сегодняшнего времени продолжают связываться в общественном сознании с грузинским влиянием. Любое обсуждение экологической темы в рамках абхазо-грузинских отношений естественно упирается в экологические последствия войны 1992-93гг. Это болезненная тема, которую невозможно обойти ни в гражданской, ни в официальной дипломатии.

Как можно видеть, экологическая тема занимает достаточно существенное место в истории грузино-абхазских отношений. Рассмотрение экологических последствий войны позволит сделать эту тему предметом открытого и конструктивного обсуждения.

Нет сомнения в том, что одной из причин современного экологического кризиса являются локальные войны в различных частях планеты. Это же можно утверждать по прошествии почти шести лет после войны в Абхазии.

Знакомясь с материалами об этой войне, ловишь себя на мысли о некоем чудовищном эксперименте, поставленном в общем-то в экологически благополучной стране с большим природно-климатическим и биологическим разнообразием. Влажные субтропики черноморского побережья сменяются на протяжении 55 километров всеми высотными зонами, вплоть до полярной пустыни альпийской зоны.

Здесь произрастает свыше 2000 видов растений, среди которых более ста видов являются эндемиками Абхазии, а более 340 обладают ареалами, не выходящими за пределы Кавказа. Ареал некоторых видов редчайших растений – например, колокольчика парадоксального в ущелье реки Бзып – не достигает и 200 квадратных метров. Бук, пихта и тис достигают здесь уникальных размеров, не встречающихся во всем Северном полушарии.

Уникален и животный мир с неповторимым набором морских, пресноводных и наземных организмов. В реках Абхазии, отличающихся особой чистотой воды, формируется основное в бассейне Черного моря стадо реликтового черноморского лосося, а на мелководной Очамчёрской банке

сохранилось основное поголовье колхидского подвида атлантического осетра – исчезающей черноморской рыбы.

Через территорию Абхазии пролегает миграционный путь птиц, один из крупных на евразийском континенте: списки орнитофауны включают 289 видов птиц.

Памятники природы Абхазии поражают воображение разнообразием и концентрацией на столь малом пространстве. Это глубочайшие и обширнейшие пещеры планеты, грандиозные водопады, гигантские вклюдзы. Здесь же течет одна из самых коротких рек на Земле – река Репруа, длиной всего в 19 метров от истока до устья, где ее ширина достигает 38 метров.

Общий годовой сток всех рек Абхазии составляет 13 кубических километров и практически в полном объеме представлен экологически чистой водой.

Рекреационные ресурсы Абхазии заметно выделяются на всем северном побережье Черного моря своей полнотой и качеством. До 1992 г. ими ежегодно пользовались свыше 1,5 миллионов отдыхающих.

Это далеко не полная картина, в которую война вписала свое безобразное лицо. Необходимо отметить и «инструмент», с помощью которого война осуществила свое жуткое действие: авиация, бронетехника, дальнобойная артиллерия, системы залпового огня, игольчатые и термические снаряды, авиабомбы весом в 250 и 500кг, мины разных систем(противопехотные, противотанковые), новейшее стрелковое оружие и т.д.

Материалы полевых оценок показывают, что основными факторами военных действий, оказавшими влияние на природную среду республики, являются: образование воронок от разрывов авиабомб, артиллерийских снарядов и мин, строительство оборонительных линий, укреплений, траншей и блиндажей, использование тяжелой техники и пр., а также образование свалок, пустошей и захламленных участков, распространенных с определенной частотой в пределах всей территории. Таким образом, на значительной территории республики сформировались нарушенные участки.

Военные действия затронули с эколого-экономической точки зрения наиболее ценную часть территории республики.

Прямому воздействию подвергалась вся природная среда: вода, почва, недра, атмосфера. На отдельные участки линии противостояния в долине реки Гумиста обрушились тысячи тонн различных боеприпасов, что привело к инверсии почвенных слоев, а тысячи деревьев погибли от осколочных повреждений, но есть и странные явления гибели внешне неповрежденных деревьев, находившихся в зоне обстрелов. Последнее, очевидно, является результатом повреждения сосудистой системы растений ударной волной взрывов. В зоне активизировались оползневые процессы и эрозия почв.

К числу негативных последствий, возникших в результате военных действий на локальных участках территории Абхазии, следует отнести:

- коренное переустройство поверхностных горизонтов почвогрунтов;
- уплотнение почв в районах воздействия транспортных средств;
- деградация естественной растительности;
- разрушение системы земледелия и нарушение агрофитоценозов;
- образование минных полей, участков с неразорвавшимися снарядами и боеприпасами;
- возникновение пустошей и захламленных территорий, а также выпадение земельных угодий из оборота на длительные сроки;
- разрушение ирригационной системы на сельскохозяйственных угодьях;
- непосредственное разрушение промышленных объектов, транспортных коммуникаций, инфраструктуры и др.

Низкочастотные звуковые волны длящейся год круглосуточной канонады, распространяющиеся в радиусе нескольких десятков километров, а в морской среде и на сотни – это существенный фактор, оказывающий прямое воздействие на животных. При этом многие крупные наземные животные уходили из зоны беспокойства.

Показательно и поведение дельфинов во время боевых действий: они покинули прибрежные воды Абхазии и вновь появились здесь спустя несколько месяцев после окончания боевых действий.

Запомнился эпизод марта 1993 г., когда стая больших белых цапель, пролетая над линией фронта на реке Гумиста, оказалась над позицией в момент обстрела гаубицами. Большие белые птицы в полном смятении разлетелись в разные стороны. Нет сомнения, что подобные стрессы – дополнительный фактор, дезориентирующий и сокращающий численность птиц в миграционный период, если учесть значительные масштабы этого фактора как во времени, так и в пространстве.

Если во время войны в Персидском заливе мигрирующие птицы несли на себе «клеймо» войны в виде нефтяных пятен на оперении и поддавались какому-то численному учету, то в данном случае определение степени воздействия этого фактора на птиц представляется делом весьма затруднительным.

Все крупные реки Абхазии, в которых формируется основное стадо черноморского лосося, в той или иной степени оказались в зоне боевых действий, и уже сегодня, по прошествии более пяти лет, когда половозрелые особи должны возвращаться в свои реки на нерест, мы обнаруживаем выпадение военного поколения этой реликтовой рыбы.

Основные боевые действия происходили на сравнительно узкой приморской полосе, где сосредоточена самая большая часть эндемиков третич-

ной флоры. Пицундская реликтовая сосновая роща – этот уникальный природный комплекс, состоящий из редчайших растений – оказалась в зоне строительства фортификационных сооружений. Бесценной сосновой роще нанесены серьезные раны.

Другой серьезный экологический фактор, оставленный войной и обладающий пролонгированным действием на природу и человека – это сотни тысяч мин. Их численность, по различным оценкам, составляет от 120 до 160 тысяч единиц, и были они установлены на линии фронтов общей протяженностью более 110 км. Решением проблемы разминирования занята международная гуманитарная организация THE HALO TRUST, но многие участки, особенно в горных районах, весьма трудны для разминирования, и оно требует много времени. Пластиковые противопехотные мины трудно обнаруживать, и это проблема на десятилетия. Уже сегодня можно предсказывать гулкое эхо войны в будущих временах – они будут и впредь калечить и убивать людей, и «поля смерти» будут представлять собой вынужденные заказники, где смерть будет поджидать всякое животное крупнее крысы.

Воздействие военных средств – это и спрессованные в коротком промежутке времени сотни и тысячи техногенных катастроф, когда снаряды и бомбы разрушают нефтехранилища, промышленные объекты, склады пестицидов и сельскохозяйственных удобрений, которые смываются осадками в море.

В условиях войны, конечно, трудно вести какие-либо методичные экологические исследования, и все же в 1993 г. были зарегистрированы факты массовой гибели моллюсков и водорослей на двухкилометровом отрезке прибрежной зоны моря. Наблюдения 1998 г. показали, что процесс восстановления сообщества донных организмов в этих местах протекает медленно, так как циклы смен сообществ для установления равновесия требуют значительного времени – иногда десятилетий.

Очистные сооружения г.Сухума с многоступенчатой системой очистки сточных вод оказались на линии фронта и разрушены настолько, что восстановлению не подлежат. Их надо отстраивать вновь. В настоящее время принята временная схема сброса сточных вод по сохранившемуся глубоководному сбросу на глубину 90 м в 1800 м от берега с самой простейшей механической очисткой. Сегодня это может обеспечить минимальную экологическую безопасность, но расширение производства и увеличение объемов сброса сточных вод недопустимо без полного восстановления очистных сооружений.

Вывод очень прозрачен: в бассейне Черного моря живет 160 млн людей, и любая, даже небольшая война в промышленно-развитом регионе может оказаться для Черного моря последней точкой в естественной истории его обитателей. При этом с ресурсами моря связаны миллионы людей черноморского региона, и сохранение моря – это общая забота каждого народа и каждого человека, живущего на берегу Черного моря. Нет сомнения,

что это центральный, приоритетный вопрос в абхазо-грузинских отношениях в области экологии.

Война всегда ассоциируется с пожарами. Огромное число пожаров действительно сопровождают любую войну, выбрасывая в небо копоть, которая не просто рассеивается на обширных пространствах – в данном случае она аккумулируется на снежниках и ледниках Большого Кавказа. Если учесть также сажу от многочисленных пожаров на нефтяных скважинах, нефтехранилищах и нефтеперегонных заводах Чечни, а ведь многие из них горят уже по нескольку лет, то с большой долей достоверности можно прогнозировать изменение теплового режима вечных снегов Большого Кавказа в сторону усиления таяния, за счет принятия ими большего количества солнечного тепла. Подобное изменение гидрологического режима в альпийской зоне, характеризующейся самым ярко выраженным эндемизмом, может повлечь за собой сокращение биологического разнообразия. Проблема столь серьезна, что требует сложения усилий всех заинтересованных сторон на Кавказе для изучения и принятия согласованных экологических программ.

Экологические гримасы войны носят порой неожиданный характер. Так, в ущелье реки Гумисты до августа 1992 г. проводился научный эксперимент по акклиматизации обезьян. Ученые наблюдали и подкармливали стадо павианов численностью свыше 300 особей в междуречье Западной и Восточной Гумисты. Во время войны эти места оказались в зоне активных боевых действий. Обезьян не удалось эвакуировать.

Предоставленные самим себе, они выжили, научились обходить минные поля, добывать корм без помощи человека и спасать своих детенышей от пневмонии в климатических условиях, существенно отличных от их африканской саванны. При этом они стали крайне осторожны и разбились на небольшие семейные группы, контролирующиеся участки в наименее посещаемых районах ущелья, а непрошенных гостей забрасывают камнями с высоких обрывов, скрываясь в густых зарослях рододендрона. Сегодня это самая северная в мире свободно живущая популяция приматов.

При всей сложности взаимоотношений человека с природой она всегда остаётся в числе основных ценностей этого мира. Помимо безопасности, базовой потребностью общества является достаточное количество ресурсов для нормального жизнеобеспечения и ощущения перспектив развития. Война в Абхазии поглотила тысячи жизней, десятки тысяч людей получили увечья, сотни тысяч покинули обжитые места, а послевоенная экономическая блокада произвела серьезные перемещения ресурсов по шкале доступности, а следовательно, и ценности. Рекреационные ресурсы с инфраструктурой курортов и субтропическое сельское хозяйство в постконфликтных и блокадных условиях оказались в значительной степени выведены из экономической сферы.

Хозяйственная деятельность в этих условиях приобретает особый характер. Использование природных ресурсов не носит крупномасштабного и комплексного характера, а напротив – объемы вовлечения природных ресурсов в хозяйственную деятельность значительно сокращаются. Наибольший пресс испытывают легкодоступные ресурсы, при использовании которых предпочтение отдается упрощенным технологиям. Закрепление этих процессов в устойчивую тенденцию – одна из наиболее серьезных угроз экологической безопасности всем постконфликтным регионам. Очевидно, чтобы избежать этой опасности, как и многих других, необходимо активное и широкое международное сотрудничество в области экологии.

Следует особо отметить, что на фоне послевоенных проблем уже отчетливо просматриваются экологические конфликты будущего между Грузией и Абхазией – это «рыбные войны». Неоднократно фиксировалось нарушение грузинскими рыбодобывающими судами запретной для промысла Очамчирской банки, где формируются основные стада ценных промысловых рыб северо-восточного района Черного моря, а также редких и исчезающих видов (колхидского осетра и черноморского лосося). Продукты моря составляют важную статью экономики обеих республик, и поэтому вопрос не может оставаться неопределенным столь долгое время.

К вопросам, требующим первоочередного совместного решения, относится подготовка соглашения по охране редких и исчезающих видов мигрирующих животных. Опыт абхазо-грузинских послевоенных отношений показывает, что в настоящее время это возможно только в рамках гражданской дипломатии, и к этому следует приступить как можно скорей.

Основными трудностями в этом деле остаются вопросы финансирования, так как в Абхазии поддерживаются большей частью малые экологические проекты – до \$ 2000, а для эффективных мер в этой сфере необходимо реализовать средние и крупные – от 20 до 100 тыс. долларов США.

Накопленный опыт позволяет также использовать симметричные, параллельные и комплексные модели (модель «прозрачных рамок») имплементации экологических проектов (Дбар, 1999).

Из числа приоритетных направлений следует указать на проекты по сохранению морских организмов, находящихся под угрозой полного исчезновения. К ним в первую очередь относятся колхидский осетр и черноморский лосось, а также ряд перелетных птиц, связанных с водной средой.

Соглашение по охране этих видов или совместный проект по сохранению редких и исчезающих видов могли бы послужить основой для разработки соглашения по охране и использованию промысловых видов рыб и экологического мониторинга загрязнения вод Черного моря при активном посредничестве Черноморской экологической программы (BSEP).

Паата Закареишвили

Кавказский институт мира, демократии и развития

Успехи и проблемы неформальной дипломатии в общем процессе разрешения грузино-абхазского конфликта

Прошло более семи лет с момента завершения активных боевых действий в Абхазии, но абхазская проблема до сих пор остается самой острой из нерешенных проблем для грузинских политиков. Семь лет переговоров не принесли никаких ощутимых успехов. Вооруженное противостояние переросло в затяжной политический кризис, и никто не может с достаточной вероятностью сказать, когда и каким образом в Абхазии будет достигнут справедливый мир. Вот уже несколько десятилетий грузино-абхазские отношения нельзя назвать дружественными. Грузинские политики всячески игнорировали стремление Абхазии к самоопределению. Абхазия, в свою очередь, была настроена на объединение с Россией или на достижение независимости от Грузии. Несмотря на то, что создававшаяся тупиковая ситуация никоим образом не устраивает ни одну из сторон конфликта, ни одна из них не пытается признать собственную долю ответственности и всячески старается переложить ее на противоположную или на третью сторону. И ни на каком уровне практически не затрагивается тема ответственности самих сторон – участниц конфликта. Однако ситуация не статична – два общества, сперва разделенные отчуждением, а затем и войной, развиваются независимо друг от друга. В процессе этого развития ценности гражданского общества становятся в них намного более приоритетными, чем это можно было представить после завершения войны. Люди с демократическим мировоззрением все больше начинают занимать в своих обществах ключевые позиции. И утверждать здесь мнение, что самый надежный для обеих сторон способ справедливого разрешения конфликта – это построение гражданского общества путем максимальной мобилизации местных независимых мироутверждающих сил. Важную роль в этом процессе должны сыграть международные межправительственные и неправительственные организации. Вряд ли без нажима международного сообщества грузинские или абхазские власти станут поощрять развитие независимых и эффективных организаций. Влиятельные силы как внутри региона, так и извне не заинтересованы в преждевременном, с их точки зрения, формировании на местах основ гражданского общества, поскольку реализация его ценностей приведет к необратимому процессу ослабления неограниченного влияния “партии войны” на умы населения.

Неправительственные организации

Одной из самых эффективных форм, которая может способствовать становлению гражданского общества, является создание и развитие сети неправительственных организаций (НПО). Эти организации, в отличие от политических, не стремятся попасть в органы управления, что на данном этапе очень важно. Соответственно, интересы тех сил, которые контролируют управленческий аппарат и бюрократию, на них не распространяются, они не составляют им конкуренцию.

НПО не представляют политическое руководство, и с ними легче найти общий язык тем, кто не хочет или не может общаться непосредственно с правительственными структурами. Как раз в этом плане у НПО неочаговый край работы.

НПО также имеют достаточный моральный авторитет для эффективной пропаганды новых идей. Через них возрастают возможности влияния как на правительственные, так и на межправительственные и международные организации. Они пользуются все более и более устойчивым признанием международных организаций, в частности ООН и ОБСЕ.

Лучший пример тому – поступательный, практически уже необратимый процесс регулярных встреч между грузинскими и абхазскими НПО. После таких встреч среди грузинского и абхазского населения усиливается мнение о возможности и необходимости диалога.

Первые встречи состоялись уже в 1996 году. Их общий дух – быть вне политики. Их участники признали, что несмотря на решения, которые примут политики, грузинский и абхазский народы обречены жить по соседству, и, соответственно, надо стремиться сохранить последние мосты доверия между ними. Увы, такой дух общения все еще неприемлем на правительственном уровне, где решаются политические вопросы. Вопреки этому встречи между НПО происходят регулярно, ибо конфликт рано или поздно обязательно сойдет на нет, и почва для примирения сторон должна быть хорошо к такому исходу подготовлена.

С 1996 года как формат, так и характер встреч существенно изменились. Некоторые встречи прошли даже в тех регионах Европы, где раньше перманентно шли войны. Участники встреч воочию могли убедиться, насколько высока цена мира.

Важным достижением последних встреч можно считать то, что разрешение конфликта было непосредственно привязано к проблеме защиты основных прав и свобод человека. Именно такой подход и должна иметь каждая неправительственная организация, занимающаяся конфликтами. Иначе они не смогут повлиять на общественное сознание в сторону повышения

гражданской ответственности. Главной задачей НПО, работающих в области разрешения конфликтов, стало перераспределение ориентиров с политических ценностей на правовые и гражданские.

Общие встречи открыли путь другим встречам, преимущественно по группам интересов. Состоялись встречи журналистов, старейшин, политологов и т.д. После серии общих встреч стало ясно, что тематически несквозные и единичные встречи исчерпали свои возможности. Для роста эффективности дальнейшей работы стало необходимо планировать и поддерживать долгосрочные и сквозные проекты, которые могли бы сделать сотрудничество между НПО сторон долговременными. В этом контексте новой ступенью во взаимоотношениях между грузинскими и абхазскими НПО стала серия встреч, которые по инициативе и при организации Калифорнийского университета (г. Ирвайн) регулярно проводятся два раза в год, начиная с сентября 1997 года. На этих встречах в диалоге между сторонами были достигнуты качественно новые формы взаимоотношений. Все совместные проекты, о реализации которых договорились стороны, имеют долгосрочный характер. Среди них:

- регулярные социологические исследования;
- исследования экологов по реабилитации черноморского побережья;
- издание совместного бюллетеня, а потом уже и сборника, где будет рассказываться о ходе диалога между грузинскими и абхазскими НПО и о наблюдениях за влиянием на общество достижений этого диалога.

“Образ врага”

Наиболее важным результатом таких встреч стало разрушение “образа врага”. Я хорошо помню реакцию общественности на наши первые встречи с представителями абхазских НПО: на нас вешали разные ярлыки, требовали привлечь к ответственности. В прессе публиковались заявления против нашей деятельности. А теперь те же люди, кто это делал, вынуждены считаться с нами и стремиться к нам для сотрудничества. Явно на глазах растет количество тех людей, которые признаются, что не видят больше в абхазах врагов. Регулярная и положительная информация о продолжающемся диалоге между некими грузинами и абхазами приносят свои плоды. После каждой такой встречи (устроенной нами или кем-то еще) телевидение и пресса проявляют большой интерес к их итогам. По общенациональному телевидению уже состоялись две прямые передачи в форме «ток шоу»

и четыре телепередачи такого же формата на других каналах. Эти передачи (так же, как и газетные статьи, количество которых значительно превышает количество телевизионных передач) дали толчок развитию общественного мнения в Грузии. Наши встречи даже подверглись серьезной критике со стороны представителей т.н. “партии войны”. По нашему мнению, такая критика – хороший признак: значит, наша работа столь успешна, что наши недруги не могут сдержать свои отрицательные эмоции. По инициативе тех, кто участвует в неформальном диалоге с представителями абхазской общественности, развернулась публичная дискуссия с теми, кто не верит в мирный способ разрешения конфликта. Я считаю, что такие дискуссии являются лучшим средством показать абхазскому обществу, что в Грузии идет серьезное обсуждение: какой мы видим Абхазию в создавшейся новой ситуации. До сих пор в Сухуми, так же, как и в Тбилиси, в основном поступает односторонняя информация в виде агрессивных заявлений, что вызывает у населения раздражение и внутреннюю мобилизацию против пока еще сильного образа врага. Думаю, что записи наших телепередач и наша пресса, которые попадают в Абхазию, убедительно демонстрируют, что беспокоит грузинское общество и насколько серьезно идет там дискуссия по проблемам Абхазии.

История

Эти публичные дискуссии вывели на первый план роль истории в грузино-абхазском конфликте. Для меня и, к счастью, для значительной части молодого поколения, которое заинтересовано в справедливом и достойном решении конфликта, исторические аргументы в контексте разбирательства итогов войны совершенно неприемлемы. Это надо серьезно обсудить – как в нашем обществе, так и в абхазском. На наших дискуссиях мы должны договориться о том, так ли уж важно и необходимо нам вести беседы об истории, ибо не существует науки более субъективной и тенденциозной, чем история. Любой исторический факт, в зависимости от политической конъюнктуры, можно оценивать то как положительное явление, то как отрицательное. Примеров тому в мировой историографии великое множество. История полезна там, где она способствует развитию общества. Как только из за разного толкования исторических фактов в обществе наступает стагнация, то от истории, как от ненадежного союзника, сразу надо отказаться. Дискуссия показала, что в Грузии все больше и больше людей, связанных с абхазской проблемой, считают, что история вообще должна быть изъята из грузино-абхазского политического диалога. Место историков в институтах, и они так же не должны заниматься политикой, как политики не должны

заниматься поисками аргументов в прошлом. Грузинские участники неформальных встреч осознали, что нельзя направлять внимание общественности только на прошлое. Невозможно управлять сегодняшним, современным государством из прошлого. Это для нас важно. Это проблема не только для Абхазии. Это огромная проблема для Грузии. Значительно важнее и интереснее для абхазской общественности должно быть то, как видят в Грузии будущее безопасное и основанное на справедливости общее государство.

Общество в конфликте

К сожалению, грузинская политика в отношении Абхазии пока никак не может измениться в сторону признания ответственности за сложившуюся тупиковую ситуацию.

Нежелание признаться в своей ошибке является самым опасным симптомом того, что Грузия еще не готова разобраться, почему стала возможной война с частью своего населения и, соответственно, не готова на сегодняшний день достичь справедливого и достойного мира с абхазским народом. Возможно не всегда, но в большинстве случаев к истинному успеху ведет осознанный и основательный анализ причин поражения. Если судить по настроению грузинской общественности, Грузия считается побежденной стороной и вроде бы соответственно переживает такое унижительное состояние. Однако ничто не говорит о том, что наша общество старается углубиться в причины поражения и делает из создавшейся ситуации выводы. Наоборот, создается впечатление, что находиться в униженном состоянии даже выгодно. Ни у кого не хватает мужества заявить, что наше общество ориентированно не на успех – похоже, нас устраивает быть жертвой, чтоб нас жалели и решали вместо нас наши проблемы. Это явный признак инфантилизма. С момента поражения в войне уже ничего не предпринимаем по собственной инициативе: всю ответственность мы переложили на международные организации и на третьи страны. Ни горечь поражения, ни осмысленное, публичное обсуждение того, что с нами произошло в Абхазии, не стали предметом обсуждения ни творческой интеллигенции, ни общества в целом. Интеллигенция, которая призвана аккумулировать в себе все проблемы общества, анализировать их и предлагать возможные пути выхода из кризиса, молчит. Решение всех проблем общества взяли на себя только политики. Это – нездоровая тенденция: общественно значимые процессы, как правило, протекают без активного участия населения. Если у общества нет потребности контролировать политиков, то от их грубых ошибок и даже преступлений никто не застрахован. Получается, что у наших граждан еще не сформировалась потребность самим углубляться в свои пробле-

мы и брать на себя ответственность за причины, тормозящие развитие общества. К сожалению, представители интеллигенции обеих сторон усердно стараются не вспоминать о тех ценностях, которые объединяли наши два народа. Поэтому именно сейчас нужна активная позиция той части грузинской общественности, которая культивирует в Грузии новое общественное, т.е. гражданское, мышление. Тем более, что именно грузинская общественность в лице ее интеллигенции еще до начала боевых действий в Абхазии поощряла недальновидную, безответственную и антигосударственную политику властей, игнорировавших требование абхазского народа о предоставлении особых прав для защиты и реализации своей самобытности. Это в итоге привело к нагнетанию страстей – вплоть до роковой развязки.

«Чужим обедом гостей потчевать не убыточно»

На фоне определенного успеха неформальных отношений наметилась интересная, но немного странная тенденция со стороны официальных структур. Представители власти, видя, что миротворческий процесс неправительственного сектора успешно развивается без них, решили этим процессом управлять. Это одна из опасных тенденций, которая в случае нарастания может погубить полезное начинание.

Поскольку политики никак не могут сдвинуть с мертвой точки замороженный конфликт, то теперь они пытаются присвоить пока еще незначительные успехи НПО. В феврале 2000г. в Австрии состоялась очередная неформальная встреча представителей грузинской и абхазской общественности. Это встреча чуть было не сорвалась только потому, что грузинские власти захотели волевым способом включить в состав грузинской группы своего представителя. Ни к идее этой встречи, ни к ее финансовой стороне, ни к организационной грузинское правительство отношения не имело, но все же попыталось грубо вмешаться в работу встречи. В тот раз встречу удалось спасти согласованными действиями ее участников. И перед этой мартовской встречей грузинских и абхазских НПО в Москве, на которую мы привезли сборник, который вы держите в руках, тоже чувствовалось желание властных структур повлиять на ход нашего диалога. (взять ситуацию под контроль).

Без сомнения, участники процесса стремятся сотрудничать с заинтересованными правительственными органами, но как равные партнеры, а не как сателлиты. К сожалению, единственный интерес, который мы чувствуем от правительства – это попытка воспользоваться нашими каналами для пропаганды и влияния на позиции оппонентов и международных организаций. А участники наших встреч вовсе не хотят уступать достигнутые – пусть минимальные – успехи тем, кто на своем уровне имеет доступ к более эф-

фактивному формату диалога, но не желая преодолеть собственные комплексы и заблуждения, надолго заморозили прогресс в политических переговорах.

Доверие

Еще один важный результат деятельности неправительственного сектора — это восстановление гражданского доверия. По нашему мнению, самая главная причина, которая привела в 1992 г. к вооруженному конфликту, — это отсутствие гражданского доверия между обществами, несколько десятилетий не скрывавшими взаимного отчуждения. Отсутствие доверия, в свою очередь, было обусловлено отсутствием диалога между грузинским и абхазским обществами. Диалог, и то в зародышевом состоянии, шел только между знакомыми: между родственниками, сотрудниками или соседями. В такой форме диалог не мог иметь никакого успеха, так как знакомые или близкие друг другу люди предпочитают не обострять разговор и тем самым не ранить друг друга. Люди этих категорий обычно щадят друг друга и оставляют недосказанными и недорешенными возникающие проблемы. Между незнакомыми, но заинтересованными представителями обоих обществ никакого диалога не было. Если и были контакты, то только с целью подавить другую сторону своими аргументами и убедить ее в своей правоте, но никогда не было попыток выслушать оппонента. На послевоенных встречах НПО была поставлена иная цель: всячески помогать восстановлению доверия между нашими народами путем публичного и искреннего обсуждения всех проблем, которые, по нашему мнению, мешают справедливому разрешению конфликта. В теперешнем диалоге в основном участвуют те люди, которые до войны не были знакомы друг с другом, но они являются профессиональными политологами, конфликтологами, философами, психологами, социологами, журналистами, историками. Именно такой подход дал неожиданно положительный эффект. Профессионалы легче и яснее объясняются друг с другом и умеют слушать оппонента, чем случайные люди, которые могут объясняться только через эмоции.

Участники встреч ясно понимают, что окончательное разрешение конфликта — дело политиков, однако как до, так и после решения политических вопросов остается огромное количество проблем, которые может осилить только развитое и умеющее защитить себя гражданское общество. Поэтому мы уверены, что результаты наших встреч не исчезнут, а лягут в основу новых общественных отношений, которые будут исходить из гражданских ценностей.

Вопрос о земле и другие проблемы абхазо-грузинского урегулирования

Оценка процесса грузино-абхазского урегулирования является одним из немногих вопросов, по которым мнения грузинской и абхазской сторон практически совпадают. Участники конфликта единодушны в признании отсутствия прогресса. Нет признаков того, что позиции двух сторон сближаются. Грузия по-прежнему требует присоединения Абхазии для восстановления территориальной целостности и скорейшего возвращения всех беженцев. Абхазия по-прежнему настаивает на независимости и отказывается срочно принимать всех беженцев, соизмеря возможные уступки в этом вопросе с опасностью восстановления демографического дисбаланса. В данном случае официальные позиции сторон вполне отражают и настроения, царящие в двух обществах. Очевидно, что формулы урегулирования, предлагаемые обеими сторонами, абсолютно исключают друг друга, не оставляя пространства для продуктивных политических дискуссий. Длительность сохранения подобных непримиримых позиций может свидетельствовать лишь о том, что политическое урегулирование не стало жизненной необходимостью для обеих сторон. Скорее, не возникло достаточного понимания этой необходимости ни у политиков, ни у широких слоев общественности.

Таким образом, продолжают оставаться нерешенными две основные проблемы, на которые оба общества смотрят с диаметрально противоположных точек зрения. Проблема беженцев и проблема территории. Две важнейшие ценности — земля и люди, в данном случае беженцы, задают условия задачи, в которой нет взаимоприемлемого ответа. Надежда же на решение может родиться только тогда, когда каждая из сторон сможет определить, с одной стороны — главную ценность, а с другой — область возможных корректировок и хотя бы частичного пересмотра первоначальных позиций.

Попытаемся именно в таком ракурсе рассмотреть абхазскую и, по возможности, грузинскую точки зрения. Здесь будет представлен не строгий анализ политических позиций, а размышления, в которых под стороной конфликта понимается не определенное общество или политическая элита, а некие обобщенные субъекты абхазо-грузинского конфликта, объемлющие и то, и другое.

Если обратиться к двум составляющим абхазской позиции, то можно выделить две основные цели. Так, за стремлением добиться признания собственного независимого государства стоит цель утвердить таким образом неотъемлемое и неоспариваемое право народа Абхазии на владение абхазской землей. А за оттягиванием и препятствиями возвращению беженцев стоит желание снизить угрозу ассимиляции, закрепив на длительный срок сложившуюся после войны демографическую ситуацию, более благоприятную для сохранения малочисленного народа. Как нам представляется, первая цель, с абхазской точки зрения, является первостепенной, на фоне которой возвращение беженцев все же выглядит вторичной проблемой. Может быть поэтому в абхазском обществе стали появляться признаки того, что к данному вопросу начинают относиться менее эмоционально. Появилась способность по крайней мере расчленять проблему на различные аспекты и видеть в ее решении интерес не только Грузии, но, отчасти, и Абхазии. Поэтому неудивительно, что в данном вопросе абхазская позиция все же претерпевает некоторые изменения в сторону большей гибкости. Говоря о реальных переменах, прежде всего нужно было бы упомянуть о принятых абхазской стороной обязательствах по возвращению беженцев. Важнейшей в этом ряду является инициатива Президента Абхазии в одностороннем порядке с 1 марта 1999 года начать возвращение беженцев Гальского района. К этим признакам изменений, мы, конечно, не относим некоторые официальные документы, которые подписывала абхазская сторона еще, например, в апреле 1994г.

В то время общество воспринимало соответствующие пункты либо с большой настороженностью, либо абсолютно спокойно, полностью объясняя данное соглашение необходимостью вести тактическую игру. Понятно, что изложенное на бумаге очень часто не воплощается в жизнь, но важны сами попытки определить условия возвращения беженцев вместо абсолютного отказа обсуждать проблему, что гораздо больше соответствовало бы общепринятому послевоенному мнению. Однако данная инициатива Президента существенно изменила ситуацию в Гальском районе. Граница по Ингуру практически открыта для гальцев. В этом приграничном регионе обстановка, к сожалению, продолжает оставаться очень сложной. Информация о террористических актах поступает оттуда практически каждую неделю. С другой стороны, у абхазских властей порой нет ни сил, ни политической воли, а иногда, может быть, и уверенности в необходимости налаживания нормальной жизни в этом районе. Однако сама по себе возможность для гальцев возвращаться через абхазо-грузинскую границу в Абха-

зию, несмотря на частое обострение обстановки, приучает абхазское население вырабатывать более трезвое отношение к самой проблеме. И второе важное обстоятельство, о котором необходимо упомянуть – это то, что вопрос о возвращении той части беженцев, которая не была причастна к военным действиям на территории Абхазии, не является запретной темой и обсуждается в абхазском обществе, смягчая абсолютно радикальную послевоенную нетерпимость.

Таким образом, налицо некоторые изменения, и такой сложный вопрос, как возвращение беженцев не остается нетронутой глыбой. Теперь абхазское общество воспринимает эту проблему не столь монолитно. Так, от нее откололся вопрос Гальского района, который считается уже внутренней проблемой, поэтому возникло и понимание того, что ее решение – в интересах самой Абхазии. Интересно отметить и то, что цифры, отражающие поток возвращающихся жителей этого района намеренно, а иногда и ненамеренно преувеличиваются. Этот факт, может быть, больше, чем другие, свидетельствует об изменении установки в обществе по отношению к этому процессу, о более широком понимании интересов Абхазии. В этом изменении отражается и большая озабоченность внутренним положением дел. Общество стало отходить от послевоенного убеждения в том, что только после признания Абхазии, когда решится политический вопрос, можно будет начать приводить в порядок внутреннюю жизнь. Возникает надежда, что побеждает понимание того, что люди не перестают жить и в периоды неразрешенных политических конфликтов, они обязательно вступают в различные взаимоотношения, в том числе и межнациональные. Необходимо продумать, апробировать и отработать демократические механизмы внутреннего устройства, которые должны охватывать все категории населения, включая, несомненно, и жителей приграничного Гальского района. На наш взгляд, сам по себе Гальский регион таит в себе неиспользованные до сих пор ресурсы урегулирования и примирения. Однако проблема Гальского района несомненно требует отдельного глубокого осмысления как с точки зрения внутренних интересов Абхазии, так и с точки зрения политического урегулирования грузино-абхазского конфликта. Понятно, что и сегодня абхазское общество едино в требовании приступить к решению проблемы беженцев – не гальцев только после достижения полномасштабного политического урегулирования. И это естественно, во-первых, потому что жители Абхазии опасаются, что нерешенность основного политического вопроса будет вновь провоцировать конфликты, и, во-вторых, из-за непредсказуемых последствий резкого изменения демографической ситуации. Но мы как раз и хотели подчеркнуть, что несмотря на все опасения, которые остаются в силе, в абхазском обществе все же происходит некоторый отход от первоначаль-

ной категоричности, а это уже означает, что период страстей меняется на время, в котором найдется место более взвешенному подходу к решению сложных проблем.

Возвращаясь к нашей сегодняшней теме, можно предположить, что грузинская сторона вряд ли согласится с тем, что отношение абхазов к проблеме беженцев существенно меняется. Однако в данном случае, пожалуй, только взгляд изнутри может определить, есть ли внутреннее продвижение, созвучное целям мирного урегулирования затяжного и жестокого конфликта.

Проблема беженцев чрезвычайно сложна и, говоря о ней, конечно, необходимо было бы обсудить и проанализировать многие ее аспекты – в первую очередь это вопросы безопасности, жилищного и финансового обеспечения, социальные проблемы, проблемы гражданства, языка, соблюдения прав человека и многое, многое другое. Однако в данном контексте нам представляется более важным подробнее остановиться на второй, а по значимости для абхазской стороны – на первой проблеме, вызывающей непримиримые столкновения сторон. Это – проблема абхазской земли.

Знакомясь с программными заявлениями многочисленных политических партий Грузии, невольно отмечаешь, что почти во всех документах первым пунктом, отражающим цели партии, значится абхазский вопрос, решение которого видится в восстановлении территориальной целостности Грузии, т.е. введении Абхазии вместе с ее территорией под юрисдикцию грузинского правительства. Для абхазского восприятия этот вопрос чрезвычайно тягостен. В этой связи нам представляется необходимым подробнее остановиться на некоторых культурных и чисто психологических особенностях, связанных с отношением к вопросу о земле. Очень часто незаслуженное пренебрежение к этим, казалось бы, излишним тонкостям приводит к серьезному недопониманию самых болезненных моментов в восприятии сторонами спорных вопросов, а это существенно тормозит продвижение мирного процесса.

Итак, что может означать эта формулировка – восстановление территориальной целостности Грузии? Только то, что, с грузинской точки зрения, Грузия имеет законное право на абхазскую территорию, а территория Абхазии – это лишь часть территории Грузии. Говоря иначе, абхазская земля – это грузинская земля, или еще четче: земля абхазов – это земля грузин. И вот, все ведущие партии и политики да и все грузинское общество в целом, видят острейшую необходимость в восстановлении прав, которые были нарушены независимостью де-факто Абхазии. Как могут относиться к подобной постановке вопроса абхазы?

Известно, что многие абхазские родовые сообщества веками, а возможно и тысячелетия, живут в одних и тех же местностях. И даже внутри

деревень все жители знают, что такие-то холмы, например, принадлежат представителям такого-то абхазского рода, которые их и обрабатывают, а эта долина – другому роду, представители которого также возделывают ее сотни лет. В свою очередь, территория всего села принадлежала определенной сельской общине – эшерцам, кутольцам, например, а группы сел – субэтнической общности, например, абжуйцам, бзыбцам и т.д., а вся Абхазия – соответственно народу Абхазии. Грузинская точка зрения еще как-то может примириться с первой частью этой последовательности, но завершающее заключение по-грузински звучит совершенно иначе: «а вся земля Абхазии принадлежит Грузии». Получается какая-то логическая прерванность. Действительно, трудно воспринять такую логику. Отношение к земле, как и оперирование соответствующими понятиями, – чрезвычайно деликатный вопрос. Неуважение права на собственную землю неизбежно приводит к серьезным народным возмущениям. Вспомним события 1866 года, когда русское царское правительство, проводя земельную реформу с целью получения широкого колониционного фонда, фактически проигнорировало тот факт, что в Абхазии не было крепостничества, и земля традиционно являлась собственностью крестьян. Подобная грубая политика спровоцировала значительное в масштабах не только Абхазии, но и всего Кавказа восстание, повлекшее за собой тяжелые последствия. Возмущение вызвало уже само объявление о том, что правительство отдает абхазским крестьянам землю, в то время, когда она им собственно и принадлежала испокон веков. И дело было не только в том, что собственную землю предлагалось выкупать. Оскорбительным было то, что в ходе данной реформы русские власти не хотели признавать неотъемлемое и веками существовавшее право абхазских крестьян на собственную землю. Если восстание было ответом на предложение приобрести землю, то можно себе представить, какой была бы реакция на попытку лишить абхазов права на их землю.

В известной книге Л.Д.Мачавариани «Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу» есть такие слова: «Любили ли абхазцы свою землю, свою родину? Да, они любили, коли многие из них при переселении в Турцию брали в мешки горсть родной земли, чтобы с ней лечь в могилу на чужой земле». Другой видный просветитель Абхазии начала века Петр Чарая также отмечал особое чувство родной земли у абхазов. «О, боже, не дай исчезнуть Апсны» – вот слово о Родине и первая молитва абхазца», – писал он. Известный художник Александр Шервашидзе, говоря о традициях воспитания, подчеркивал, что «в душевный мир детей прежде всего вливался культ Родины». На самом деле, ощущение своей принадлежности этой земле и земли народу – одно из базовых ощущений абхаза. Сам горский закон гостеприимства фактически является обратной стороной чувств и самоощу-

щения хозяина земли. Не будучи хозяином, как сможет человек принимать гостя? Обычай гостеприимства называют первым в ряду других кавказских горских обычаев, настолько он является ведущим и смыслообразующим для поведения, для всей культуры – абхазской и других горских народов. В фольклорных традициях абхазов можно найти много свидетельств, подтверждающих особенную значимость чувства хозяина. Но, пожалуй, одним из наиболее ярких примеров является абхазская легенда, пересказанная известным писателем Михаилом Лакрба в новелле «Гость». Пафос этого повествования состоит в том, что хозяин, выполняя священный долг гостеприимства, скрывает в своем доме от преследователей убийцу своего сына. Высокая оценка поведения хозяина в этой драме, как и сам факт чрезвычайной популярности в народе этого сюжета говорят о том, что прощение, так необходимое для каждого процесса примирения, вполне может быть принято народом, у которого будет восстановлено чувство полноправного хозяина на своей земле.

Когда обсуждается возможность сосуществования абхазов и грузин в общем государстве, естественно задать вопрос: как себе представляют политики путь к подобному решению? Тем или иным насильственным способом обеспечить наконец восстановление территориальной целостности Грузии и таким образом вынудить абхазов принять форму общего государства как уже свершившийся факт? Однако путь принуждения, пусть с самыми благими намерениями, в Абхазии, как впрочем и на всем Кавказе, никогда к добру не приводит. Каждое решение должно быть принято только с полным осознанием свободы выбора. Любой шаг со стороны Абхазии в направлении урегулирования невозможен без чувства уверенности в будущем своей земли. Должны быть развеяны сомнения в вопросе о признании неотъемлемых прав абхазского народа на землю. Таким образом, по нашему глубокому убеждению, минуя акт признания принадлежности земли Абхазии народу Абхазии достичь мирного решения конфликта невозможно. Только в этом случае абхазская сторона, руководствуясь интересами своего народа, сможет принять важное решение, определяющее будущую судьбу своей страны – оставаться ли независимым государством, объединяться ли с другим государством, создавать ли новое общее государство, войдя в него со своей территорией, входить ли под чей-либо протекторат и т.п.? Если же вопрос о территориальной целостности Грузии по-прежнему будет ставиться во главу угла без признания того, что право на владение территорией Абхазии принадлежит прежде всего народу, ее населяющему, мы никогда так и не приблизимся к мирному урегулированию.

Помимо указанных выше двух основных вопросов (земли и беженцев), встающих на пути грузино-абхазского урегулирования, есть еще одна спе-

цифическая проблема, сдерживающая миротворческий процесс. Для абхазского общества – это проблема равенства. К сожалению, противостояние, конфликт, война стали теми условиями, в которых неравенство несмотря на различие в силе, сглаживается. Если обратить внимание на то, как называют Абхазию во всех международных документах, легко заметить, что практически не употребляются такие слова, как «государство», «республика», «страна». Но не назвать Абхазию стороной конфликта просто невозможно – всем хорошо известно словосочетание «две стороны конфликта» – вот где появляется равенство. Т.о., исключительно в контексте конфликта Абхазия стоит как бы на одной доске с противником. В этом смысле сложилась некая негативная традиция или представление о том, что пока абхазы, как и другие малые народы, воюют, восстают, сопротивляются – их самостоятельность трудно игнорировать, они как бы заслуживают право на признание национальной особенности, их воспринимают гораздо уважительнее и серьезней, чем в мирное время. Может сложиться впечатление, что мирные периоды, напротив, не создают условий для развития абхазской национальной идеи, не вполне способствуют национальным интересам. С подобным отношением очень тяжело бороться, и урегулированию конфликта, на наш взгляд, эта бессознательная установка очень мешает. Многие абхазы перестали доверять миру. Мир – это обман, мир – это время, когда противник накапливает силы, мир – это передышка – вот довольно распространенные представления среди абхазов, многие из которых уже и самих себя лучше воспринимают и осознают в ситуации противостояния.

К сожалению, с этой же проблемой неравенства связано и представление грузин о том, что абхазо-грузинский конфликт исключительно спровоцирован третьей силой, что требования абхазов – лишь отзвук российских интересов. Есть и отличные от этих взглядов представления о том, что стремление абхазов к независимости является реакцией на грузинский национализм. Эти, казалось бы, далекие друг от друга позиции сходятся в одном: абхазы слишком малы, чтобы иметь внутренние мотивы достижения независимости. Несомненно, что определенную роль играют и интересы России, и грузинский национализм, однако устремления абхазов главным образом продиктованы собственными, а не отраженными интересами. Когда после Кавказской войны Абхазия практически опустела, между Россией и Грузией, несмотря на то, что последняя входила в состав империи, возникли споры по поводу того, кто будет заселять абхазские земли, кто и с какой стороны будет заниматься строительством железной дороги и т.п., Абхазию в расчет не брали, настолько она была обескровлена, что стала похожа на умирающего человека, который уже не в состоянии распорядиться своим наследством. Важно было только определить – какой из соседей имеет больше

прав, а вернее, сил. Но случилось так, что либо большой ожил, либо подросли законные наследники и сами захотели распоряжаться своим добром. И вот этот собственный абхазский интерес осуществлять самостоятельный контроль над территорией Абхазии и над всеми своими ресурсами по инерции с трудом воспринимается или вовсе не понимается грузинской стороной.

Что же касается самого устремления абхазов к независимости, то при современном устройстве мира было бы удивительно, если бы такие устремления не возникли. Ведь весь современный политический мир организован по признаку признанности. Политическое признание явилось неким структурообразующим элементом. Каждая ячейка мирового сообщества – признанное государство. И все основные права распределены между ними. Не говоря уже о политике, трудно назвать область, в которой не отразилось бы преимущество народов признанных государств над остальными – от филателии до спорта, от музыкальных конкурсов до научных конференций. Даже в серьезные экологические программы приглашают только ученых признанных государств, предпочитая иметь белые пятна в зоне непризнанности, чем нарушать священный политический принцип. Международный Комитет Красного Креста проводит в Абхазии кампанию по просвещению в области международного гуманитарного права. Понимая, что в зоне конфликта всегда есть вероятность возобновления военных действий, убеждая абхазов в том, что они должны соблюдать международное гуманитарное право, никто, тем не менее не может обойти упомянутые выше правила, и дать Абхазии возможность подписать Конвенцию. Получается, что все признают возможность участия Абхазии в войне, но при этом не дают ей возможности взять на себя обязательства воевать по правилам. Это означает, что даже стремление уберечь от риска здоровье и жизнь гражданского населения не является достаточным основанием для того, чтобы обойти ограничения, связанные с проблемой непризнанности. Та же картина и в движении, запрещающем противопехотные мины. У Абхазии нет права подписать соответствующие документы и официально отказаться от использования мин. Ситуация, на наш взгляд, абсурдная. И когда мир устроен подобным образом, наверное вполне естественно, что народ, сохранивший свою национальную идентичность, стремится также попасть в ячейку, что гарантировало бы нормальную и справедливую в правовом отношении жизнь.

Завершая это пространное отступление от основной темы, хотелось бы обратить внимание на то, что подобный порядок все же можно было бы изменить. Нам представляется, что члены ООН не допускают народы непризнанных государств к участию в международных кампаниях, поскольку опасаются, что у них таким образом возникнет иллюзия признанности. В

таком случае можно было бы специально оговорить, что подобная деятельность ни к каким политическим последствиям не ведет. Кстати, эта тема представляет собой достаточно широкое поле для действия народной дипломатии, усилиями которой можно было бы по крайней мере снизить остроту противостояния народов признанных и непризнанных стран, если способствовать смягчению жестких правил.

Возвращаясь к основной теме, приходится повторять, что, к сожалению, урегулирование грузино-абхазского конфликта не является тривиальной задачей. Простого ответа здесь нет. И на пути к взаимоприемлемому решению каждой стороне придется заново пройти сложный процесс узнавания друг друга уже на ином, более глубоком уровне. При этом необходимо не просто назвать и описать устремления и опасения каждой из сторон, определить болезненные моменты во взаимоотношениях. Нужно терпеливо пытаться достичь истинного понимания не только позиций друг друга, но и мотивов, стоящих в их основе, и особенностей национального восприятия многих вызывающих споры проблем. Нужно быть готовыми к тому, что некоторую информацию обеим сторонам будет очень трудно принять. Конечно, легче было бы просто выждать и дать времени самому залечить раны. Но в том-то и дело, что когда войной раскалываются два народа и как переломленные кости заживают стихийно, минуя болезненный процесс поиска того единственного положения, в котором в обеих сломанных частях не остается боли, вряд ли можно будет добиться того, чтобы оба общества стали, наконец, здоровыми. И в этом чрезвычайно важном процессе заживления большую роль должны сыграть усилия тех, кто серьезно занимается народной дипломатией.

Литература

1. Дзидзария Г.А. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми, 1955
2. Михаил Лакербай. Аламыс. Абхазские новеллы. Москва, 1961
3. Мачавариани К.Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913
4. Радиоинтервью Президента РА В.Г.Ардзинба. Информационный выпуск Апсныпресс, № 4, от 11 января 1999 г.
5. Указ о создании правительственной комиссии по Гальскому району. Информационный выпуск Апсныпресс, № 9, от 20 января 1999 г.
6. Чарая П.Г. Материалы из архива Ш.Д.Инал-Ипа

В чем видит грузинская народная дипломатия причины грузино-абхазского конфликта

Для разрешения любого конфликта сначала следует разобраться в причинах его возникновения, без чего невозможно найти выход из конфликтной ситуации. Это важно особенно тогда, когда конфликт имеет этническую подоплеку, где у сторон есть своя «непрегрешимая правда», берущая свое начало еще задолго до развязывания конфликта. Такая «абсолютизация своей правды» является сильнейшим фактором, препятствующим сторонам начать конструктивный диалог, достичь компромисса и, наконец, найти путь выхода из тупика. В этом плане большое значение придается выяснению того, как видятся причины конфликта участникам народной дипломатии, людям, фактически являющимися мостом, через который должно строиться доверие между враждующими сторонами. Только после установления доверия можно надеяться, что стороны смогут изыскать возможности для справедливого разрешения конфликта.

Цель нашего исследования заключалась в выяснении точки зрения участников процесса народной дипломатии с грузинской стороны относительно причин грузино-абхазского конфликта, где, по их мнению, заложены его корни и повлиял ли на их взгляды ход переговоров, т.е. насколько они восприимчивы к иной точке зрения.

Изучение указанных вопросов велось методом углубленного интервьюирования участников. Метод углубленного интервьюирования является качественным методом в социологии. Он опирается на модель открытых вопросов. Респондентам задается серия вопросов, на которые они могут ответить свободно, не ограничиваясь ничем. В зависимости от ответов им задаются дополнительные вопросы.

Настоящее интервью включало следующие блок-вопросы:

В чем видят участники:

- корни данного конфликта;
- причины вооруженного конфликта;
- изменилось ли их понимание причин конфликта после участия в переговорах;
- какое разрешение конфликта приемлемо для них.

Интервьюировались десять участников процесса народной дипломатии. Респондентов выбирали по следующим критериям: все респонденты являются участниками разных инициатив по народной дипломатии; все они принимали участие во встречах с абхазами более чем одного раза; все являются членами разных NGO; все имеют высшее образование.

- В чем видят участники корни грузино-абхазского конфликта.

Большинство респондентов считает, что корни указанного конфликта надо искать еще в XIX веке. Именно тогда начался процесс отчуждения между абхазами и грузинами. Респонденты называют две причины, положившие начало этому процессу.

Первой причиной они называют изменение демографического баланса. В результате насильственного переселения царским режимом большинства этнически абхазского населения в Турцию абхазы остались в меньшинстве, а освобожденное пространство стали занимать грузины, что вызвало недовольство и страх ассимиляции среди абхазов. Хотя такое насильственное переселение абхазов в Турцию, известное как «махаджирство», было делом, рук России, и оно сопровождалось плановым переселением славян, а также армян и греков, в Абхазию в этот период заметно возросло грузинское население, которое, проживая в аналогичных географических условиях, естественно, легче адаптировалось к природной среде Абхазии. И так как именно увеличение грузинского населения оказалось результатом столь трагического явления, вина за это была перенесена на грузинский народ.

По мнению большинства респондентов, в сознании абхазов именно это положило начало созданию «образа врага» в лице грузин.

Страх ассимиляции, теперь уже насильственной, усилился у абхазов, когда в сталинское время определенное количество грузин было организованно переселено в Абхазию и грузинский язык навязывался абхазам. К тому же, в то время Абхазию понизили в статусе. Это все приписывалось тому, что Сталин и Берия были грузинами и ими двигали интересы Грузии (что, на взгляд респондентов, весьма сомнительно). Соответственно отношение абхазов к ним переходило на весь грузинский народ (хотя такая политика не была беспрецедентной в бывшем Советском союзе, считают респонденты). За этот период «образ врага» в лице грузин усилился.

Как думают респонденты, грузины, со своей стороны, были недовольны тем, что в Абхазии абхазам присвоен статус т.н. «титულიной нации» и им предоставлены особые права. А этим ущемляются права большинства. К

тому же грузины считают, что нигде в СССР столь малочисленному этносу не была предоставлена такая широкая автономия, как абхазам.

В грузинском массовом сознании большинство предков сегодняшних абхазов – это спустившиеся с гор племена, заселившие территорию Абхазии, где до этого жили более близкие к грузинам по происхождению настоящие абхазы.

По мнению большинства респондентов, у каждого из этих народов (грузин и абхазов) сформировалась своя историческая память друг о друге и взаимоотношениях, своя национальная мифология, которая в таком виде, как она есть сегодня, начала складываться еще в XIX-XX веках. Абхазы считают, что грузины – завоеватели, захватившие их землю. Для них совершенно неприемлемо то, что грузины считают Абхазию своей землей. Грузины считают Абхазию не только своей землей, но и землей абхазов, так как у них (у абхазов) нет другой родины, хотя полагают, что прав у них больше, чем у абхазов.

Обе стороны имеют свою «правду», и эта правда взаимоисключаема. Она мифологизирована и поэтому далека от реальности. «Если стороны начнут мыслить прагматично, выход найдется. Иначе обе стороны многое потеряют. Правда, очень сложно убедить людей, что их видение прошлого и будущего ни что иное, как мифы, реальность же совсем другая. Однако понять то, что можно сохранить мифы, уделить им в нашем сознании и сердце определенное место, уважать их, но вместе с тем, увидеть, что реальность, нравиться нам это или нет, существует, возможно. А пока что обе стороны сильно мифологизированы и заняты тем, чтобы доказать «свою правду», и стараются оправдать свои планы этими мифами. Эта дорога не сможет привести к диалогу» – цитата из интервью.

Второй причиной отчужденности большинство респондентов называет отчуждение грузинской и абхазской культур. До завоевания Россией Кавказа абхазы и грузины культурально были близки. Не имея своей письменности, языком культуры абхазов был грузинский, грузинский был «элитарным языком», т.е. это был язык абхазской аристократии, что способствовало близости абхазской и грузинской аристократии и их прогрузинской ориентации. Кстати, как отмечают многие респонденты, их истребление во время репрессий 30-ых годов (что опять таки, по мнению респондентов, почему-то приписывается грузинам, хотя они в большей степени пострадали в этот период) заметно способствовало отчуждению грузинских и абхазских народов.

После установления царского режима языком культуры для абхазов стал русский. Русский язык стал также средством общения с другими этносами, проживающими в Абхазии, а также средством общения с разными северо-

кавказскими этносами, к которым абхазы тяготеют из-за этнического родства с ними. С этого времени культурная ориентация абхазов принимает русский вектор.

По мнению некоторых респондентов, есть еще один фактор, оказавший влияние на отчуждение этих двух народов. До царизма в православных церквях Абхазии языком богослужения был грузинский. После прихода русских грузинский был заменен русским. Так что и эта нить тоже была оборвана.

Постепенное становление абхазского побережья элитарным курортом для всего Союза, считают они, окончательно вытеснило нужду в грузинском языке, а там, где нет этнического родства, язык играет большую роль в сближении или отчуждении народов.

Таким образом, как считают большинство респондентов, страх абхазов за свое этническое самосохранение и отчужденность культур постепенно отделили эти два народа друг от друга, и каждый из них вооружался своей мифологией о взаимоотношениях друг с другом и об истории. Именно эти два момента принимаются ими за те глубинные пласты, которые оказались достаточно плодоносными для созревания конфликтов при помощи других факторов.

Респонденты особо выделяют роль России. По их мнению, с момента распространения своей власти на Кавказе Россия, проводя там, и не только там, определенную национальную политику, руководствовалась принципом «разделяй и властвуй». Российская империя – как царская, так и советская, не только поощряла абхазский национализм, но и предпринимала определенные шаги, чтобы усугубить культурное размежевание грузин и абхазов (напр. преднамеренное создание абхазской письменности на основе кириллицы). Достаточно вдохновляющими были поощрения некоторыми российскими историками и политическими фигурами сепаратистских настроений абхазов, а также уверенность абхазов в помощи России в случае вооруженного конфликта.

Но роли русского фактора разными респондентами отводится разное значение. Часть из них считает, что российский фактор – фактор второстепенный. «Россия ничего не добилась бы, не будь достаточно серьезной почвы для конфликта. Невозможно что-либо спровоцировать на ровном месте» – говорит один из респондентов. «Но спровоцировать грузин дело очень легкое», – сказал он. Респонденты, которые не придают русскому фактору первостепенного значения, считают, что за последствия провокации ответственность за теми, кто поддается ей, в данном случае за грузинами. «Россия по всей стране проводила свою политику, но не везде она сумела посеять такую вражду, не везде это закончилось кровавым конфликтом, напри-

мер, в Прибалтике. Там она тоже старалась натравить друг на друга прибалтийцев и русскоязычное население, но ничего из этого не получилось» – цитата из интервью.

Другая часть респондентов, а их меньше, считает, что Россия сыграла решающую роль и в разжигании вражды, и в развязывании кровавого конфликта. «Постоянное перекраивание границ, изменение политического статуса народов, иерархизация народов, их переселение и заселение в другие места и был российской политикой, направленной на разжигание вражды между народами». Все это является «минами», которые Россия успешно использовала в своих интересах после распада СССР.

- В чем видят участники причины вооруженного конфликта.

Все респонденты приводят три причины, приведшие предвоенное противостояние абхазов и грузин непосредственно к войне.

Первая это ввод войск грузинским правительством в Абхазию. Все, без исключения, респонденты считают это крупнейшей ошибкой, несмотря на то, какова была реальная цель такого действия – обеспечение безопасности передвижения грузов и вообще транспортных магистралей, что реально было большой проблемой для Грузии, или установление реального контроля над Абхазией со стороны центра.

Если вспомнить тогдашнюю нестабильную ситуацию в Грузии, когда было непонятно, кто и что контролирует правительство и кто несет ответственность за важные политические и другие решения, когда грузинской армии как таковой не существовало, потому что нельзя считать за армию добровольцев и неформальные вооруженные формирования, нетрудно было предвидеть, во что все это выльется, считают респонденты.

Второй причиной большинство респондентов называет провокационные действия Ардзинбы. Они считают, что Ардзинба и другие решили использовать шанс, который им давала описанная выше политическая ситуация в Грузии, когда политическая система была очень слабой, фактически развалившейся. К провокационным действиям Ардзинбы и абхазской радикальной политической группировки вообще респонденты относят провозглашение отделения Абхазии от Грузии и насильственное смещение с должностей лиц грузинской национальности абхазами. Ардзинба и другие не могли не понимать, что это они придавали элементы легитимности военным действиям со стороны Грузии, фактически провоцировали с грузинской стороны военные усилия. Они думают, что Ардзинбу очень даже устраивала война.

Третьей причиной респонденты считают русский фактор. Они считают, что, с одной стороны, Абхазия является и всегда являлась для России сильнейшим рычагом для давления на Грузию, особенно в то время, когда

для России становилось ясно, что она уже не удерживает бывшие республики в сфере своего влияния и, с другой стороны, война однозначно входила в интересы определенных политических групп России, связанных экономическими интересами с военными группировками. Как известно, на войне делаются большие деньги. Таким образом, Россия «одновременно старалась поймать двух зайцев» – как сказал один из респондентов.

А причинами накалывания противостояния, на фоне которого непосредственные причины военного конфликта оказались столь «продуктивными», почти все респонденты считают вспышку националистических настроений среди абхазов и грузин, которые у обоих приняли «шовинистический» оттенок, непримиримость интересов этнических политических элит и неспособность посткоммунистического общества вести диалог.

Во время гласности националистические настроения стали усиливаться во всем СССР, и, как правило, принимали радикальный характер. В то время лидером грузинского национального движения был З.Гамсахурдия, который, будучи человеком радикальным и неуравновешенным, весьма часто разыгрывал этническую карту в своих политических целях.

Естественно, что это способствовало зарождению страха за свое выживание и росту напряженности среди национальных меньшинств. Этим страхом умело воспользовались определенные политические круги Абхазии во главе с Ардзинбой, считают респонденты. Объявленная в 1989 г. в селе Лыхны воля абхазского народа об отделении Грузии и присоединении к России вызвало в Абхазии сильное противостояние среди грузин и абхазов и привело к кровопролитию.

Респонденты думают, что разжиганию этого противостояния сильно способствовала непримиримость экономических и политических интересов этнических политических элит в Абхазии, что, по мнению некоторых респондентов, имеет решающее значение в разжигании конфликта. «К тому времени уже было ясно, что наступает переход на рыночную экономику, и поэтому приватизация в Абхазии, к чему уже шло дело, принимала важное значение. В дальнейшем это определило бы там политическое и экономическое положение грузин и абхазов» – цитата из интервью.

Все эти факторы или причины, которые привели к сильнейшему противостоянию абхазов и грузин и которых оказалось достаточно много, оказались непреодолимыми для обоих этносов ввиду того, что, как считают респонденты, постсоветское общество не способно вести диалог.

«В Тбилиси тоже было столкновение между двумя противостоящими сторонами, хотя не было этнического различия между ними. Они тоже не могли найти общий язык, диалог не состоялся, потому что у постсоветского общества нет культуры диалога. Такое же случилось во многих местах быв-

шего СССР, противостояние переросло в кровавый конфликт. То же самое произошло и в Абхазии. Там никогда не велся реальный диалог между сторонами. Ни грузины, ни абхазы для этого ничего не сделали. К тому же, они совершенно не интересовались мнением других этносов, проживающих в Абхазии, а их было не так уж мало... Менталитет советского человека таков, что надо найти врага, взрастить его, а потом уничтожить. Это в нас очень сильно сидит и мешает диалогу».

- Изменилось ли понимание участниками причин конфликта после участия в переговорах.

В этом все респонденты, кроме одного, были единодушны.

«Конечно изменилось. Узнал много такого, чего раньше не знал, и из далекого прошлого и о недавних событиях тоже».

«Узнал много такого из истории грузинского и абхазского народов, чего раньше не знал, или знал, но по другому».

«Я не могу все, что узнаю, сразу принять за правду, но я потом все обязательно уточняю. После этого иногда мое мнение меняется, а иногда нет, но в принципе, конечно, изменилось».

«Для меня изменилось то, что я понял, что не русские с нами воевали руками абхазов, а абхазы, и им помогали русские».

Один респондент сказал, что у него скорее изменилось эмоциональное понимание конфликта, чем интеллектуальное.

Следует отметить, что не удалось более конкретно выяснить, что именно изменилось у респондентов в понимании конфликта. На наш взгляд, это не столь уж важно, важно то, что у них появилось ощущение того, что восприятие ими конфликта изменилось в ходе переговоров.

- Какое решение конфликта приемлемо для них.

Кроме двух, все респонденты говорят, что любая форма федерации приемлема для них. Главное, говорят они, чтобы юрисдикция Грузии восстановилась на территории Абхазии.

По их мнению, судьбу Абхазии, в первую очередь, должны решить все народы, проживающие на территории Абхазии. Для них будет приемлемо любое решение, принятое ими.

«Будущее Абхазии, ее правовой политической статус не имеет права решать только абхазский этнос. В первую очередь, переговоры должны проводиться между теми, кто жил там. Ардзинба, Надареишвили и Шеварднадзе не должны решать это без их непосредственного участия. Надо найти какую-то форму, чтобы это стало возможно».

«Только население Абхазии может решать, как оно видит будущее Абхазии. Под этим я подразумеваю всех, кто там жил до конфликта. Иначе для меня абсолютно непонятно, о каком решении конфликта может идти речь, пока все изгнанное из Абхазии население не будет возвращено в родные места».

Из остальных двух один говорит, что он поддержит любое решение, какое примет грузинский народ, вплоть до отделения Абхазии, если грузинский народ решит, что готов к этому, и это не оставит в нем комплекса неполноценности. В том случае, если это окажется непреодолимым для грузин, тогда он не примет такое решение конфликта. «Но лично мне бы хотелось, чтобы Грузия осмыслила, что значит для нее Абхазия. Стоит ли ради Абхазии отказаться от многого чего, стоит ли ради нее ввязываться в войну»- говорит он.

Мнение другого респондента таково, что если нестабильная ситуация в Абхазии будет мешать развитию Грузии, тогда он может принять отделение Абхазии, так как «больше предпочитает маленькую, но стабильную и развитую Грузию, чем большую, нестабильную и слаборазвитую».

Но и эти два респондента тоже считают, что, в первую очередь, судьбу Абхазии должны решать сообща люди, которые там проживали до конфликта.

В заключение можно отметить, что проведенное нами исследование позволяет сказать, что участники процесса народной дипломатии с грузинской стороны:

- достаточно разбираются в причинах конфликта (кроме одного респондента, представления которого о конфликте были весьма поверхностными);
- называют не одну, а несколько причин, вызвавших развязывание конфликта;
- большинство из них называет одни и те же причины возникновения конфликта: разная историческая память абхазов и грузин, радикальный дух националистических движений грузин и абхазов, русский фактор, непримиримость интересов грузинской и абхазской политических элит, ввод войск правительством Грузии в Абхазию, провокационные действия со стороны Ардзинбы, толкающие к войне. Разница в том, что респонденты придают им разное значение в зарождении и развитии конфликта;
- достаточно восприимчивы к чужому мнению, т.е. раскрыты к принятию и осмыслению новой, подчас и неприятной информации, что, на наш взгляд, показывает их способность к диалогу;

- самой приемлемой формой разрешения конфликта для них является федеративное устройство Грузии, но судьбу Абхазии, по их мнению, в первую очередь должно решить все население Абхазии – абхазы, грузины, русские, армяне, греки и др., все те, кто жили там до войны.

Резюме

В статье представлены результаты интервьюирования участников процесса народной дипломатии с грузинской стороны. Цель заключалась в выяснении того, в чем видят они причины грузино-абхазского конфликта и насколько повлияли на их мнение встречи с абхазами. Анализ информации выявил несколько причин конфликта, которые почти все участники считают решающими в возникновении грузино-абхазского конфликта: разная историческая память абхазов и грузин, радикальный дух националистических движений грузин и абхазов, русский фактор, непримиримость интересов грузинской и абхазской политических элит, ввод войск правительством Грузии в Абхазию, провокационные действия со стороны Ардзинбы, толкающие к войне – хотя придают им разное значение в развитии конфликта. Они достаточно восприимчивы к пониманию и восприятию чужого мнения, что является очень важным фактором для успешного развития дальнейших взаимоотношений с абхазской стороной и вообще процесса народной дипломатии.

Нодар Сарджвеладзе
Фонд развития человеческих ресурсов

Опыт фасилитации диалога старейшин Грузии и Абхазии

В декабре 1998 г. в г. Стамбуле проходил семинар UNHCR на тему “Urban Refugee, Elderly Refugee...”. На этом семинаре международная организация “Help Age International” объявила конкурс на получение гранта по проектам, связанным с проблемами граждан преклонного возраста. Фонд развития человеческих ресурсов (FDHR) представил на конкурс проект “Старейшины за построение мира в Грузии и Абхазии”. По решению “Help Age International” проект получил финансирование.

Мы можем назвать два источника возникновения и разработки идеи проекта грузино-абхазского диалога старейшин:

- многочисленные беседы сотрудников FDHR в Тбилиси, Кутаиси и Зугдиди с вынужденно перемещенными лицами из Абхазии в ходе осуществления долгосрочных программ по психосоциальной реабилитации (при финансовой поддержке Норвежского советом по беженцам, NRC);
- народно-дипломатические грузино-абхазские встречи, организованные П. Гарб (Ирвинский Университет, Калифорния, США), отличавшиеся не только деловитостью и конструктивностью, но и честным, искренним неформальным, человеческим общением.

Суммируя размышления о концептуальных и организационных аспектах проекта, мы учли, что в процессе народной дипломатии значительную роль могли бы сыграть люди пожилого возраста – авторитетные представители старшего поколения. Общеизвестно, что на Кавказе в течение нескольких столетий конфликтные ситуации решались советами старейшин. В этом плане существуют соответствующие традиции и позитивный опыт. Однако этот ресурс построения мира на данном этапе не используется.

Действующими лицами народно-дипломатических мероприятий в данном проекте являются лидеры организаций старейшин Грузии и Абхазии. Фасилитаторами встреч являются сотрудники FDHR (Тбилиси) и Центра гуманитарных программ (Сухуми), которые в течение последних лет поддерживают рабочий контакт.

Подготовительный период встречи

В январе-феврале 1999 г. FDHR имел несколько телефонных переговоров с сухумскими коллегами из Центра гуманитарных программ по поводу

партнерства по осуществлению проекта. В этот же период FDHR начал проводить встречи с пожилыми гражданами из круга грузинских беженцев из Абхазии, которые объединены в организацию “Фонд возрождения и развития Абхазии”. Это были авторитетные пожилые люди, которые в советский период занимали важные позиции в общественной жизни Абхазии. С марта до первой половины августа 1999 г. представители FDHR и, в частности, его председатель Н. Сарджвеладзе раз в неделю (по субботам) встречался с этой группой пожилых граждан. На встречах присутствовало от 8 до 15 человек. В общей сложности было проведено свыше 25 встреч. Встречи проходили в форме диалога, время от времени проводились элементарные тренинговые программы по конструктивным переговорам. Ведущий (Н. Сарджвеладзе) делился опытом и объяснял принципы и цели народной дипломатии, рассказывал об ограничениях, существующих для нее. По его инициативе состоялась встреча пожилых людей с сотрудником комитета по правам человека парламента Грузии, имеющим богатый опыт народно-дипломатических мероприятий. Кроме того, грузинские старейшины дважды встречались с профессором Калифорнийского Ирвинского Университета П. Гарб, которая в течени последних лет была организатором многих грузино-абхазских народно-дипломатических встреч и имеет в этом отношении богатый опыт.

В конце марта 1999 г. под руководством П. Гарб состоялась традиционная встреча-конференция грузинских и абхазских представителей NGO в г. Сочи, где Н. Сарджвеладзе смог встретиться с сотрудниками Центра гуманитарных программ. Во время переговоров были уточнены многие вопросы, касающиеся осуществления встречи старейшин FDHR в лице Н. Сарджвеладзе, и сотрудники Центра гуманитарных программ договорились, что с абхазской стороны участие в проекте будет предложено Совету старейшин Абхазии, председателем которого является член абхазского парламента П. Адзинба. Итак, FDHR должен был развернуть в Тбилиси организационную работу с пожилыми людьми – членами фонда “Фонд возрождения и развития Абхазии”, в рамках которого функционировала инициативная группа, называемая “Движение примирения”, а Центр гуманитарных программ поддерживал контакты с Советом старейшин Абхазии. Позднее FDHR включил в круг грузинских старейшин проживающего в Западной Грузии (в г. Зугдиди) известного пожилого нейрохирурга, к которому абхазские старейшины испытывали особое уважение за его заслуги в период его многолетней жизни в Сухуми.

С конца марта по май 1999 г. председатель FDHR и председатель “Фонда возрождения и развития Абхазии” имели множество телефонных переговоров с Центром гуманитарных программ и с Советом старейшин Абхазии.

В начале июня 1999 г. в Стамбуле состоялась грузино-абхазская встреча в рамках официальной дипломатии, которая проводилась под председательством ООН в рамках программы по выработке мер доверия. Грузинское правительство включило в делегацию председателя FDHR Н. Сарджвеладзе, а с абхазской стороны в делегации участвовал председатель Совета старейшин Абхазии П. Адзинба. Во время этой официальной встречи Н. Сарджвеладзе и П. Адзинба согласовали ряд организационных вопросов и окончательно договорились провести грузино-абхазскую встречу старейшин в августе 1999 г. в г. Сочи.

Сочинская встреча старейшин

Встреча состоялась 23-27 августа в г. Сочи в гостинице “Звездный”. Эта встреча знаменательна тем, что проходила без посторонней медиации. (Как правило, при грузино-абхазских встречах в качестве фасилитаторов или медиаторов выступали и продолжают выступать либо международные организации, либо какие-нибудь западные организации или частные лица, либо русские организации.)

На данной встрече в качестве фасилитатора выступали Н. Сарджвеладзе (FDHR) и Марина Гумба (Центр гуманитарных программ). В абхазской делегации было 7 пожилых мужчин, самому младшему из которых было 62 года, а самому старшему 82 года. Грузинская делегация также включала 7 пожилых мужчин, самому младшему было 61 год, самому старшему – 76 лет. В делегациях были юристы, инженеры, агрономы, работники сельскохозяйственного сектора, педагоги и ученые, врач.

В первый раз делегации встретились вечером 23 августа во время размещения в гостинице и общего ужина.

На второй день, 24 августа, встреча началась с утра в конференц-зале гостиницы “Звездный”. Фасилитаторы предложили старейшинам вести диалог по определенной схеме, согласно которой сначала каждый член делегации должен был представиться и вкратце обрисовать пройденный жизненный путь. Далее надо было обсудить мотивацию вовлеченности в движение за примирение, наметить краткосрочные и долгосрочные планы данного движения, представить свои конкретные предложения.

В течение всей первой половины 2-го дня встречи каждый из старейшин довольно детально рассказывал о пройденном жизненном пути, о горестях, об обидах, о войне и надеждах, о личных инициативах и усилиях по предотвращению грузино-абхазской войны, о своих опасениях, о претензиях к противоположной стороне. Степень открытости и искренности каждого участника была высока. Несмотря на то, что порой отдельные участники

затрагивали весьма острые вопросы и эмоциональная тональность становилась интенсивной, участники внимательно слушали друг друга, а фасилитаторы всем давали возможность полностью высказаться. Следует отметить, что такая открытость и искренность в первый же день способствовала некоторому доверительному общению. Более того, в процессе общения сторон искренность приобрела самостоятельную ценность, которая подытоживалась в формуле: “Наша встреча только в том случае имеет ценность, если мы будем искренни и правдивы друг с другом.” Следует учесть, что многие из делегатов были знакомы друг с другом еще до войны, а некоторые из них даже имели тесные контакты. Тем не менее, надо было обеспечить их прозрачность и открытость по отношению друг к другу и через это построить доверительную атмосферу диалога. Вторая половина дня 24 августа прошла в неформальной обстановке общения за обедом и ужином.

На третий день встреча началась с утра, и фасилитаторы предложили старейшинам обсудить краткосрочные и долгосрочные цели движения за примирение. Следует отметить, что грузинская сторона была настроена завершить встречу принятием и подписанием документа, который был бы своеобразным свидетельством ее результативности в отличие от многих других грузино-абхазских переговоров разного уровня. Такая ориентация на успех и результативность определяла стремление грузинской делегации к форсированию подписания общего документа о договоренности. Абхазская сторона от этого воздерживалась, она больше делала акцент на неторопливое установление доверительных отношений без принятия какого-либо документа во время первой встречи. В силу такой разницы в ориентациях предложенная фасилитаторами схема, согласно которой предлагалось обсудить долгосрочные и краткосрочные планы и цели движения за примирение, не сработала. Старейшины обеих сторон вкратце высказались на эту тему, а далее грузинская сторона предложила поработать над документом, который заложил бы основу сотрудничества между сторонами в процессе построения мира. При обсуждении этого вопроса фасилитаторы предложили создать редакционную комиссию по составлению подобного документа, черновик или схематические наброски которого имелись у грузинской стороны. При обсуждении на поверхность выплыло одно типичное опасение, связанное с синдромом возвращения после переговоров: отдельные члены абхазской делегации выразили опасение, что если старейшины подпишут документ, который по каким-либо признакам не понравится абхазской общественности, то они окажутся в неловком и трудном положении. Такое же опасение со своей стороны было высказано и грузинскими участниками диалога. Исходя из этого, фасилитаторы предложили старейшинам следующий принцип: “Пусть во время работы над общим документом грузины

особо заботятся о безопасности абхазских участников диалога, а абхазы со своей стороны, пусть особенно позаботятся о безопасности грузинских коллег.” Этот принцип взаимной заботы о безопасности сторон был принят участниками диалога, и он удачно сработал. После этого стороны в течение полутора дней работали над документом, который многократно переделывался, корректировался и уточнялся.

4-й день встречи полностью был посвящен окончательной доработке документа о договоренности и его подписанию. Участники диалога отметили плодотворность встречи и готовность к следующим шагам по разработке совместной программы “От конфронтации к миру и согласию”. Старейшины единодушно отметили, что следует продолжить регулярные встречи и вовлечь в это движение более широкую аудиторию как с грузинской, так и с абхазской стороны. Вечером состоялся прощальный дружеский ужин.

Первая половина 5-го дня прошла в обстановке неформального общения. Грузинские и абхазские старейшины тепло попрощались в надежде на последующие встречи.

Приводим текст заявления старейшин, под которым подписались все участники диалога.

З А Я В Л Е Н И Е

участников встречи – делегаций Совета старейшин Абхазии и грузинского неправительственного движения “Примирение”

Делегации Совета старейшин Абхазии и Грузинского неправительственного движения “Примирение” на встрече, состоявшейся при поддержке международной организации “Help Age International” 23-27 августа 1999 года в г. Сочи, признали, что подобные контакты способны позитивно повлиять на достижение взаимопонимания сторон и тем самым ускорить процесс мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта.

С учетом вышеизложенного, руководствуясь искренним желанием сделать все возможное для установления мира, взаимопонимания и нормальных, цивилизованных отношений между народами Абхазии и Грузии, участники встречи признали целесообразным:

1. Продолжить начатый диалог и встречи, придав им регулярный характер.

2. Разработать программу “От конфронтации – к миру и согласию”, в основу которой должны быть заложены четырехсторонние политические решения по урегулированию грузино-абхазского конфликта, принятые с участием абхазской и грузинской сторон, и принципы равноправия, справедливости, взаимного уважения, приверженности идеалам гуманизма и человечности. Главной целью Программы, ее стержнем должны стать разработка предложений, рекомендаций и мер по снятию напряженности, устранению причин конфликта, восстановлению доверия и обеспечению мира и нормальных цивилизованных отношений между народами Грузии и Абхазии. Механизм реализации программы может быть определен после ее разработки и утверждения.
3. Признать первоочередной задачей деятельности делегаций на ближайший период, до завершения разработки Программы, принятие необходимых мер по недопущению фальсификации фактов истории и жизни абхазского и грузинского народов, разжиганию межнациональной розни и нетерпимости, унижению национального достоинства, проявлению других враждебных действий.
4. Очередную встречу сторон организовать в конце ноября 1999 года в г. Сочи.

*Делегаты Совета старейшин
Абхазии:*

**Айба Х.К.
Адзинба П.Х.
Аргун Ю.Г.
Бганба С.Д.
Гургулия Б.А.
Кецба В.И.
Логуа И.М.**

*Делегаты грузинского
неправительственного движения
"Примирение"*

**Акубардия Г.С.
Гогоберишвили Д.Г.
Закарая А.Х.
Кохреидзе Г.Т.
Месхия Н.Ш.
Микадзе А.И.
Силагадзе Д.С.**

Фасилитаторы:

**Гунба М.С.
Сарджвеладзе Н.И.**

г. Сочи

27 августа 1999 г.

Результаты встречи

В течение сентября 1999 г. FDHR собирал информацию о реакции грузинской и абхазской общественности на эту встречу, а также наблюдал за тем, как сами старейшины оценивают результаты данного диалога, насколько они стремятся расширить круг единомышленников, распространить информацию о мирном процессе и примирении.

По приезду в Тбилиси старейшины несколько раз выступали по радио и телевидению, провели пресс-конференцию. В итоге, масс-медия Грузии распространила информацию о встрече. В принципе, это была первая встреча старейшин после абхазской войны. Эта встреча была и первой народно-дипломатической встречей, когда участники обошлись без посредника из нейтральной страны. Встреча проходила в форме открытого и конструктивного диалога. С абхазской стороны в ней участвовали влиятельные люди из правительственных и неправительственных структур, с грузинской стороны – старейшины, которые имели авторитет и играли важную роль в социальной жизни Абхазии до войны. Абхазские и грузинские старейшины выразили добрую волю на продолжение начатого диалога и придание ему регулярного характера, на развитие программы “От конфронтации к миру и согласию”, которая будет основана на четырехстороннем политическом решении по урегулированию грузино-абхазского конфликта. Старейшины заявили, что сделают все возможное для построения мира, взаимного понимания и установления нормальных, цивилизованных взаимоотношений между грузинами и абхазами. В период между встречами старейшины намерены выработать конкретные предложения и рекомендации для уменьшения напряженности и предупреждения конфликта, а также построения мостов доверия. Они постараются не допустить любых фактов фальсификации истории абхазского и грузинского народов, межэтнической ненависти и нетерпимости, ущемления национального достоинства. Они будут работать над преодолением “образа врага” между грузинами и абхазцами.

Важным в этой встрече было и то, что старые друзья и знакомые встретились после долгих лет разлуки, по-дружески беседовали друг с другом, вспоминали прошлое, сказали друг другу много теплых слов и выразили соболезнование по поводу человеческих потерь. Трое из участников встречи потеряли во время войны своих сыновей. Несмотря на тяжелую боль, отцы были великодушны и достаточно мужественны, чтобы преодолеть свое горе и сесть за стол переговоров с представителями конфликтующей стороны. Одна из главных целей народной дипломатии – это гуманизация отношений в нашем, к сожалению, негуманном мире. Встреча старейшин достигла этой цели и подтвердила тот факт, что старость – символ глубокого опыта и мудрости, а не болезни и беспомощности.

В Абхазии тоже была проведена пресс-конференция, и масс-медиа Абхазии тоже осветила эту встречу.

В итоге Сочинской встречи была создана якорная группа грузинских и абхазских старейшин, которые договорились, что будут распространять положительный опыт диалога в своих сообществах. Старейшины Грузии в течение всего сентября 1999 г. собирались довольно часто и обсуждали вопрос о создании программы “От конфронтации к миру и согласию”. Они уже создали такую программу и собираются послать ее абхазской стороне. Со своей стороны, абхазские старейшины тоже разрабатывают подобный документ. Многие международные организации, а также государственные структуры Грузии и Абхазии заинтересовались сочинским диалогом старейшин.

В настоящий момент проходит регистрацию новое НПО грузинских старейшин “Примирение”. Очевидно (и сами старейшины с гордостью отмечают это), что они заложили основу весьма значительному процессу в деле урегулирования грузино-абхазского конфликта.

Теперь важно организовать последующие встречи, придать им регулярный характер и осуществить несколько совместных проектов. Поэтому привлечение соответствующих фондов является неотложной задачей.

Марина Элбакидзе

Кавказский институт мира, демократии и развития

Военные о роли народной дипломатии в трансформации абхазского конфликта

(результаты социологического исследования)

Политическая проблема, именуемая абхазским вооруженным конфликтом 1992-1993гг., по сей день остается нерешенной. Попытки ее урегулирования на правительственном уровне не дали практически никаких результатов.

Мы считаем, что для трансформации абхазской проблемы важно, наряду с официальной дипломатией, усилить роль неправительственной дипломатии, используя уже накопленный в истории народной дипломатии мировой опыт и те уникальные возможности, которые заложены в исторических, традиционных и этно-психических особенностях грузинского и абхазского народов.

Для этого необходимо проведение научного исследования с целью изучения отношения конфликтующих народов к предпосылкам возникновения конфликта и к путям его урегулирования. Мы полагаем, что в разных социальных группах отношение к этим вопросам будет различным. Изучение установки разных социальных групп к народной дипломатии даст нам возможность прогнозировать, в каком направлении надо направить работу народной дипломатии по урегулированию грузино-абхазского конфликта.

В марте 1999г. мы уже провели в этом направлении качественное социологическое исследование методом фокус-групп. Нами было исследовано несколько выборок следующего типа: студенты, безработные, работающие, представители интеллигенции, журналисты и члены неправительственных организаций (НПО).

В настоящее время объектом нашего исследования являются военные, т.е. люди, которые участвовали в вооруженном конфликте 1992-93гг. и которые первыми могут попасть в боевую ситуацию в будущем, если вооруженное противостояние возобновится. Мы сочли, что особое внимание должно быть уделено изучению установок военных: их позиции, их готовности к войне и миру, их видению причин возникновения абхазского конфликта, путей его урегулирования, их мнению о значении воли народа, народной дипломатии и т.д.

Военные в наших исследованиях представлены двумя группами:

- 1) офицеры, которые воевали в Абхазии и продолжают нести военную службу,
- 2) солдаты – новобранцы пограничных войск (не воевавшие).

В обеих группах участвовало по десять респондентов. Возраст офицеров – от 33 до 48 лет, солдат – от 19 до 23 лет.

Большинство офицеров (семеро) поступили на военную службу в период начала вооруженных действий в Абхазии, прошли войну и остались работать в военных структурах. Трое из них были военнотружущими еще до войны. Все десять участников имеют высшее образование. Все они жители г. Тбилиси.

Солдаты – жители разных регионов Грузии, четверо из них проходят обязательную военную службу после получения высшего образования, остальные – призывники по возрасту.

(Группу офицеров набрали через Министерство обороны; они не все знакомы друг с другом, только двое из них воевали в одной части. Солдаты – все из одной части, но с разным стажем службы. Одни из них служат в армии второй месяц, другие второй год).

Мы попытаемся проанализировать результаты проведенного социологического опроса, в сравнении с результатами исследования, проведенного в марте с группами гражданских лиц.

Думаем, было бы очень ценно проведение параллельного исследования с абхазской стороной и осмысление результатов в целом.

* * *

Следует отметить, что много времени на встрече с фокус-группой участников абхазской войны (в дальнейшем будем называть ее просто офицерской группой, а группу новобранцев – солдатской) было уделено воспоминаниям о войне. Этот жизненный опыт оказался для них актуальным и важным и по прошествии шести лет. Они вспоминают эпизоды боев, отношения друг с другом, оценивают действия грузинских военачальников и правительства, анализируют неоднозначное отношение грузинского общества к грузинским бойцам и к конфликту. Рассказывают, почему пошли на войну, анализируют, насколько правильным было это решение, чем была для них эта война. Если просуммировать их рассуждения, резюме будет следующим: они воевали за целостность Грузии; они не воевали против абхазов, они противостояли политике России; грузины не проиграли войну, а абхазы не выиграли ее; войну проиграла и грузинская политика, и абхазская.

Несмотря на ужасы войны и перенесенные ими физические и психические травмы, они не называют абхазов ”врагами”, в их оценках чувствуется даже определенное уважение к ним. Они вспоминают эпизоды, которые дают им основания оценивать абхазов как людей мужественных, людей слова, называют конкретные фамилии таких абхазов. Конечно, наряду

с положительными образами в их воспоминаниях немало и отрицательных, оставленных войной, но чаще они вспоминают жестокость наемников, сражавшихся на стороне абхазов. По словам одного из офицеров, он почти месяц провел в абхазском плену, перенес унижения и физические оскорбления, но на его пути встречались и такие абхазы, которые обращались с ним достойно, как принято у горцев.

По оценкам офицеров, те ужасы, слухами о которых полнился Тбилиси (изуродованные трупы, пытки, сожжения заживо и т.д.), до некоторой степени правдивы, но, по их словам, в начале конфликта такого не было. Это началось после того, как появились наемники и “афганцы” (участники афганской войны). В начале войны противники по взаимному соглашению временно прекращали военные действия, чтобы обменяться трупами погибших и пленными, и на этом ее этапе в военных частях респондентов изуродованные трупы не попадались.

Неудивительно, что, имея за спиной столь тяжелый опыт, участники войны в основном настроены против применения военной силы для урегулирования конфликта.

* * *

В военных группах, в отличие от гражданских, дефиниция понятия народная дипломатия, или родственных ей понятий (неофициальная дипломатия, неправительственная дипломатия, воля народа) не стала предметом долгих обсуждений. По мнению офицеров, народная дипломатия является для нас новым институтом, у народа нет опыта такой активности, по инерции советских времен он пассивен. По их оценкам, народная дипломатия будет эффективной, если на то будет добро и поддержка правительства. Они считают, что народная дипломатия может создать определенный фон, но главное в разрешении конфликта это политика и сила.

В солдатской группе, по сравнению со всеми другими исследованными группами, понятие народной дипломатии осмыслено мало. Они мало информированы о народной дипломатии в других странах или в Грузии и почти ничего не знают о сути и деятельности НПО.

Под понятием “воля народа” они, в основном, подразумевают участие в выборах. С этой точки зрения большей информированностью выделяются солдаты, имеющие высшее образование.

В связи с эффективностью действия народной дипломатии, позиции солдат и офицеров в основном совпадают: народная дипломатия как активность народа, как выражение его воли является определенной силой, создает определенный фон, но решающими в урегулировании конфликта

могут быть или правильная политика, или военная сила. Они считают, что там, где проблему не может разрешить правительство, будет бессильна и народная дипломатия. Основная функция народной дипломатии, по их мнению, – это формирование общественного мнения, т.е. создание положительного настроения между противостоящими народами, а после политического разрешения конфликта – урегулирование взаимоотношений между грузинским и абхазским населением. Малая часть солдатской группы придерживается в отношении народной дипломатии резко отрицательной позиции: нигде в мире проблемы не решаются на уровне народной дипломатии.

По мнению большей части солдат, роль и сила народа не являются решающими в деле урегулирования конфликта, но в целом народ может оказывать влияние на правительство. В качестве примера они приводят 9 апреля. Но сегодня, по их мнению, людям, занятым проблемой выживания и личными тяготами, не до общественной и гражданской деятельности; в обществе сегодня нет единства, а поэтому нет и силы.

* * *

Выяснение роли народной дипломатии в конфликте естественным образом привело к вопросам о роли правительства в его урегулировании и о взаимодействии народа и правительства. Следует отметить, что эта тема особенно остро и активно дискутировалась в гражданских группах, особенно в студенческой. В военных группах она вызвала меньшую активность. Офицеры, в основном, ограничились корректной критикой действий правительства в военный период. Надо полагать, частично это обусловлено их службой в государственной структуре.

Солдаты были намного критичнее офицеров, но не выделялись такой резкостью, как их ровесники – студенты. По мнению большинства солдат, у правительства нет определенной позиции, она была неопределенной во время войны и остается такой же сегодня. У них создалось впечатление, что правительство что-то скрывает от народа, ведет игру; они допускают возможность секретных сделок между правительствами России и Грузии, которые заключаются втайне от народа, и в результате которых Грузия теряет территории; правительство не учитывает нужды людей, не принимает во внимание мнение беженцев; народ устал от обещаний и не доверяет правительству; правительство должно защищать права человека; народ выбирает правительство, поэтому государство – это народ, а правительство обязано защищать права народа, но сегодня оно не выполняет этого в полной мере.

Малая часть солдатской группы проявила положительное отношение к грузинскому правительству – оно выбрало правильную политику, заботится о народе, но в стране есть политические и мафиозные группировки, которые очень сильны, очень влиятельны и мешают проведению государственной политики и урегулированию абхазского конфликта.

Часть участников отметила, что у грузинского государства есть определенные успехи во внешней политике, что в стране, хотя и не в полной мере, идут демократические процессы, но народ плохо понимает, что такое демократия и еще не готов к ней.

* * *

Основной причиной конфликта в военных группах однозначно была названа третья сила в лице России: “этот этноконфликт – результат русской политики, результат работы русских спецслужб”. На всей территории Советского Союза, по мнению респондентов, заранее были заложены мины в виде автономных и бинациональных республик, а кнопка, при нажатии которой они взрывались, была в Москве; первую пробную войну русские успешно спровоцировали в Карабахе – она продолжается до сих пор; когда Грузия отказалась войти в СНГ, был включен вариант Осетии и Абхазии.

Одной из предпосылок конфликта, кроме третьей силы, в солдатской группе было названо и грузино-абхазское противостояние. Но они считают, что противостояние это не переросло бы в войну, если бы не Россия – она воодушевила абхазов, иначе они не решились бы на войну с грузинами. Было отмечено, что между этими народами с такими близкими культурами и схожими традициями, с таким количеством смешанных грузинско-абхазских семей, не было и противостояния, но его искусственно провоцировала Россия: у грузин и абхазов в советский период были неравные права – почти все высокие должности, кроме прочих льгот, предоставлялись только абхазам.

Конфликт был запланирован Россией, финансировался ею, и, по мнению респондентов, процесс этот продолжается – попыткам урегулирования конфликта мешают и сегодня.

Одной из причин, доведших до конфликта, был назван и экономический фактор: Грузия не давала Осетии и Абхазии простора для экономической деятельности. По мнению одного из участников офицерской группы, абхазские армяне воевали на стороне Абхазии потому, что защищали свой “коньячный бизнес”. Основное мнение в группе – у абхазов и грузин не было причин воевать, им нечего было делить, это была война с русскими, которые одурачили и абхазов, и грузин и втянули их в вооруженный конфликт.

* * *

Когда в военных группах был поставлен вопрос о том, что они подразумевают под урегулированием конфликта, выяснилось, что и офицеры и солдаты вкладывают в это выражение один и тот же смысл. Урегулирование конфликта для них – это “восстановление территориальной целостности Грузии”, “восстановление юрисдикции Грузии на территории Абхазии” и возвращение беженцев в свои дома. Но при этом отмечалось, что должны быть учтены и интересы абхазов и им, в приемлемой для них форме, должна быть предоставлена автономия.

Здесь же для сравнения хотим привести результаты проведенного нами ранее социологического исследования. В гражданских группах (в основном, студенты и интеллигенция) была названа и другая версия решения конфликта: 1) возвращение беженцев независимо от политической принадлежности абхазской территории; 2) идея независимого абхазского государства. Подобных идей военные не высказывали, но в солдатской группе был поставлен вопрос: что важнее: люди или территория? Здесь мнение группы равномерно распределилось по двум позициям:

- 1) по мнению одной части, важнее вернуть территорию, даже ценою человеческих жертв, а потом уже защищать там права человека. Представители этой позиции исходили, по нашему мнению, из своей роли солдата, обязанного защищать государственные интересы и уметь жертвовать собой во имя родины;
- 2) по мнению другой половины, самое главное это – человек; главное, чтобы два народа, абхазы и грузины, нормально общались; нет смысла возвращать территорию, если люди будут настроены враждебно друг к другу. Все они также заявляли, что готовы пожертвовать собой для родины.

* * *

Опыт предыдущего исследования показал, что все опрошенные группы (гражданские и военные) допускают 3 возможных теоретических способа разрешения конфликта: 1) правительственная дипломатия; 2) народная дипломатия; 3) силовой метод.

Военные совершенно исключают народную дипломатию в качестве пути, имеющего самостоятельную ценность в деле урегулирования конфликта.

И в солдатской, и в офицерской группе был поставлен вопрос: каким образом будет разрешен конфликт, т.е. каким образом произойдет возвра-

щение территории, – с помощью применения опять-таки военной силы или посредством мирных политических переговоров?

Группа офицеров, исходя из опыта прошедшей войны, однозначно отбрасывает версию возвращения территории силовыми, военными методами.

У солдат выделились две позиции. Малая часть из них считает средством возвращения территории применение военной силы. Большинство отвергает идею возобновления войны и аргументирует свою позицию так: крови было пролито достаточно, но это не принесло никаких положительных результатов ни одной из сторон; это будет война не с Абхазией, а с Россией, а это бессмысленно; безнравственно в конце XX века разрешать конфликты, проливая кровь; война приведет к уничтожению абхазского народа, на что никто не имеет права. “Только мирным путем. Грузинская и абхазская молодежь не должны быть принесены в жертву политическим играм.” “Зачем нам земля, если там не останется людей.”

По их мнению, восстановление территориальной целостности должно произойти не путем применения силовых методов, а путем мирных политических переговоров и вмешательства международных миротворческих сил, но обязательно без участия России.

Ими был отвергнут и метод применения блокады как негуманный: если будет война, будут воевать и гибнуть военные, а блокада создает опасность женщинам, детям и старикам. Сегодняшняя блокада Абхазии оценивается как частичная и формальная, которая не перекрывает мирному населению жизненно важных путей.

В качестве одного из факторов урегулирования конфликта было названо время – пройдет время, пройдет ненависть, придет новое поколение, более образованное, более демократичное, и взаимоотношения станут мирными. Этой точки зрения придерживается офицерская группа и часть солдат. Другая часть солдатской группы считает, что растягивание проблемы во времени может сыграть отрицательную роль в деле возвращения территории – сменится несколько поколений, и в грузинском народе загаснет идея территориальной целостности.

Было высказано и мнение, что надо уделить внимание внутренним проблемам, экономике, правам человека, установить верховенство закона, и после этого возвращение Абхазии станет реальным.

* * *

Как уже было отмечено, роль народной дипломатии в урегулировании конфликта в обеих военных группах в отличие гражданских групп была оце-

нена как менее значимая. В то же время, для участников был актуален вопрос будущих взаимоотношений конфликтующих сторон, как абхазов и грузин, в целом, так и в случае возвращения беженцев в Абхазию, в частности.

На последнем этапе встречи, после двухчасового обсуждения ряда вопросов оценка роли народной дипломатии ощутимо возросла. Если в начале встречи опрашиваемые почти отрицали роль неофициальной дипломатии, то в конце встречи они уже говорили о том, что прозрачность позиций, открытые отношения в форме народной дипломатии возможно принесут больше положительных результатов, чем тот же силовой метод. Силовой метод для большинства из них неприемлем: “и так слишком много крови было пролито бессмысленно”. К концу встречи роль народной дипломатии для респондентов обозначилась так: она может создать фон для политических переговоров и восстановления отношений между грузинами и абхазами уже после урегулирования конфликта.

Под созданием фона для переговоров группы подразумевают ослабление отрицательных взаимоотношений и напряженности, разрядку в отношениях между конфликтующими сторонами, разрушение образа врага.

Большая часть участников отметила, что почти непреодолим и особенно сложен вопрос примирения людей, у которых погибли близкие. По их мнению, пролитая кровь не позволит им сделать шаги к примирению.

Другая часть респондентов высказала в связи с этим вопросом противоположное мнение: история помнит и более масштабные и кровавые конфликты, но сегодня эти народы мирно соседствуют и общаются друг с другом. Обсуждение этой проблемы навело участников группы на мысль о том, что особую ценность народная дипломатия может приобрести после возвращения беженцев, когда она всеми доступными средствами должна будет помочь им заново строить, заново осваивать мирные взаимоотношения. По мнению офицеров, после возвращения беженцев следует снова ожидать конфликтов, кровавых стычек, сведения счетов, создания вооруженных лесных “братств”, но люди должны будут строить шаг за шагом мирные взаимоотношения. Было отмечено, что попытки примирения случались и в период конфликта, но они не получили поддержки.

В ходе обсуждения мы логически пришли к вопросу, от которого в большой степени зависит разрешение конфликта: насколько будут удовлетворены интересы абхазов, что значимого для них предложит им грузинская сторона? По мнению одной части участников, абхазам совсем не выгодно сегодня возвращаться в состав Грузии, возвращение Абхазии больше нужно грузинской стороне. Поэтому, чтобы сделать Грузию привлекательной для абхазов, по их мнению, необходимо улучшить экономику, политическую и правовую ситуацию в стране.

По мнению большинства респондентов, несмотря на незавидное экономическое и политическое положение обоих народов, для них все же ценны и выгодны мирные взаимоотношения, и народная дипломатия должна работать в этом направлении – разьяснять и тем и другим, что нельзя больше проливать кровь.

На пути к миру народная дипломатия могла бы обратиться к абхазским, грузинским и вообще общекавказским традициям. В группе офицеров (многие участники бывали в Абхазии до конфликта) вспоминали, как гостеприимно и тепло принимали их в абхазских деревнях.

Для восстановления мира должны быть использованы традиция добрососедских отношений и институт женщин.

Обе стороны должны искренне признать то доброе, что было между ними, и то зло, которое они совершили; каждая сторона должна знать мнение другой стороны; информация должна быть доступна всем слоям населения, а не только политикам.

Масштаб народной дипломатии должен перерасти границы отдельных случаев, она не будет эффективной, если информация об ее актах останется в узком кругу участников и их знакомых. Поэтому информация о ее деятельности должна распространяться с помощью масс-медиа. Необходимо устраивать встречи различных групп населения, и особое значение будут иметь встречи военных и бойцов, воевавших в Абхазии.

Масс-медиа должны работать над разрушением “образа врага”. Сегодня грузинские и абхазские, а в особенности, российские информационные средства распространяют отрицательную информацию, что мешает трансформации конфликта.

Надо содействовать включению абхазов в активную общественную жизнь – в науку, спорт и т.д.

Обсуждалась также идея создания общекавказского дома, который был бы гарантом мира в регионе и освобождения Кавказа от влияния России.

* * *

Исследование аттитудов военных выявило их патриотический дух и в то же время миролюбивый настрой, почти все они ориентированы на мирное разрешение конфликта, особенно офицеры, участвовавшие в абхазско-грузинской войне.

Надо также отметить, что несмотря на их миролюбивый настрой, они проявляют меньше гражданской активности по сравнению с другими социальными группами (студенты, представители НПО и т.д.). Это, возможно, объясняется их служебным положением, которое больше

подразумевает подчинение приказам, чем проявление собственной инициативы.

Военные не считают народную дипломатию действенным методом урегулирования конфликта, но видят ее необходимость для разрушения “образа врага” и создания фона для политического разрешения конфликта. Правда, надо отметить, что эта необходимость была четче осознана после двухчасовой дискуссии, а это показатель того, что групповое обсуждение темы народной дипломатии помогает осмыслению понятия и меняет установку в положительном направлении. Эта тенденция наблюдалась во всех группах, исследованных нами.

Думаем, что относительно низкая оценка эффективности народной дипломатии в военных группах вызвана, в основном, дефицитом информации о достижениях неофициальной дипломатии. Информация положительного характера повышает уровень положительной оценки.

Полагаем, что надо изучать уровень информативности, эмоциональный настрой и потенциальную активность субъектов конфликта (с учетом множества социальных групп) и, соответственно, направлять действия народной дипломатии.